
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023

Совет ректоров высших учебных заведений Воронежской области
Воронежская Ассоциация преподавателей английского языка
Воронежский государственный университет
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Сопоставительные исследования 2023

Продолжающееся
научное издание

Выходит с 2004 г.

Выпуск 20

Памяти Иосифа Абрамовича Стернина

RITM.TECH

Москва

2023

УДК 81'1.001

Редакционная коллегия:

проф. М.А. Стернина – научный редактор
доц. А.В. Рудакова – зам. научного редактора
проф. А.П. Бабушкин, доц. Н.М. Шишкина

Сопоставительные исследования 2023: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина – Продолжающееся научное издание. Вып. 20. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. – 177 с.

Предлагаемый сборник научных трудов является двадцатым в серии ежегодных публикаций Воронежского государственного университета, посвященных проблемам сопоставительных исследований.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2022 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы девятой Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 3 февраля 2023 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Рецензенты: *проф. В.М. Топорова, д.фил.н. Е.А. Маклакова*

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *М.А. Стернина*

ISBN 978-5-00208-041-0

© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «РИТМ», 2023

Раздел 1. Вопросы теории сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Сопоставительные исследования в трудах И.А. Стернина

Аннотация: В статье проводится обзор основных направлений сопоставительных исследований в работах проф. И.А. Стернина.

Ключевые слова: И.А. Стернин, сопоставительные исследования, контрастивные исследования, внутриязыковое сопоставление, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper provides an overview of the main areas of comparative studies in the works of prof. I.A. Sternin.

Key words: I.A. Sternin, comparative studies, contrastive studies, intralanguage comparison, comparative-parametric method.

Среди многочисленных направлений лингвистики, в которые внес вклад И.А. Стернин, сопоставительные исследования занимают особое место. Иосиф Абрамович занимался всеми видами сопоставления: сопоставительными и контрастивными исследованиями, а также внутриязыковым сопоставлением.

Отметим, что вслед за А. Гудавичюсом (Гудавичюс 1985, с. 4). Иосиф Абрамович разграничивал понятия контрастивного и сопоставительного языкознания и отмечал, что если при сопоставительном исследовании языковой материал в сравниваемых языках изучается параллельно, а затем сравнивается, в контрастивных исследованиях описание идет от одного языка, как правило, родного для исследователя, к иностранному языку.

Иосиф Абрамович подчеркивал, что сопоставительные исследования дают обширный материал для теории языка. Так, сопоставление лексических явлений позволяет оценить общность и национальные особенности одноименных лексических группировок (лексико-семантических групп, тематических групп, лексико-семантических полей, синонимических рядов), лексем и семантем в близкородственных и неблизкородственных языках, определить, что в лексическом плане эти языки объединяет, а что является характерным только для одного из них.

Такой вид сопоставления И.А. Стернин называл линейным, поскольку явления сопоставляются как бы на одной линии – группа с группой, единица с единицей.

При этом профессор И.А. Стернин отмечал неправомерность утверждений исследователей, работающих в рамках сопоставительного метода, о возможности практического применения результатов их исследований непосредственно в практике преподавания соответствующих языков и лексикографической практике. Как отмечал Иосиф Абрамович, в

рамках линейного сопоставления выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную *подсистему*, устанавливается специфика организации одноименных микросистем в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия *подсистемы, семантемы или семемы*. Но практику преподавания не интересует системная организация микросистем, различия между словами по семантике, различия в иерархии единиц или структуре семемы, так как все это не является предметом практического обучения языку.

На практике преподаватель не может непосредственно использовать результаты линейного сопоставления в преподавании, так как в процессе обучения используются не лексические системы в целом, а их отдельные элементы в зависимости от целей и задач данного этапа обучения. Для использования результатов сопоставительного анализа языков преподаватель должен полученный сопоставительный материал осмыслить, расчленив и подать в удобной для обучения форме. То же самое относится и к результатам сопоставления отдельных лексических единиц – единицу иностранного (для обучающегося) языка преподаватель должен методически обработать, чтобы учащийся усвоил ее в том смысловом объеме, в котором она представлена в изучаемом языке, а не в его родном.

То же самое относится и к лексикографии – для использования результатов сопоставительного описания языков в лексикографической практике эти результаты должны быть доработаны, переформулированы, приведены в удобную для создания словарных статей форму. Таким образом, отмечал Иосиф Абрамович, для методики преподавания языка сопоставительные исследования дают только материал для дальнейшей методической и лексикографической обработки.

Как отмечал И.А. Стернин, непосредственно в практике преподавания языков и лексикографической практике могут быть использованы результаты контрастивных исследований. Согласно проф. И.А. Стернину, контрастивные исследования позволяют выявить национальную специфику семантики лексических единиц, оптимизировать обучение иноязычной лексике и коммуникативному поведению в процессе обучения иностранному языку, оптимизировать подбор адекватных переводных соответствий при переводе.

Иосиф Абрамович никогда не был чистым теоретиком, его всегда интересовали прикладные вопросы лингвистики. Именно поэтому он много внимания уделил разработке методики контрастивного анализа.

Данная методика состоит из нескольких этапов и шагов и представлена следующим образом. На первом этапе происходит выделение лексической группировки в исходном языке, в качестве которого, по мнению И.А. Стернина, целесообразнее всего выбирать родной для исследователя. Первым шагом на этом этапе является составление базового списка

лексической группировки, когда из одноязычных толковых словарей методом сплошной выборки выписываются принадлежащие к исследуемой группировке слова. Следующий шаг – синонимическое расширение базового списка, когда все выделенные в результате первого шага лексемы просматриваются по синонимическим словарям данного языка, в результате чего выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список. На третьем шаге происходит расширение базового списка за счет результатов анализа текстов современной художественной литературы и публицистики, в которых употребляются слова данной лексической группировки. Последним шагом данного этапа является структуризация лексической группировки, на котором полученный итоговый список исследуемых единиц разбивается на смысловые группы и подгруппы, определяется ядро и периферия исследуемой группировки. Результатом данного этапа является описание состава и структуры лексической группировки исследуемых единиц.

На втором этапе исследования происходит выявление словарных переводных соответствий по двуязычным словарям, а также межъязыковых лексических соответствий с использованием синонимических словарей. Результатом второго этапа является установление межъязыковых соответствий.

Третий этап представляет собой семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках. Первым шагом здесь является семное описание единиц обоих языков в рамках выделенных подгрупп, далее происходит установление частотности употребления исследуемых единиц и верификация семного описания.

Четвертый этап предусматривает семантическое описание контрастивных пар. Контрастивные пары сначала формируются, затем происходит семное сопоставление их значений. В результате происходит формирование сопоставимых семных дефиниций единиц двух языков.

На следующем, пятом этапе происходит выявление национально-специфических компонентов значений слов в обоих языках.

Шестой этап предусматривает дифференциальную семантизацию членов контрастивных пар по национально-специфическим семантическим компонентам.

И, наконец, последним, седьмым этапом контрастивного описания лексики является дифференциальное толкование значений единиц исходного языка, представляющее собой такое описание семного состава единицы исходного языка, в котором содержится указание на все ее переводные соответствия с перечислением семантических компонентов, которые дифференцируют единицу исходного языка от всех ее переводных соответствий. (Стернин 2007).

Как отмечал И.А. Стернин, контрастивные методы применимы не только в описании лексики, но и в описании фразеологии. Под

руководством Иосифа Абрамовича была защищена кандидатская диссертация Л.И. Зиминой, в которой был разработан алгоритм контрастивного анализа фразеологической семантики (Зимина 2007).

Результатом контрастивных исследований является составление словарных статей контрастивных словарей. Иосифом Абрамовичем были разработаны следующие типы контрастивных словарей:

Контрастивный семный словарь

Контрастивный толково-переводной словарь

Контрастивный дифференциальный словарь

Контрастивный семный фразеологический словарь

Контрастивный толково-переводной фразеологический словарь

Контрастивный дифференциальный фразеологический словарь

Контрастивные словари безэквивалентной лексики и фразеологии

Словари лакун.

Все перечисленные типы словарей необходимы при изучении языка и обучении языку, при переводе, а также при выявлении национальной специфики семантики языка и описании национальной картины мира.

Остановимся также на вкладе Иосифа Абрамовича во внутриязыковое сопоставление. Как отмечал проф. И.А. Стернин, основное, что дает лингвистике внутриязыковое сопоставление – это возможность достаточно точной дифференциации слов по семантике.

Сопоставительный анализ синонимов ведет к уточнению значений исследуемых синонимов, разграничению близких синонимов, установлению отсутствия абсолютных синонимов в языке, поскольку всегда выявляются семантические различия.

Сопоставительный анализ антонимов позволяет выявить реально существующие в сознании носителей языка оппозитивные отношения слова, определяющие его системные связи в языке.

Сопоставительный анализ групповой дифференциации семантики слов позволяет выявить реально представленные в групповом языковом сознании значения; обнаружить и описать динамику семантического развития слова – актуализацию и деактуализацию отдельных значений и семантических компонентов в групповом языковом сознании; выявить ядерные и периферийные значения слова, а также неупотребительные значения; установить наиболее актуальные для представителей отдельных групп носителей языка значения и семантические компоненты; выявить чисто групповые значения; выявить отсутствующие в одной из групп значения; выявить тенденции развития семантики отдельных групп лексики в темпоральной перспективе.

Выявление внутриязыковых лакун позволяет выявить «пустые места» в лексических, стилистических, словообразовательных, формообразовательных парадигмах, лакуны в синонимических и антонимических

парах, что важно для описания системности лексики и обучения языку – как родному, так и иностранному.

Результатом внутриязыкового сопоставления И.А. Стернин видел создание дифференциальных словарей, под которыми он понимал словари, которые отражают дифференциацию значений слов по определенным языковым параметрам.

Проф. И.А. Стерниным и его учениками разработано несколько типов таких словарей:

Словарь синонимов

Словарь антонимов

Групповые дифференциальные словари: гендерные, возрастные, темпоральные, территориальные.

Несомненен вклад И.А. Стернина и в развитие сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований. В рамках данного метода Иосифом Абрамовичем и под его руководством разработаны более 50 индексов для контрастивных, когнитивных и психолингвистических исследований. Совместно с автором данной статьи им были разработаны и обоснованы основные исследовательские процедуры сопоставительно-параметрического метода: индексализация и шкалирование, намечены перспективы использования данного метода для создания семантической типологии.

Таковы основные направления сопоставительных исследований, которые разрабатывал профессор И.А. Стернин.

В заключение отметим, что исследования Иосифа Абрамовича в области сопоставительных исследований исключительно востребованы. Так, написанная совместно с автором данной статьи работа «Сопоставление как лингвистическая методология» (Стернин, Стернина 2015) на сайте И.А. Стернина набрала 28 000 просмотров, а одноименная совместная монография (Стернина, Стернин 2021) стала одним из победителей XII Международного профессионального конкурса преподавателей вузов «Pedagogical Discovery 2022: University» и лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2021 г.

Литература

1. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс: «Мокслас», 1985.
2. Зимина Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Москва: «АСТ – Восток-Запад», 2007.
4. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж: «Истоки», 2015. – С.3-11.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Монография. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021.

С.В. Колтакова, Н.А. Неровная

**Сопоставительно-параметрический метод
в изучении терминов**

Аннотация: В статье рассматривается возможность применения сопоставительно-параметрического метода для описания и анализа терминологических единиц.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, терминология, термины.

Abstract: The paper deals with the potential application of the comparative-parametric method for the description and analysis of terminology.

Key words: comparative-parametric method, terminology, terms.

Термины как объект лингвистических исследований привлекают внимание ученых на протяжении почти столетия. Данное языковое явление рассматривается в различных аспектах: проводится когнитивно-дискурсивный анализ, дифференциация терминов/нетерминов на основе функций и основных характеристик, изучаются экстралингвистические факторы появления терминов, особенности функционирования терминов в тексте, выявляются лексико-семантические группы и поля, сравниваются отраслевые терминологии различных языков, анализируются терминосистемы, механизмы образования терминов, разрабатываются словари-тезаурусы и т.д.

Многочисленные терминоведческие исследования послужили основой возникновения типологического, сопоставительного, функционального, исторического, когнитивного терминоведения, терминографии и т.д. (Гринев-Гриневич 2008, с. 8).

Однако стоит отметить, что при всем многообразии научных работ по анализу различных аспектов такого сложного языкового явления, как термин, многими исследователями отмечается дискуссионность некоторых положений.

Так, представители разных лингвистических школ по-разному интерпретируют соотношение термина, лексического значения и понятия. Одни лингвисты отождествляют лексическое значение термина и понятие (Е.М. Галкина-Федорук), другие утверждают, что термин не имеет лексического значения (А.А. Реформатский, В.А. Звегинцев) по мнению третьих, лексическое значение термина не тождественно понятию (А.С. Герд).

Рассматриваются также различные точки зрения на основную функцию термина. Так, В.М. Лейчик в качестве основных функций выделяет следующие: номинативную, сигнификативную, коммуникативную, обучающую, прагматическую, эвристическую, когнитивную (Лейчик 2007) А.А. Реформатский выделяет также отражательную функцию термина (Реформатский 1996). В качестве дифференцирующей функции термина

наряду с номинативной называют функция обслуживания определенной области знания (Афанасьева 2018).

Различия во мнениях относительно дифференцирующей функции термина находят свое логическое отражение в разнообразии определений данного понятия. Словарь лингвистических терминов в качестве определения термина предлагает следующее: «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, созданное для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов».

В парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как «когнитивно-информационная структура, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» (Володина 2000, с. 31). В ряде других определений акцент делается на том, что термин не только единица науки, но и средство познания окружающего мира (Ивина 2003, с. 14).

Наблюдаются также различные мнения ученых относительно дифференциальных признаков термина, в частности их перечня и иерархичности. А.А. Реформатский выделил такие существенные черты термина, как моносемичность в пределах терминологического поля, неэкспрессивность, стилистическая нейтральность, лексическая и морфологическая систематичность, соотнесенность термина с понятием и связь не с контекстом, а с терминологическим полем (Реформатский 1959, 1996). А.С. Герд отмечал, что «своеобразие термина в том, что термин – это слово, которому искусственно, сознательно приписывается то или иное определение, связанное с научным понятием» (Герд 1968, с.2). Н.З. Кателова в качестве неповторимого отличия термина называет его конвенциональность (Кателова 1970, с. 124).

Современные ученые отмечают двойственную природу системности термина. С одной стороны термин является частью лексико-терминологической системы, обслуживающей определенную область знаний, с другой стороны, частью логической системы понятий профессиональной сферы (Афанасьева 2018). С.Н. Афанасьева в качестве базисного признака термина выделяет его нереферентное употребление (там же). В различных научных публикациях можно встретить такие характеристики терминов, как международность, постоянство в речи, полноточность, целенаправленный характер, мотивированность и т.д. Традиционно большинство ученых в качестве основных свойств термина называют независимость от контекста, однозначность, стилистическую нейтральность, краткость, отсутствие синонимов, системность.

Однако ряд ученых ставят под сомнение необходимость выделения таких признаков термина, как однозначность, краткость и стилистическую нейтральность, поскольку многие терминологические номинации нередко

не демонстрируют данных характеристик (Лантюхова, Загоровская, Литвинова 2013).

Представляется, что основательную логично и тщательно структурированную практическую базу для разрешения споров в области теоретического терминоведения может предоставить использование для анализа терминов разрабатываемого Воронежской теоретико-лингвистической школой сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014, Стернина, Стернин 2021).

Для анализа терминологических единиц различных профессиональных подъязыков в рамках сопоставительно-параметрического метода уже разработан ряд параметров сопоставления, представленных соответствующими индексами (Колтакова 2022):

- *Степень терминологической плотности* (терминологическая плотность – общее количество терминов определенной профессиональной сферы).

- *Степень темпоральной отнесенности* (индекс современности/историчности термина – количество современных/устаревших терминов к общему количеству терминов профессионального подъязыка).

- *Степень кодифицированности* (индекс кодифицированных/некодифицированных профессиональных наименований – количество кодифицированных/некодифицированных профессиональных наименований к общему количеству терминов профессионального подъязыка).

- *Степень заимствования единиц профессионального подъязыка* (индекс заимствований – количество заимствованных из других языков единиц к номинативной плотности профессионального языка);

- *Степень интернационализации профессионального подъязыка* (индекс интернационализации – количество интернациональных единиц к номинативной плотности профессионального языка);

- *Степень аббревиации в профессиональном подъязыке* (индекс аббревиации – количество аббревиатур к номинативной плотности профессионального языка).

Представляется целесообразным предложить еще ряд параметров сопоставления типологических характеристик терминов:

- *Степень структурной сложности терминов* (индекс однокомпонентности – отношение количества однокомпонентных терминов к терминологической плотности; индекс двухкомпонентности – отношение количества двухкомпонентных терминов к терминологической плотности; и т.д.)

- *Степень частеречной принадлежности* (индекс субстантивных/глагольных/адъективных терминов – отношение терминов,

представленных именем существительным, глаголом, прилагательным к терминологической плотности).

• *Степень представленности моделей терминологических сочетаний* (индекс субстантивно-субстантивной модели образования терминологических сочетаний – отношение количества терминов, образованных по субстантивно-субстантивной модели к общему количеству терминов; индекс адъективно-субстантивной модели образования терминологических сочетаний – отношение количества терминов, образованных по адъективно-субстантивной модели к общему количеству терминов).

Как отмечалось выше, термин чаще всего рассматривают как «лексическую единицу, имеющую профессиональное значение, выражающую и формирующую профессиональное понятие и применяемую в процессе познания в сфере определенной профессии» (Закирова 2013). Следовательно, представляется возможным применять индексы, разработанные для анализа сем и семантем лексем (Стернина 2014), и для изучения терминов. Как правило, термины изучаются не изолированно, а в упорядоченной совокупности (терминосистеме), в связи с чем для изучения терминологических групп, полей и т.д. представляется рациональным применять параметры, разработанные для сопоставления лексических группировок различного уровня.

Отметим, что использование предложенных параметров описания терминов: как уже имеющихся в арсенале сопоставительно-параметрического метода, так и специально разработанных для терминосистем, будет способствовать систематизации описания и анализа терминов различных профессиональных областей в рамках как внутриязыкового, так и межъязыкового сопоставления. Результаты такого рода исследований внесут свой вклад в поиск ответов на дискуссионные вопросы функционирования термина в рамках профессионального подязыка, а также лягут в основу построения типологии профессиональных языков.

Литература

1. Афанасьева С.Н. Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина в современном русском языке // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 196–202.
2. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой коммуникации). – М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии. – Л., 1968.
4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
5. Закирова Е.С. Некоторые вопросы терминоведения и терминографии как компонентов общей теории языка для специальных целей (ЯЦЦ, LSP). // Известия МГТУ «МАМИ» – 2013 – № 1(15) – Т.6. – С. 20–26.

6. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М.: Академический проект, 2003.
7. Кателова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122-126.
8. Колтакова С.В. Сопоставительно-параметрический метод в изучении профессиональных языков // Сопоставительные исследования 2022. Вып. 19. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2022. – С. 7–12.
9. Лантюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013. – Вып. 1 (6). – С. 42–45.
10. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М., 2007.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1996.
12. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М., 1959.
13. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Монография. – Воронеж: издательство «Истоки», 2014.
14. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Монография. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021.

И.А. Меркулова

Двуязычные словари в сопоставительных исследованиях лексики

Аннотация: В статье показано, как можно сравнивать лексику языков, пользуясь методикой параметрического анализа двуязычного словаря. Приводится результат сопоставления сербско-русского и хорватско-русского словарей, вычисляется коэффициент типологической близости лексики языков.

Ключевые слова: параметрический анализ лексики, двуязычный словарь, сербский язык, хорватский язык.

Abstract: The paper shows how the lexis of languages can be compared by the method of parametric vocabulary analysis. The result of the comparison of the Serbian-Russian and Croatian-Russian dictionaries is given, the coefficient of typological proximity of the lexis of languages is calculated.

Key words: parametric vocabulary analysis, bilingual dictionary, Serbian, Croatian.

Сопоставительные исследования лексических систем – трудоемкая и трудновыполнимая задача в силу объективных причин. Практика показывает, что пока лингвистика, за редким исключением, ограничивается микрподходами – описанием частей лексической системы, хотя развитие лексикографии языков и появление языковых корпусов может помочь в продвижении целостных сопоставительных исследований лексико-семантических систем языков.

Лексико-семантическая система языка – множество номинативных единиц, соотнесенных с внеязыковой действительностью и связанных синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими связями в концентрически (ядро в ядре) организованное целое. Следовательно, если стремиться к адекватному описанию лексической системы, необходимо

ориентироваться на ее ядро. Что оно собой представляет и как его выделить – нетривиальные вопросы, хотя возможные ответы содержатся в методике параметрического анализа словаря, впервые предложенной профессором Воронежского государственного университета В.Т. Титовым (Титов 2002). Им принимается следующая система отождествлений: «ядро = словарю» «словарь = языку», и, следовательно, ядро = языку.

Справедливо ожидать вопроса о том, насколько полно лексическая система отражается в словаре некоторого языка? Настолько, насколько она отражается в текстах на этом языке и насколько тексты отражаются в картотеке словаря. Язык не дан лингвисту в непосредственном наблюдении, а словарь как описание языка по необходимости является источником второго порядка, испытывающим на себе влияние субъективных факторов лексикографической работы.

Емкое и развернутое определение словаря дает известный лексикограф В.В. Дубичинский: «Словарь – один из важнейших способов описания лексической системы языка. В отличие от некоторых других способов для лексикографической интерпретации словарного состава, как правило, характерны разносторонность анализа (характеристика с позиций всех уровней языка), полнота (универсальность, всеохватность структуры словарной статьи) и доказательность исследования» (Дубичинский 2008, с. 15).

Логика выделения лексического ядра языка, согласно этой методике, заключается в следующем. Выбирается словарь-источник и создается база данных, где каждое слово получает количественную характеристику по четырем системным параметрам.

Но какой словарь предпочесть?

Рассмотрим, какие же достоинства и недостатки имеют лексикографические источники, которые могут быть привлечены к выделению лексического ядра с целью дальнейших сопоставительных исследований в области лексики.

Еще в 1952 году, оценивая объективность представленности лексики в толковых словарях, С.И. Ожегов предложил их классификацию. Первый тип – “краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи”. Далее – средний толковый словарь “с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка”. Третий тип – большой толковый словарь, “представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе” (Ожегов 1952, с. 91-92).

Таким образом, одним из источников для сопоставительных исследований могут служить одноязычные толковые словари, желательно аналогичные словарю С. И. Ожегова. Однако не всякая лексикография располагает таким словарем, также необходимо знать все сопоставляемые языки, чтобы иметь возможность провести сравнительное исследование

лексики, поскольку дефиниции в толковом словаре приводятся на языке-источнике. Обращение к одноязычным словарям, если и дает более объективные сведения, но не обеспечивает сопоставимости результатов.

Второй путь, по которому можно пойти – проанализировать указанные параметры с помощью специализированных словарей (фразеологических, синонимических). Очевидно, что их принципы лексикографирования отличаются разнообразием даже в пределах одной национальной традиции, что в сопоставительном аспекте приводит не к разрешению, а к усугублению проблем.

Наконец, третьим источником могут служить двуязычные словари. Двуязычный словарь, по мнению В.Н. Ярцевой, – одна из традиционных форм реализации контрастивного изучения лексики (Методы... 1988).

Достоинства двуязычных словарей для достижения цели нашего исследования очевидны. Во-первых, именно двуязычные словари минимизируют лексическую систему, сохраняя коммуникативно значимые единицы. Во-вторых, именно двуязычные словари играют важную роль в обучении иностранным языкам, и зачастую ставятся в один ряд с учебными пособиями по языку. В-третьих, эти словари имеют одинаковый метаязык, т.е. язык дефинирования, что также удобно для сравнения. Наконец, в-четвертых, эти словари доступны.

Покажем на конкретном примере близкородственных языков, как можно использовать двуязычные словари для сопоставительного изучения лексики.

Объектом исследования послужил двуязычный сербско-русский словарь объемом 10000 слов (Гудков, Иванович 2006) и хорватско-русский словарь (Багдасаров 2003).

Методика параметрического анализа предполагает решение следующих задач:

1. Создание электронной версии словаря.
2. Получение количественной информации по каждому из параметров сербского и хорватского языков: а) функциональному; б) эпидигматическому; в) синтагматическому; г) парадигматическому.
3. Получение большого параметрического ядра для каждого из языков и вычисление индекса близости лексики этих языков.

Параметрический вес слова – относительная величина, вычисляемая по формуле, предложенной В.Т.Титовым (Титов 2002). Каждый из весов варьируется в интервале от 0 до 1:

$$Pr_i = \frac{\Sigma r - R_{l-i}}{\Sigma r}, \text{ где } \Sigma r - \text{сумма единиц всех рангов, } R_{l-i} - \text{сумма}$$

единиц от первого до данного, а Pr_i - вес i-го ранга.

Представим результаты по отмеченным в пункте 2 параметрам.

Функциональная стратификация лексики

Функциональные ядра сербского языка образуют лексемы длиной от 2 до 4 букв, а хорватского языка – от 2 до 5 букв. Встречающиеся в ядрах обоих языков слова имеют следующие значения: 'бог', 'бок' 'бык', 'вол', 'дар' 'дом', 'дно', 'дух' 'дым', 'зло' 'зуб', 'идти' 'конь', 'корзина' 'лев', 'лёд', 'мёд', 'меч' 'мышь' 'нос', 'нож', 'ночь', 'ось' 'рак', 'рог', 'род' 'соль', 'сон', 'суд' 'сын', 'тон'.

Типологически важной величиной является средняя длина слова. Она определяется делением суммарной длины всех слов на их общее количество. Здесь отмечается небольшая разница. Средняя длина слова в сербском языке приближается к 7,5, а хорватского ближе к 7.

Синтагматическая стратификация лексики

Для словарей есть два способа косвенной оценки синтагматической активности: по количеству «заромбовых» единиц и по общему количеству речений (включая иллюстративные) в словарной статье на данное слово. Для данных словарей-источников был избран второй путь.

Сербский язык. Слово *rêd* со значением 'ряд, порядок' имеет максимальное количество фразеологизмов: <све је у *rêdu*> всё в порядке, <преко *rêda*> без очереди; <ко је на *rêdu*?> чья очередь?; <*rêdom*> по очереди, подряд; <дневни *red*> повестка дня; <*red vožnje*> расписание движения транспорта; <у *прворêdu*> прежде всего; <у *rêdu*!> хорошо!; ладно! Вице-доминанта (второе по количеству фразеосочетаний) слово *рука* 'рука', *dân* 'день, сутки', далее следует *обзър* 'внимание'

Хорватский язык. Слово-доминанта - *kosa* 'волосы' *bojiti* ~и красить волосы; *bujna* ~ пышные волосы *crna* ~ чёрные волосы; *ispadanje* ~е выпадение волос; *kovrčava* ~ кудрявые, курчавые волосы; *plava* ~ светлые волосы; *počešljati* ~и причесать волосы; *prati* ~и мыть волосы; *sijeda* ~ седые волосы; *suha* ~ сухие волосы; *valovita* ~ волнистые волосы. Вице-доминантную позицию занимают сразу несколько слов: *kuća* 'дом'; *crn* 'черный'; *pitanje* 'вопрос'; *godina* 'год', *rečenica* 'предложение', *meso* 'мясо', *stvar* 'вещь', *stanje* 'состояние, положение', *rjecnik* 'словарь', затем идут *pasti* 'упасть'; *sat* 'час'

Синтагматическое ядро хорватской лексики будут составлять 1794 слова, что превышает количество слов в ядре сербского языка (1028 слов).

Парадигматическая стратификация лексики

Поскольку используемый двуязычный словарь не дает прямых указаний на синонимические связи слов, этот параметр приходится оценивать косвенно, пользуясь методом позиционного анализа дефиниций, о котором говорилось выше. Воспользуемся методом позиционного анализа синонимии, подробно описанным в работе "Алгоритм позиционного выявления синонимии" (Кретов, Титов 2006).

Результат анализа показал, что для сербского языка наиболее многочисленные синонимические ряды объединяются значениями

(количество значений указывается в скобках): ‘вырасти’ (4), ‘кудрявый’ (4), ‘магазин’ (4), ‘обвинять’ (4), ‘опаздывать’ (4), ‘отменить’ (4), ‘погибнуть’ (4), ‘появиться’ (4), ‘угостить’ (4), ‘шум’ (4). В парадигматическое ядро сербской лексики попадают 1160 синонимических рядов. Для хорватского языка наиболее многочисленные синонимические ряды объединяются значениями: ‘девушка’ (7), ‘кусочек, ломоть’ (7), ‘разделить’ (6), бить (5), болтать (5), еда (5), умереть (5), ‘быть должным’ (4), ‘глупый’ (4), ‘красивый’ (4). В парадигматическое ядро хорватской лексики попали 1026 синонимических рядов.

Эпидигматическая стратификация лексики

Косвенным показателем эпидигматической активности слов является «семантическое словообразование», т.е. их многозначность. Чем больше значений у слова, тем богаче его эпидигматические связи и, следовательно, тем прочнее оно закреплено в лексико-семантической системе языка.

Как показывает материал словаря, при выделении эпидигматического ядра сербской лексики мы можем ориентироваться на 1542 слова с количеством значений от 2 до 5 включительно. Среди полнозначных слов максимальное количество значений приходится на слова: *брôј* 1) число; 2) количество; 3) номер; 4) грам. имя числительное; *гума* 1) резина; 2) резинка (для стирания или жевательная); 3) шина; 4) камера (мяча); *донети* и парный ему *доносити* 1) принести; 2) привезти; 3) принять (закон и т.п.); 4) опубликовать; *издавати* и парный ему *издати* 1) выдавать; 2) издавать; 3) сдавать (внаем); 4) предавать, изменять; *јавити се* и парный ему *јављати се* 1) дать знать о себе; 2) появиться, показаться; 3) поздороваться; 4) обратиться; *коло* 1) колесо; 2) коло (народный танец); 3) серия; 4) спорт. тур; *коцка* 1) куб; 2) кусочек; 3) клетка (на ткани); 4) игральная кость; *крило* 1) крыло; 2) сторона; 3) воен. фланг; 4) спорт. край и некоторые другие, имеющие по 4 значения.

В эпидигматическое ядро хорватской лексики включены все слова, имеющие минимум два значения. Это 1341 слово. По пять значений имеет видовая пара *odbiti-odbijati* ‘отбить-отбивать’ 1) отбить; 2) отразить; 3) отказать в чём-либо-, отказаться от чего-либо; 4) вычесть; 5) отучить. Далее следуют сразу тридцать слов с четырьмя значениями: *zametnuti* ‘затянуть, начать’; *zakuhati* ‘заварить’; *prijava* ‘прописка’; *list* ‘лист’; *tjelesni* ‘физический, телесный’; *obljubljivati* ‘любить’; *izdati* ‘выдать, издать’; *poziv* ‘звонок’; *provaljivati* ‘взламывать’; *rampa* ‘платформа’; *pogonom* ‘привод, передача’; *provaliti* ‘взломать’; *jabučica* ‘яблочко’; *krunica* ‘коронка’; *podignuti-podizati* ‘поднять’, ‘поднимать’; *gajba* ‘клетка’; *kocka* ‘куб’; *zakuhavati* ‘заваривать’; *broj* ‘число’; *oklop* ‘броня’; *obljubiti* ‘полюбить’; *zaleđe* ‘тыл’; *donijeti-donositi* ‘принести’, ‘приносить’; *ploča* ‘плита’; *izdavati* ‘выдавать’; *provala* ‘взлом’; *pokretač* ‘двигатель’; *patron* ‘патрон, покровитель’.

Уже в первых двух рангах наиболее многозначных слов отмечаются не единичные совпадения, что свидетельствует о сильных связях сербского и хорватского языков по эпидигматическому параметру.

Сложив результаты по частным ядрам языков, можно получить большое параметрическое ядро лексики, в которое входят слова, представленные в трех и четырех частных ядрах. Размерность сербского ядра – 312 слов, хорватского – 345.

Если лексико-семантическую систему языка уподобить горе, то слово с самым большим параметрическим весом (доминанту) можно соотнести с пиком этой горы. Доминанта – это та точка, которая задает систему векторных координат на всем пространстве словаря. Следующее за ней слово можно назвать вице-доминантой. Приведем список первых пяти слов, располагающихся в верхушке списка ядерной лексики. Доминантой сербского языка является существительное *réd* ‘ряд’, далее следует существительное *čas* ‘час, урок’, на третьем месте существительное *broj* со значением ‘число, количество’, далее *doba* ‘пора, время, эпоха’ и первый из глаголов, расположившийся в вершине *dođi* ‘прийти, прийти’. У хорватского языка сразу 3 доминанты: *glas* ‘голос’, *gust* ‘густой’, *kola* ‘повозка’. Далее следуют: *broj* ‘число’, *boja* ‘цвет, окраска’, *ploča* ‘плита’. Первый из глаголов – *imati* ‘иметь’.

Если подсчитать количество совпадений значений в ядрах сравниваемых языков, можно определить коэффициент типологической близости (КТБ) параметрических ядер лексики. Он определяется по формуле: число совпадений дефиниций делится на величину меньшего из ядер двух сравниваемых языков. Этот путь объясняется простой логикой: теоретический максимум совпадений равен величине меньшего из ядер (меньшее множество полностью входит в большее) и коэффициент равен 1. На практике это вряд ли возможно. Для сербского и хорватского языков коэффициент сходства составляет 0,2885, что является, по нашим данным, наибольшим значением, среди коэффициентов для других славянских языков по их отношению к сербскому или хорватскому.

Таким образом, проведенный при помощи двуязычных словарей анализ лексики показал тесные связи сербского и хорватского языков с точки зрения их больших параметрических ядер, при некоторых несовпадениях частных параметрических ядер.

Литература

1. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. Москва: Наука: Флинта, 2008.
2. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка// Вопросы языкознания. – 1952. – № 2. – С. 85-103.
3. Гудков В., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. Москва: Рус. Яз.- Медиа., 2006.

4. Багдасаров А. Хорватско-русский словарь. – Москва: Астрель-АСТ, Транзиткнига, 2003.
5. Методы сопоставительного изучения языков /отв. ред. В. Н. Ярцева – Москва : Наука, 1988.
6. Кретов А.А., Титов В.Т. Алгоритм позиционного выявления синонимии// Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Системный анализ и информационные технологии. –2006. – № 1. – С. 62–65.
7. Титов В.Т. Общая количественная лексикология романских языков. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002.

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

О.А. Артёмова

Средства реализации пространственного дейксиса в белорусском и английском языках: сравнительно-сопоставительный аспект

Аннотация: В статье рассматриваются структурные и семантико-прагматические характеристики белорусских и английских средств выражения пространственного дейксиса в сопоставительном аспекте.

Abstract: The paper examines the structural and semantic-pragmatic characteristics of the Belarusian and English means of expressing spatial deixis in the comparative aspect.

Ключевые слова: дейксис, местонахождение, перемещение, демонстративы, национальная специфика.

Key words: deixis, location, movement, demonstratives, national specificity.

Одним из базовых компонентов любого вида коммуникации является дейксис (от древнегреч. *deiktikos*) – лингвопрагматическая категория указания на денотативное содержание высказывания и компоненты коммуникативной ситуации относительно говорящего и слушающего в устной и письменной речи, реализуемая разноуровневыми языковыми средствами, интерпретация которых предполагает знание контекста и экстралингвистических условий осуществления речевой деятельности. Выступая опорой семантической системы языка и связывая разноуровневые языковые единицы с экстралингвистической действительностью, дейктический компонент обязательно присутствует в любом высказывании и конституируется тремя подсистемами: 1) персональный дейксис – участники, некоммуникативные респонденты / объекты речи; 2) темпоральный дейксис – порядок следования событий; 2) пространственный дейксис – местонахождение объекта и направление его перемещения.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению средств выражения пространственного дейксиса в белорусском и русском языках.

Источником фактического материала послужили:

а) белорусский и английский корпуса словообразовательных, грамматических и лексико-фразеологических средств выражения дейксиса, полученные путем сплошной выборки из толковых, фразеологических, переводных словарей белорусского и английского языков;

б) контексты из художественных и публицистических произведений белорусских, американских и британских авторов (вторая половина XIX – начало XXI вв.) Белорусского N-корпуса [БНК], белорусского [БПНКРЯ] и английского подкорпусов Национального корпуса русского языка [АПНКРЯ].

Местонахождение включает локализацию с указанием расстояния (*близко, недалеко, далеко*) и без указания расстояния и реализуется с помощью указательных местоимений, частиц, предлогов, наречий, прилагательных, фразеологических единиц (ФЕ).

Указательные местоимения *гэты, гэтая, this, these* маркируют нахождение объекта в пределах зрительного поля собеседников (*Вось давай, брат, папрасём гэту завоінку, – сказаў Марцін* (Я. Колас); *Look at this beige coat* (L. Snicket) ‘Посмотрите на **это** бежевое пальто’), *той, тыя, that, those* – за его пределами (*Ці даляцеў бы ты, буслік, да неба, дзе свеціцца унь мая зорка, што над намі?* (Я. Колас); *Look at those stars!* (I. Asimov) ‘Взгляните-ка на **те** звезды!’).

Указательные местоимения белорусского языка характеризуются наличием экспрессивно-стилистических вариантов (*гэтка, гэтакі*): *Было крыўдна на сваю няўдалую долю – і чаму гэтка дасталася яму?* (В. Быкаў).

Специфика английских демонстративов заключается в актуализации

а) разделения коммуникативных пространств собеседников в телефонном разговоре: *Who was **that** on the phone, John?* [FDI] ‘Кто **тот**, кто звонил, Джон?’;

б) источника сведений говорящего относительно сообщаемой им информации: *this* – для данных от самого адресанта (*Listen to **this*** (L. Snicket) ‘Послушайте **это**’), *that* – для сведений от третьих лиц (*Who told you **that**?* (M. Connelly) ‘Кто вам **то** сказал?’).

Белорусские указательные частицы маркируют локализацию объекта в пределах личной сферы коммуникантов (*во, вось, ось, гэта: А гэта – мая спадарожніца жыцця, – паказаў Валодзя на жанчыну* (А. Кулакоўскі)) и их отдаленное местонахождение (*вунь, унь: Вунь мой двор, сто крокаў!* (К. Тарасаў)). В английском языке данное значение реализуется аналитически сочетанием глагола *to be* с а) указательными наречиями *here* ‘тут’, *there* ‘там’ (*There he is, Mom, there he is, look!* (J. K. Rowling) ‘**Вон** он, мам, **вон**, смотри!’); б) демонстративами *this, these, that* (*That’s him, the man with gray hair and the serpent daemon* (P. Pullman) ‘**Вон** он, седой человек с демоном-змеей’).

Белорусские и английские предлоги передают местонахождение без указания расстояния на поверхности (*на, on*), внутри (*у, ва, унутры, in, inside*), вне (*за, па-за, beyond, outside*), около (*побач, каля, ля, by, next to, near*), перед (*перад, before, in front of*), позади (*за, ззаду, behind*), напротив (*наспраць / насупраць, opposite*), над (*над, over, above*), под (*пад / пада, under*), вокруг (*вакол, about, (a)round*), вдоль (*уздоўж, along*), поперек (*упонара, across*) ориентира и между ориентирами (*сярод, пасярод, паміж, між, amidst, among, between*).

Наречия и прилагательные в двух языках маркируют локализацию объектов а) без указания расстояния (*зверху, левы, upstairs, left*) и б) с указанием расстояния в их значении (*тут, addалены, here, distant*). Данный семантический параметр метафорически переосмысливается. Близкая локализация объекта трансформируется в эмоциональную связь с говорящим и оценивается положительно (*блізкі, close* ‘находящийся на небольшом расстоянии’ → ‘связанный близкими отношениями’): *У блізкай вёсцы ўсхліпнуў, заспяваў гармонік* (З. Бядуля) → *Зоня стала такой блізкай і каханай, што без яе не знойдзеш цяпер сілы жыць* (А. Кулакоўскі); *Our new house is close to the school* [OLD] ‘Наш новый дом находится близко от школы’ → *My brother and I have become much closer over the years* [CD] ‘Мы с братом стали намного ближе с годами’. Пространственная удаленность объектов преобразуется в эмоциональное отчуждение и получает отрицательную оценку (*далёкі, distant* ‘находящийся на большом расстоянии’ → ‘чуждый по взглядам, по мнениям’): *[Шлях] ... параходаў непамерна далёкі, на другі ўскрай зямлі* (Э. Самуїлёнак) → *[Надзя] стаяла на беразе, склаўшы на грудзях рукі, задумлівая, далёкая* (М. Ваданосаў); *She could hear the distant sound of fireworks exploding* [CD] ‘Она слышала далекий звук взрывающихся фейерверков’ → *She seemed cold and distant* [CD] ‘Она казалась холодной и далекой’.

Специфика наречий и прилагательных в белорусском языке состоит

1) в их вариативности (*зводдаль / зводдалі / зводдаля*): *Зводдаль ад жыллёвых будынкаў – цэлая сістэма будынкаў гаспадарчых* (М. Зарэцкі); *Зводдалі цераз галовы байцоў даносіцца голас самога камбата* (В. Быкаў); *Заклапочаная Аксіння, якая зводдала ўвесь час пазірала за ім, спаткала яго на вуліцы* (М. Лынькоў);

2) в актуализации тройной дифференциации пространства на проксимальное (*блізка*), медиальное (*недалёка*) и дистальное (*далёка*): *Сакаўшчына? А блізка. Во масток праедзем, і Сакаўшчына* (В. Быкаў); *Жаданы яр ужо недалёка* (Я. Колас); *Ты далёка ад мяне* (М. Гамолка);

3) в реализации положительной оценки местонахождения ‘близко’ уменьшительно-ласкательными суффиксами (*блізенечка, блізютка, блізенька*): *Мой хутар тут зусім блізенечка, хутар Палявой – мо чулі нават* (Р. Мурашка); *Круціцца блізютка галкі над палямі* (Я. Колас); *На*

вулицы **блізенька**, за дзве-тры хаты, у залівістым пераборы зайшоўся гармонік (М. Ракітны);

4) в отражении глубинной связи белорусов со своей природной и социальной средой (*тутэйшы* ‘родившийся в этой области, живущий или работающий здесь, местный’): *А, вы, мусіць, не з тутэйшых будзеце?* (А. Якімовіч).

Специфика английских наречий данной группы заключается в компенсации их формальной неизменяемости конверсией в парадигму прилагательного (*far* ‘далеко’ → *far* ‘далекий’): *Why was he here, in this far corner of Australia?* (М. Lee) ‘Почему приехал в этот дальний уголок Австралии?’; *A procession had appeared, far down among the pink stones that lay near the water’s edge* (W. Golding) ‘Процессия двигалась далеко внизу, у самой воды, по розовой осыпи’.

Фразеологическая репрезентация местонахождения ‘близко’ в двух языках характеризуется антропоцентричностью. Об этом свидетельствует наличие соматизмов в структуре белорусских и английских фразеологических единиц данной группы (*плячо да пляча, shoulder to shoulder* ‘близко’), их образная связь с предметами, явлениями жизни человека (*плот у плот, right next door* ‘близко’) и его перцептивной системой: зрением в белорусском языке (*перад вачыма*), слухом и зрением в английском языке (*within hearing* ‘в пределах слышимости’, *in front of one’s eyes* ‘перед глазами’). Фразеологизмы с семантикой ‘далеко’, образно связанные с краем, границей (*на краю света, at the end of the world*), реализуют локализацию объекта за пределами восприятия собеседников, о чем свидетельствуют отсутствие соматизмов в их структуре и употребление с неактуальными предикатами *быць, жыць, знаходзіцца, live, be*: *Я ў чорта на кулічках живу* (А. Асіпенка); *We’re in the middle of nowhere, with no place to hide, and the whole world thinks we’re criminals* (L. Snicket) ‘Мы находимся у черта на куличках, спрятаться тут невозможно, и весь мир считает нас преступниками’.

Образной основой белорусских единиц данной группы выступает зрительная перцепция (*за вачамі*), персонажи национальной мифологии и фольклора (*воран, камар: воран касцей не занясе, дзе камар козы пасе* ‘далеко’). Специфика английских единиц заключается в связи их образных составляющих со слуховым восприятием (*out of hail* – буквально ‘за пределами оклика’), задней частью объектов (*at the back of beyond*, где *back* ‘спина’ – буквально ‘на задней стороне потустороннего’) и актуализации необходимости сохранять дистанцию между собеседниками (*keep someone or something at arm’s length* ‘держат кого-то или что-то на расстоянии’).

Перемещение в двух языках дифференцируется на движение *от наблюдателя, к наблюдателю, от / к наблюдателю*. Данный тип указания реализуется глаголами, наречиями, предлогами, фразеологизмами.

Направление движения в значении белорусских глаголов выражается преимущественно префиксально (*ад'ехаць, дабегчы*). В английском языке данный семантический параметр реализуется главным образом сочетанием глаголов движения с пространственными предлогами или наречиями (*get to* 'добираться', *go away* 'уходить').

Направительность в английских наречиях передается суффиксально (*forward* 'вперед', *backward* 'назад') или их сочетаниями с пространственными предлогами (*to there* 'туда', *from here* 'отсюда'). Белорусские наречия (*сюдэй, тудой*) наряду с направлением движения объектов содержат указание на траекторию их перемещения – транзитивный дейксис (М. И. Конюшкевич): *Я сюдэй пайду, – сказаў... [чалавек], паказаўшы рукой у прасцяг сцэжкі на ўзгорак, за якім мясіліся вясковыя гумны* (П. Галавач).

Предлоги в двух языках указывают на

а) движение объекта к ориентиру (*да, на, у, to, towards*): – *Ідзі да мяне, – паклікаў Пётра* (В. Быкаў); *As my taxi groaned away I saw Gatsby walking toward me across his lawn* (F. Scott Fitzgerald) 'Такси с кряхтением отъехало от моего крыльца, и тут я увидел Гэтсби, который быстро шел по газону, направляясь ко мне';

б) удаление от ориентира (*ад, away from*): *Ад мяне людзі ўцякалі...* (А. Адамовіч); *It involves running away from me or Emily when we're out for a walk – sometimes entire blocks away* (K. Gessen) 'Раффи убегает от меня или Эмили, когда мы выходим на прогулку, – иногда на расстояние целого квартала'.

Фразеологические средства реализации направительности в двух языках характеризуются

1) связью их образных основ с инстинктом самосохранения (*падмазваць пяты, take to one's heels* 'удрать'), зрительной перцепцией в белорусском языке (*куды вочы глядзяць*), зрительным и обонятельным восприятием в английском языке (*get out of sight* – буквально 'выйти из поля зрения' – 'исчезнуть', *follow one's nose* – буквально 'идти в направлении носа' – 'идти вперед');

2) негативной оценкой внезапного приближения или появления объекта, о чем свидетельствует наличие номинаций преимущественно отрицательных мифологических существ в структуре белорусских фразеологических единиц (*халера нясе*) и главным образом христианских антиподов Бога в структуре английских фразеологизмов (*the deuce brings* 'дьявол несет').

Таким образом, пространственный дейксис реализует местонахождение и направление перемещения объектов относительно коммуникантов и дифференцируется на семь семантических групп: *местонахождение близко, недалеко, далеко, местонахождение без указания расстояния; перемещение к наблюдателю, от наблюдателя, от /*

к наблюдателю. В белорусском языке данный тип указания актуализируется а) тройным маркированием пространства (проксимальное, медиальное и дистальное); б) траекторией перемещения – транзитивный дейксис. Английскому пространственному дейксису свойственна а) объективация источника сведений говорящего относительно сообщаемой им информации; б) исключение адресата из пространства говорящего при разговоре по телефону.

Список источников фактического материала с принятыми сокращениями

1. *АПНКРЯ* – Английский подкорпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html>. – Дата доступа: 20.04.2016.
2. *БПНКРЯ* – Белорусский подкорпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/new/search-para-be.html>. – Дата доступа: 20.04.2016.
3. *BNK* – Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 04.12.2018.
4. *CD* – Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org>. – Date of access: 14.05.2017.
5. *FDI* – Farlex Dictionary of Idioms [Electronic resource] / ed. R. Spears. – 2011. – Mode of access: <https://www.idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access: 03.03.2016.
6. *OLD* – Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access: 20.03.2016.

А.П. Бабушкин

Игра с языковыми знаками в русском и английском языках

Аннотация: В статье с семиотических позиций рассматривается языковая игра в русском и английском языках, заключающаяся в синтезе двух видов языковых знаков – символических и иконических.

Ключевые слова: Языковой знак, икона, символ, звукоподражание, синтез, языковая игра.

Abstract: From the semiotic point of view the paper considers a language play in Russian and English based on the synthesis of two types of linguistic signs – symbols and icons.

Key words: Linguistic sign, icon, symbol, onomatopoeia, synthesis, language play.

Знак определяется как материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий как представитель другого предмета, свойства или отношения (Краткая философская энциклопедия 1984, с. 166).

Как известно, знаки служат для передачи сообщений, информации и знаний. Они подразделяются на языковые и неязыковые. Знаки и знаковые системы изучает специальная наука – семиотика.

Основу семиотики как самостоятельной дисциплины заложил американский философ, логик и математик Ч.С. Пирс. Свой вклад в развитие этой науки – наряду с Пирсом – внесли Ч.У. Моррис, Р. Карнап, логики львовско-варшавской школы в лице А.Тарского и другие учёные.

О языковых знаках говорил еще Вильгельм фон Гумбольдт: «Слово действительно есть знак, до той степени, до какой он используется вместо вещи или понятия» (Гумбольдт 1984, с. 304), а Ф. де Соссюр, независимо от Ч.С. Пирса, применил термин «знак» к системному описанию языка.

Тем не менее, пальма первенства в изучении семиотики принадлежит Ч.С. Пирсу, который подразделил знаки (не только языковые) на три категории: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы (Пирс 2000, с. 176-233).

Иконические знаки (фотографии, чертежи, географические карты и математические формулы) отсылают к обозначаемому объекту в силу своих свойств, выражаемых схожестью с объектом; индекс не требует сходства с объектом, но находится с ним в непосредственной связи (часы – прибор, определяющий время суток, и указательный палец, служащий для своей одноимённой функции, являются примерами индексов); наконец, символ – подлинный знак, он не имеет сходства с чем-то другим и не зависит от какой-то связи с ним (Пирс 2000, с. 212-213).

Что же касается языковых знаков, то для целей нашей работы исходно важным представляется указание Р.О. Якобсона на то, что языковой знак – материальная субстанция (Якобсон 1983, с. 102-117) (в отличие от Ф. де Соссюра, считавшего, что знак суть двусторонняя *психическая* сущность с произвольной связью означающего и означаемого (Соссюр 1997, с. 99)).

Эстафету в понимании материальности знака переняла Е.С. Кубрякова, именно ей принадлежит часто цитируемое сегодня высказывание: «Значение слова – это концепт, схваченный знаком» (Кубрякова 2004, с. 498).

Наше собственное обращение к знаковой теории языка построено с учетом изложенных выше учений Ч.С. Пирса, Р.О. Якобсона и Е.С. Кубряковой (Бабушкин 2005, с. 5-13).

Идея упомянутой публикации заключалась не только в разработке типологии языковых знаков с точки зрения семасиологии. Важным положением работы стал тезис о том, что материальные «тела» знаков несут не менее важную информацию, чем их идеальное воплощение.

На основе деления знаков-символов на две группы – мотивированные и немотивированные, родилась мысль о том, что мотивированные знаки **путём отсылки к другим знакам** вновь могут рассматриваться как иконические и индексальные, но эта иконичность и индексальность квалифицируется как «вторичная», новая по сути своей связь с реальной действительностью.

Наблюдая за данным процессом, нельзя не обратить внимание на имеющий место «круговорот»: языковые знаки стремятся к немотивированности, статусу знаков-символов, но с другой стороны, символы (производные знаки) представляются в виде собственных иконических или индексальных образований, которые вновь призваны быть конвертированными в знаки-символы и т.д. (Бабушкин 2005, с. 12).

Всё сказанное в виде преамбулы необходимо для дальнейшего хода наших рассуждений.

Настоящая статья посвящена семиотическому аспекту знаков лишь одного типа – иконического, коими бесспорно являются звукоподражания, а точнее – подражания «голосам» животных, птиц и насекомых в их языковом преломлении.

Так, в словаре русского языка фиксируются такие лексемы, как: *жуужжать* (о насекомых) – производить однообразно дребезжащий звук, свистящий шум; *ворковать* (о голубях) – издавать однообразные мягкие гортанные звуки; *чирикать* (о некоторых птицах) – издавать высокие частые звуки, щебетать; *гавкать* (о собаке) – лаять; *мяукать* (о кошке) – производить звуки, напоминающие «мяу», и о ней же – *мурлыкать* – тихо урчать; *блеять* (об овце, козе) – издавать характерные звуки, напоминающие «бе-е»; *мычать* (о корове); *хрюкать* (о свинье) и т.д.

Мы мгновенно определяем источник звучания по глаголам: *квакать*, *крякать*, *кудахтать*, *кукарекать*, *куковать*, *ухать*, *рычать* в мире вокруг нас. Подобный список можно было бы продолжить и дальше.

В англоязычном словаре «The Dictionary of Phrase and Fable» Бруэра приводятся названия более 70 видов животных, птиц и насекомых с производимыми ими звуками, например: **beetles** – drone; **bulls** – bellow; **cats** – mew and purr; **chickens** – pip; **crows** – saw; **cuckoos** – cuckoo; **dogs** – bark; **flies** – buzz; **frogs** – croak; **geese** – cackle and hiss; **hares** – squeak; **lambs** – baa and bleat; **lions** – roar; **pigeons** – coo; **pigs** – grunt; **snakes** – hiss; **swallows** – twitter; **tigers** – growl; **wolves** – howl.

Такое копирование звуков «живой природы» – вполне закономерно. Слово «фауна» произошло от имени жены древнегреческого бога Фавна – покровителя стад, полей и лесов (Крысин 2010, с. 746), наполненных голосами их обитателей.

Любопытно, что эти «голоса» совпадают по манере своего звучания во всех уголках света, но разные языки воспроизводят (копируют) их по-своему, вплоть до перекрёстных несовпадений. Например, «английское» утиное *quack* похоже на *кваканье* «русской» лягушки; фонограммы «английских» гусей и куриц – *cackle* – ничем не отличаются, «наши» же гуси *гогочут*, а куры – *кудахчут*.

Первым шагом к утрате мотивированности звукоподражаний служат их метафорические употребления. Это свойственно как русскому, так и английскому языку.

В русском:

*Многие столики были заняты, и сидели за ними в основном парочки, мило **чирикают** друг с другом* (Н. Волгина. 100 лет без любви).

По Словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *чирикают* в переносном смысле – «говорить быстро, тонким голосом», хотя ситуативно – здесь: «весело болтать».

В другом примере метафорически употреблён глагол *ржать*:

*Мы стояли несколько секунд, просто смотрели друг на друга, а потом начинали **ржать*** (Ю. Жукова. В селе не без подвоха).

Ржать – значит «громко смеяться».

В английском языке:

*The teacher **barked** at his pupils: “Sit up straight”* (словарь «Collins COBUILD English Language Dictionary», далее – CCELD).

Глагол *bark* употребляется в метафорическом значении: «to shout in a loud, rough voice».

*They **bleat** about how miserable they are.*

CCELD поясняет: «If someone *bleats* they speak in a weak, high complaining voice, usually because they are unhappy or nervous about something».

Однако к наиболее интересным в свете нашей работы примерам относятся случаи, когда звукоподражания как знаки языка получают статус символов, то есть утрачивают свою исконную природу уподобления звукам «живой природы»:

*Он у тебя старенький уже, у него же счёт уже на часы идет, а ты каждый д-е-е-нь! Ты б поторопилась, а то **крякнет**, так и останешься* (М. Южина. Банкет с продолжением в загсе).

Здесь *крякнуть* в смысле «умереть» не имеет ни намёка на «характерные звуки, издаваемые уткой».

См. также:

*Ты где это **нахрюкался**?* (Э. Успенский. Подводные береты).

Нахрюкаться – излишне выпить.

*А сейчас **кукуем** вдвоем с матерью и не знаем, куда себя деть, поэтому любому гостю рады* (И. Хрусталёва. Ангелы с рожками).

Куковать – бесцельно проводить время, ожидая кого-либо, что-либо.

Подобные иллюстрации находим и в английском языке. Объясняя значение глагола *croack* (так носители английского языка воспринимают вороньи и лягушачьи звуки) в значении «die» – «умереть», CCELD приводит такой пример:

*I thought I was going to **croack** there* (сравните с русским *крякнуть* в том же смысле).

В упомянутом словаре глагол *buzz* определяется как: «to make continuous sounds that bees make». Однако аллюзия к пчёлам стирается в последующих комментариях: «If your head is buzzing with thoughts you are thinking about a

lot of things in a confused and worried way: *Ann's head buzzed with angry, crazy thoughts*».

Мы становимся свидетелями того, как русские и английские звукоподражательные глаголы, иконические по своей природе, трансформируются в символы, так как полностью утрачивают свои прямые значения.

Это, конечно, интересное наблюдение, но оно не является новым. Новым оказывается тот случай, когда задействованы сразу два типа знаков – символы и иконы. Речь идет о языковой игре, которую инициировала Франческа Саймон в «Ужасно смешной книге шуток Генри Хоррида» (F. Simon. Horrid Henry's Hilariously Horrid Joke Book).

Миниатюрные экзерсисы даны в этой книге в форме диалогов, которые можно подразделить на две группы:

А) В рамках предложения имеет место переход одного слова в формате знака-символа в иконический знак на основе схожести звучания их материальной оболочки:

- 1) – *What is a cow's favourite day of the year?*
– **Moo Year's Day** (**New Year's Day**)!
- 2) – *And what's a cat's favourite day?*
– **Mew Year's Day** (**New Year's Day**).
- 3) – *Why did the man buy all the birds at the pet shop?*
– *They were going **cheep*** (*cheep* – короткие высокие звуки, которые издают птенцы – вместо *cheap* – о дешевизне товара).
- 4) – *What did the dog say when he sat on the sandpaper?*
– **Rough, rough!** (Имитация лая собаки VS значение слова *rough* – жёсткий, грубый, неровный).
- 5) – *What do horses suffer from the summertime?*
– **Neigh fever** (*neigh* – подражание ржанию лошади VS *hey fever* – сенная лихорадка).
- 6) – *Where do cows go on holiday?*
– **Moo Zealand** (вместо *New Zealand*).

В) Ещё более интересны случаи переосмысления части слова, имеющего статус знака-символа:

- 1) – *What do you say to a miserable budgie?*
– **Chirrup** (*chirrup* – подражание щебетанию птиц). Ср.: *Cheer up!* – Взбодрись! Смотри веселей!
- 2) – *What do you call a cow eating grass?*
– A lawn **mooer** (a lawn mooer вместо a lawn mower – газонокосилка).
- 3) – *Where do sheep go on holiday?*
– The **Baa-hamas** (следует писать: *Bahamas*).
- 4) – *What do sheep enjoy on a summer day?*
– Having a **baa-becue** (верно – *barbecue*).

Подобные метаморфозы встречаются и в других сборниках юмористического жанра:

– *What do you call a horse that lives next door?* – A **neighbour** (где первая часть слова – звукоподражание ржанию лошади).

– *Knock, knock!*

– *Who's there?* – *Cook.*

– *Cook who?*

– *That's the first cuckoo I've heard this year.*

Если учесть, что отмеченные преобразования – авторские, произведённые «на случай», то подобные примеры легко придумать на русском языке:

1) – Москва, Москва, в Москву! – заквакали лягушки.

2) – Му-у-у! Му-у-у! – любимая МУзыка Бурёнки.

3) – БЕгом! БЕгом! – заторопились овцы.

4) – Держи КАРман шире! – каркнула ворона.

Тот факт, что в английском языке подобный механизм встречается сразу в нескольких источниках, свидетельствует о его продуктивности. В русском языке был выявлен лишь один случай интересующего нас плана, направленный на массовую аудиторию. В телевизионном ролике кот, отдавая дань качеству рекламируемых концентратов, резюмирует: «ЗаМУРчительно!» – что полностью совпадает с вышесказанным.

Приведённый материал позволяет прийти к следующим выводам:

- Как в русском, так и в английском языке фиксируются случаи полного перехода звукоподражания от знака-иконки к знаку-символу.

- И в русском и английском языках языковая игра заключается в синтезе знаков-символов и знаков-икон ради достижения юмористического эффекта, что свидетельствует о творческой природе языковых знаков обоих языков

Литература

1. Brewer E.C. The Dictionary of Phrase and Fabel. – Gallery Press, 1998.
2. Collins COBUILD English Language Dictionary. – London; Glasgow: Collins and Sons, 1987.
3. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №2. – С. 5-13.
4. Гумбольдт В. фон. Лаций и Эллада // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 303-306.
5. Краткая философская энциклопедия. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.
6. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2008.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азъ, 1996.

9. Пирс Ч.С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – С. 176-233.
10. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1997. – С. 31-273.
11. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Пер. с англ. В.А. Виноградова и А.Н. Журина // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 102-117.

И.Ю. Вострикова

Микрогруппы «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена особенностям проявления национальной специфики микрогрупп «Музыкально-артистическая трудовая деятельность», входящих в ЛСП глагольных лексем «Трудовая деятельность» в русском и английском языках.

Ключевые слова: Сопоставительно-параметрический метод, индекс, лексико-семантическое поле, национальная специфика, трудовая деятельность.

Abstract: The paper deals with revealing of national peculiarities of the microgroups «Labour connected with music and art» within the lexico-semantic verb field «Labour activity» in Russian and English.

Key words: Comparative-parametric method, index, lexico-semantic field, national peculiarity, labour activity.

Сопоставительно-параметрический метод (Стернина 2014, Стернин, Стернина 2017, Стернина, Стернин 2021) в языкознании успешно зарекомендовал себя как уникальный объективный инструмент сопоставления и выявления национальной специфики как различных лексико-семантических группировок и текстов, так и отдельных лексем.

В данной работе с помощью этого метода описываются особенности проявления национальной специфики в микрогруппах «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. В рассматриваемые микрогруппы входят глагольные лексемы, обозначающие труд деятелей искусства (режиссеров, артистов, музыкантов). В русском и английском языках эта микрогруппа включает в себя по 35 лексем. Например, *аккомпанировать/саккомпанировать, аранжировать, выступать/ выступить, гастролировать, дублировать, исполнять/исполнить, режиссировать, репетировать* и др. в русском языке и *accompany, arrange, blare, blow, busk, film, impersonate, instrument, perform, play, portray, produce, recast, rehearse, stage* и др. в английском. Таким образом, *номинативная плотность* (Карасик 2004, с.112) в двух языках идентичная и разница между показателями равна 0.

В микрогруппу «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» в русском языке входят 14 однозначных лексем (*аккомпанировать, аранжировать, прорепетировать* и др.), в английском языке в

исследуемой микрогруппе семь лексем являются однозначными (*burlesque* – "пародировать", *busk* – "петь и давать представления на улицах", *orchestrate* – "оркестрировать, писать музыку для оркестра" и др.). Следовательно, **индекс однозначности** исследуемой минигруппы (Колтакова 2008, с.18) в русском языке составляет 40%, а в английском – 20%.

Всего, включая однозначные, по семеме Д1 в исследуемую микрогруппу в русском языке входят 20 лексем. В английском же языке, помимо однозначных, еще 20 лексем входят в данную микрогруппу по семеме Д1, т.е. в общей сложности 27 глагольных лексем. Соответственно, **индекс первичной денотативной отнесенности** (Колтакова 2008, с.18) в русском составляет 57,14%, а в английском 77,14%.

В русском языке девять лексем включены в исследуемую микрогруппу по семеме Д2 (*выступить, снимать, строить* и др.), а в английском – 13 лексем (*accompany* – "аккомпанировать", *blow* – "играть на духовом инструменте", *dup* – "дублировать отснятый фильм" и др.). Таким образом, **индекс вторичной денотативной отнесенности** (Колтакова 2008, с.18) равен в русском и английском языках 25,71% и 37,14% соответственно.

По коннотативной семеме К1 в русском языке в исследуемую микрогруппу входит одна лексема (*записывать/записать*), в английском – пять лексем (*pick* – "играть на струнном инструменте", *portray* – "изображать кого-то на сцене" и др.). Таким образом, **индекс первичной коннотативной отнесенности** (Колтакова 2008, с.18) в русском языке составляет 2,86%, а в английском – 14,28%.

В русском языке пять лексем данной микрогруппы (*дублировать, налаживать, репетировать* и др.) входят по разным семемам и в другие структурные единицы исследуемого поля. Например, лексема *репетировать* входит в две микрогруппы – в рассматриваемую микрогруппу по семеме Д1 "*проводить репетицию*" и в микрогруппу «Педагогическая трудовая деятельность» по семеме К1 "*обучая, помогать проходить курс знаний*". В английском языке 13 лексем (*arrange, extemporize, instrument, perform, transcribe* и др.) исследуемой микрогруппы входят и в другие структурные единицы поля. Так, лексема *perform* по семеме Д2 "*давать представление, играть пьесу*" вошла в рассматриваемую микрогруппу, а по семеме Д1 "*выполнять, делать работу*" – в группу «Общие наименования трудовой деятельности». Это позволяет сделать вывод, что **индекс структурно-семантической связности** (Чернова 2006, с.38) рассматриваемых минигрупп в двух языках составляет 14,28% и 37,14% соответственно.

Лексемы микрогруппы «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» в русском ЛСП в общей сложности имеют 124 семемы, 59 из которых содержит сему трудовой деятельности. Таким образом, **индекс**

принадлежности к полю (Шишкина 2004, с.34) равен 47,58%. В английском ЛСП лексемы данной микрогруппы глаголов имеют всего 169 семем, 70 из которых содержат сему трудовой деятельности. Следовательно, **индекс принадлежности к полю** равен 41,42%.

У 17 лексем анализируемой микрогруппы в русском языке все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы, следовательно, **индекс лексико-семантической замкнутости** (Вострикова 2006) составляет 48,57%. В английском языке все семемы не выходят за рамки данной структурной единицы у восьми лексем рассматриваемой микрогруппы. Таким образом, **индекс лексико-семантической замкнутости** этой структурной единицы равен 22,86%.

В целом, для сопоставления микрогрупп «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках нами было применено восемь формализованных параметров. Для интерпретации результатов была использована градация оценки степени проявления национальной специфики семантики (Колтакова 2008, с.18) и было установлено, что по шести из восьми параметров национально-специфические различия между исследуемыми группировками в русском и английском языках можно охарактеризовать как **существенные**, по одному – как заметные. По параметру номинативной плотности различий не выявлено. Сводные данные по использованным параметрам приведены ниже в таблице .

Индекс	Русский язык	Английский язык	Разница между показателями индексов	Характер национально-специфических различий
индекс однозначности	40%	20%	20%	существенные
индекс первичной денотативной отнесенности семем	57,14%	77,14%	20%	существенные
индекс вторичной денотативной отнесенности	25,71%	37,14%	11,43%	существенные
индекс первичной коннотативной отнесенности	2,86%	14,28%	11,42%	существенные
индекс структурно-семантической связности	14,28%	37,14%	22,86%	существенные
индекс принадлежности к полю	47,58%	41,42%	6,16%	заметные
индекс лексико-семантической замкнутости	48,57%	22,86%	25,71%	существенные

относительная номинативная плотность	35	35	0	отсутствуют
--	----	----	---	-------------

В целом на основании шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок (Колтакова 2008, Деркач 2010, Черникова 2013) можно сделать вывод, что национальная специфика рассматриваемых микрогрупп является **ярко выраженной**.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004.
4. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые итоги // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 92-94.
6. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж, 2011. – С.3-18.
7. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Монография. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021.
8. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж, 2013. – С. 87-97.
9. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
10. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

М.Х. Гафарова

Развитие коннотативных значений у субстантивных и глагольных лексем английского языка

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ 30 наиболее частотных английских субстантивных и глагольных лексем. Исследование выполнено на основе метода обобщения словарных дефиниций.

Ключевые слова: метод обобщения словарных дефиниций, субстантивные лексемы, глагольные лексемы, семема, семантема.

Abstract: The paper deals with the comparative analysis of the 30 most frequent English substantive and verbal lexemes. This research is conducted by means of the method of generalization of dictionary definitions.

Key words: method of generalization of dictionary definitions, substantive lexemes, verbal lexemes, sememe, semantheme.

Для исследования нами были взяты тридцать наиболее частотных субстантивных лексем (*time, year, point, house, country, week, member, end, word, view, report, bit, face, market, hour, rate, law, decision, class, industry, back, force, condition, paper, situation, teacher, record, manager, relation, field*), входящих в первые двадцать лемм первой (1-20), второй (101-120), третьей (201-220), четвёртой (301-320) и пятой (401-420) сотен наиболее частотных лемм английского языка, и тридцать наиболее частотных глагольных лексем (*say, go, get, make, see, know, take, think, come, keep, provide, hold, follow, turn, bring, begin, talk, sit, appear, continue, understand, develop, receive, return, build, spend, describe, agree, increase, learn*), входящих в первые двадцать лемм первой (1-20), второй (101-120), третьей (201-220) и четвёртой (301-320) сотен наиболее частотных лемм английского языка, согласно списку наиболее частотных слов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Семантемы представленных лексем были составлены на основе метода обобщения словарных дефиниций (Стернин, Рудакова 2011, с. 19-27) по следующим словарям: Longman Dictionary of Contemporary English Online, Cambridge English Dictionary online, Oxford Advanced Learner's Dictionary online и Новый большой англо-русский словарь в 3-х томах под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой.

Как показало исследование, одна субстантивная и две глагольных лексемы не развивают коннотативных значений: лексемы *teacher* и *increase* являются односемемными, а лексема *understand* состоит из семемы Д1 и шести семем Д2. Таким образом, коннотативные семемы развивают 29 из 30 наиболее частотных субстантивных лексем и 28 из 30 наиболее частотных глагольных лексем.

Рассмотрим субстантивные лексемы. По одной коннотативной семеме (К1) развивают шесть лексем: *week, rate, decision, industry, record, manager*; по две К1 – четыре лексемы: *year, law, situation, relation*; по три К1 – пять лексем: *time, country, member, view, report*; по четыре К1 – также пять: *word, market, hour, condition, field*; пять коннотативных семем выявлено у лексемы *back*; шесть – у четырёх лексем: *house, bit, face, paper*; семь – у двух: *class, force*; девять коннотативных семем К1 развивают две лексемы: *point* и *end*.

В качестве примера приведём семантему лексемы *point*, общее количество семем которой составляет 17. На базе семемы Д1 «точка зрения, мысль, позиция, положение» (*OK, you've made your point – there's no need to go on about it*) лексема *point* развивает следующие семемы К1:

«главное, самая суть, весь смысл» (*I'll come straight to the point: we need more money*), «смысл, суть» (*What's the point of this meeting anyway?*), «деталь, мысль, место, пункт, момент» (*Read the manual to learn the program's finer points*), «точка, место» (*No parking beyond this point*), «момент, уровень, порог, грань» (*We will take last week's riots as a starting point for our discussion*), «остриё, кончик, острый конец, наконечник» (*The knife landed with its point sticking into the floor*), «точка света, цвета» (*The stars shone like points of light in the sky*), «компасный румб, страна света» (*Soldiers were advancing on us from all points of the compass*), «штепсельная розетка, точка присоединения потребляющего прибора» (*There is a phone point in every room*).

Как мы уже отмечали, коннотативные семемы развивают 29 из 30 рассмотренных субстантивных лексем, при этом все они развивают в своих семантемах от 1 до 10 семем K1.

Перейдём к рассмотрению глагольных лексем в английском языке. Как следует из упомянутого выше, коннотативные семемы развивают двадцать восемь из тридцати взятых для исследования лексем. По одной коннотативной семеме развивают две лексемы: *spend, describe*; по две – две лексемы: *learn, provide*; по три – четыре лексемы: *think, talk, appear, build*; по четыре – четыре лексемы: *follow, begin, continue, agree*; по пять – одна лексема *know*; по шесть – четыре лексемы: *say, bring, develop, receive*. Лексема *return* насчитывает семь коннотативных семем; лексема *sit* – восемь семем K1; лексемы *come* и *keep* имеют двенадцать семем K1; лексема *make* – четырнадцать; лексема *turn* – пятнадцать; лексема *see* – семнадцать; лексема *hold* – восемнадцать; лексема *go* – двадцать две. Наибольшее количество коннотативных семем – двадцать пять – насчитывают две лексемы: *get* и *take*.

В качестве примера приведём семантему лексемы *take*, общее количество семем которой составляет 30. На базе семемы D1 «брать, взять, отвозить» (*The suitcases were taken to San Antonio by mistake*) данная лексема развивает следующие семемы K1: «осуществлять какое-л. действие (пройтись, сплавать, принять душ, отдохнуть, сфотографировать и т.д.)» (*I always like to take a walk after lunch*), «употреблять, принимать» (*Do you take sugar in your coffee?*), «(вос)пользоваться (шансом), проявлять (инициативу), идти (на риск)» (*When the bus stopped for fuel, we took the opportunity to get something to eat*), «убирать, снимать» (*Take your feet off the seats*), «брать (образцы, показания и т.д.)» (*Investigators will take samples of the wreckage to identify the cause*), «требовать, занимать, забирать» (*It takes courage to admit you are wrong*), «принять/принимать» (*If you think I'm going to take that lying down, you're very much mistaken*), «вмещать» (*This container will take six litres*), «брать» (*Can you take this bag while I open the door?*), «(вос)пользоваться каким-л. средством передвижения или дорогой» (*I always take the train – it's less hassle than a car*), «изучать, проходить»

(*Shelley is taking economics at university*), «преподавать, вести» (*The head teacher usually takes us for French*), «сдавать (экзамен)» (*Applicants are asked to take a written test*), «носить (размер)» (*What size shoe do you take?*), «воспринимать, принимать (за), понимать, реагировать» (*I was just teasing him, but he took it the wrong way*), «испытывать что-л. или какое-л. чувство» (*At first, he took no interest in the baby*), «выдерживать» (*I don't think I can take much more of this heat*), «захватывать» (*The rebels succeeded in taking the town*), «принимать (вещества)» (*The doctor will ask whether you are taking any medication*), «поднимать, возносить, увеличивать» (*Her energy and talent took her to the top of her profession*), «измерять» (*Nurses took my pulse, my temperature and blood pressure*), «вычитать» (*If you take 4 (away) from 12 you get 8*), «получать, зарабатывать» (*The show took an astonishing \$100,000 in its first week*), «записывать» (*The police officer took my name and address*), «приживаться, схватываться, срывать» (*These new plants haven't taken – they don't like this dry soil*).

Исследование показало, что английские глагольные лексемы в основном развивают от 1 до 10 коннотативных значений. Таких лексем, по данным нашего исследования, 19, что составляет 63,3% от общего количества лексем. Количество глагольных лексем, развивающих большее количество коннотативных семем (от 11 до 20), составляет 20% (6 лексем); количество глагольных лексем, развивающих от 21 до 30 коннотативных семем, составляет 10% (3 лексемы); количество глагольных лексем, не развивающих коннотативных семем, составляет 6,7% (2 лексемы) от общего количества рассмотренных глагольных лексем.

В заключение отметим, что общее количество семем рассмотренных 30 субстантивных лексем английского языка составляет 220. Из них коннотативных – 110, что составляет 50% от общего количества. 30 глагольных лексем английского языка развивают 356 семем. Из них семем К1 – 238, что составляет 67% от общего количества.

Таким образом, можно сделать вывод, что глагольные лексемы английского языка проявляют большую тенденцию к развитию коннотативных значений, чем субстантивные лексемы.

Литература

1. Британский национальный корпус – www.natcorp.ox.ac.uk
2. Longman Dictionary of Contemporary English online – <https://www.ldoceonline.com>
3. Cambridge English Dictionary online – <https://dictionary.cambridge.org>
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary online – <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
5. Новый большой англо-русский словарь в 3-х т. под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой – <https://eng-rus.slovaronline.com>
6. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

И.А. Жилина, К.М. Шилихина

**Сопоставительный анализ семантики лексем
«КРАСОТА» и «BEAUTY»**

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу лексем «Красота» и «Beauty» в русском и английском языках, в результате которого выявляются семантические сходства и различия между ними. Анализ показал, что в обоих языках эти лексемы называют близкие понятия, однако набор их значений не идентичен, что указывает на национальную специфику значений данных слов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, семантическая структура, семантика, лексикографические источники.

Abstract: The paper presents the comparative analysis of the lexemes "Krasota" and "Beauty" in Russian and English, as a result of which semantic similarities and differences between them are revealed. The analysis showed that in both languages these lexemes name similar concepts, but their sets of meanings are not identical, which indicates the national specifics of the semantics of these words.

Key words: Comparative analysis, semantic structure, semantics, lexicographic sources.

Будучи частью лингвистической типологии, современные сопоставительные исследования тесно связаны с когнитивным подходом к языку: оба научных направления стремятся изучить и объяснить, как различные языки позволяют говорящим осуществлять категоризацию действительности, какие общие и уникальные способы категоризации используются разноструктурными языками.

Процессы категоризации интересны лингвистам, поскольку категоризация чего бы то ни было связана с названием и использованием слов применительно к окружающим объектам и явлениям, и в этом смысле изучение лексической семантики тесно связано с исследованием процессов категоризации (Taylor 2007). По мнению У. Лабова, лингвистика – это и есть изучение того, как с помощью языка значение выражается путем категоризации реального мира, его деления на категории и группы категорий (Labov 1973). В связи с этим необходимо найти ответ на целый ряд вопросов: существуют ли категории в окружающем мире или они являются конструктами человеческого сознания? Как люди распределяют окружающие объекты и явления по категориям? Какими взаимоотношениями связаны категории?

Для лингвистов одним из инструментов описания и отражения окружающей действительности является лексическая система языка, которая фиксирует наши знания о мире. Лексикографические описания семантики слов позволяют провести исследование сходств и различий фиксации информации в языках. Именно дефиниции в толковых словарях представляют обыденное, ненаучное объяснение лексической единицы, которые позволяют объяснить сущность лексем представителям другой культуры (Алпатов 1993, С. 36). Похожую мысль высказала В.А. Маслова:

исследовательница утверждает, что познание человеком окружающего мира возможно, среди прочего, благодаря извлечению из лексикографических источников разнообразных данных о мире и реальности (Маслова 2019, С. 27).

Особый интерес представляет в этом смысле абстрактная лексика, фиксирующая наши представления об абстрактных понятиях: в отличие от имен, называющих физические объекты и наблюдаемые явления, абстрактная лексика фиксирует идеи, существующие в нашем сознании. Возникает вопрос, как носители языка осуществляют категоризацию того, что, по сути, является абстрактным представлением?

Данное исследование представляет собой попытку анализа двух абстрактных имен – «красота» и «beauty». В фокусе внимания – семантические сходства и различия этих лексических единиц. В качестве материала исследования, наряду с лексикографическими источниками, были использованы данные языковых корпусов: Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и The Corpus of Contemporary American English (COCA). В ходе анализа были использованы следующие методы: сопоставительный метод, метод анализа словарных дефиниций, описательный метод.

Для определения смыслового объема лексем в русском и английском языках, а также выявления их семантического своеобразия обратимся к толковым словарям русского и английского языков.

В первую очередь рассмотрим значения лексем «красота» и «beauty», полностью или частично совпадающие.

В толковых словарях в первом значении *красота* определяется как *отвлеч. сущ. к красивый*, *beauty* – как *the state or quality of being beautiful* (состояние красоты или качество быть красивым). Дефиниции объединяет использование перифразы с прилагательными *красивый/beautiful* для толкования значения слова.

Примерами могут служить следующие контексты:

Красота и приятный нрав этих птиц сделали их любимейшими комнатными птицами на всём земном шаре. [НКРЯ]

Greenland's allure is clear. Add to its sheer beauty, the natural resources, fish stocks, fresh water, minerals and strategic location. [COCA]

Второе значение формулируется как *красавица* для русского языка и *a beautiful woman* или *a beautiful person* для английского языка. Как видим, данное значение в английском языке распространяется не только на женщин, но и на человека в целом.

Ниже представлены примеры употребления интересующих нас лексем в данном значении:

*А Зина-то ещё школьницей была, то ли в восьмом, то ли в девятом. Карточку свою показывала – ну вылитая **красота**. Глаза большие, чёрные, волос русый, воротничок белый под самое горлышко. [НКРЯ]*

*I mean, look at her. Have you ever seen **such a beauty**? She is beautiful.* [COCA]

Следующее сходное значение лексем *красота* и *beauty* – *красивое, прекрасное* и *a quality that something has that gives you pleasure* (качество чего-то, что доставляет вам удовольствие).

Употребление лексем в данном значении продемонстрировано следующими примерами:

*Изумительной **красоты** животное явно о своей красоте знало и всячески нам позировало.* [НКРЯ]

*One of the best and memorable experiences is seeing the underwater **beauty** of this island.* [COCA]

Здесь необходимо отметить, что и в русском, и в английском языке данное значение реализуется в сочетании лексем *красота* и *beauty* с существительными, называющими конкретные объекты (*животное, тело, лицо, сад* и т.д.). Исключение составляют абстрактные имена *душа / soul*:

*Там красной нитью проходит идея, свойственная всей серьезной литературе вообще – у человека душа – главное, и **красота души** – это и есть истинная красота человека.* [НКРЯ]

*And if this is true of the body, how much more just that a similar distinction should exist in the soul? but the beauty of the body is seen, whereas **the beauty of the soul** is not seen* [COCA].

Помимо сходных значений у лексем *красота* и *beauty* зафиксированы и различные. Так, у слова *красота* есть значение – *красивые места; то, что производит художественное впечатление*. Данное значение, как правило, маркируется множественным числом: *Если бы я так уж любил природу, разве бы покинул Смоленщину? Там такие **красоты**! Нет!* [НКРЯ]

Еще одним значением лексемы «красота» является «в знач. междоумения. очень красиво, хорошо, ловко». *Музыка, песни, пляски, фейерверки... **Красота**! У Деда Мороза есть и городская резиденция в самом центре Великого Устюга в старинном белокаменном особняке.* [НКРЯ]

Лексема «красота» также обладает значением «красивая, привлекательная наружность»:

*Его **красота** была не южной, рвущейся в глаза, а более спокойной* [НКРЯ].

Специфическим для английской лексемы «beauty» является значение «*an excellent example of its type*» (отличный образец среди подобных).

*Man, that DBS is one of my favorite new cars, what a **beauty**.* [COCA]

У данной лексемы отмечено также значение «*an attractive feature*» (привлекательная черта):

*The **beauty** of Facebook previous to promoted posts existed in the public's preternatural ability to separate the wheat from the chaff* [COCA].

Важно отметить, что лексема *beauty* также имеет значение, репрезентирующее индустрию красоты и продукты, которые в ней используются (*the business of making people look attractive, using make-up, treatments, etc.* – бизнес по приданию людям привлекательного вида с помощью макияжа, процедур и т.д):

*Coming up next, the best **beauty products** you've never seen before [COCA].*

Отметим, что данное значение представлено только в Cambridge English Dictionary.

Проведённое исследование семантической структуры лексемы *красота* и её английского эквивалента *beauty* позволяет сформулировать следующие выводы. Данные лексемы являются многозначными и, в силу своей абстрактности, обладают сложной семантической структурой. Объем семантем обоих лексем одинаков: и русская, и английская лексема имеют по шесть значений, при этом среди значений наблюдаются как совпадающие, так и различные. И в русском, и в английском языке контексты указывают на то, что красота воспринимается преимущественно через зрительный канал, поскольку свойство красоты чаще всего приписывается реальным физическим объектам.

Литература

1. Алпатов В. М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходе к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 15-26.
2. Маслова В. А. Концептуальные основы современной лингвистики: учеб. пособие. – Москва: Флинта, 2019.
3. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. – URL: www.ruscorpora.ru
4. Labov W. The boundaries of words and their meanings // New Ways of Analysing Variation in English. – Washington, DC: Georgetown University Press, 1973. – P. 340-373.
5. Taylor, J.R. Linguistic Categorization. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
6. The Corpus of Contemporary American English. Электронный ресурс. – URL: <http://www.english-corpora.org/coca/>

Список использованных словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1986.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. –Т. 2. – М.: Русские словари, 1994.
4. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
5. Collins English Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
6. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
7. Oxford English Dictionary on CD-ROM. Version 3.1. – Oxford: Oxford University Press, 2009.

Н.А. Неровная, И.В. Мамонтов

Контрастивный анализ наименований воинских званий в русском и английском языках

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ наименований воинских званий в русской и английской лингвокультурах с позиций контрастивной лингвистики.

Ключевые слова: воинское звание, семантика, индекс денотативной идентичности, контрастивные пары.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of the names of military ranks in Russian and English linguistic cultures from the standpoint of contrastive linguistics.

Key words: military rank, semantics, index of denotative identity, contrastive pairs.

Цель нашего исследования – осуществить контрастивный семантический анализ слов, используемых для наименования званий военнослужащих армии России и соответствующих им званий в англоговорящих странах (в частности, США и Великобритании), выявить сходства и национальную специфику в семантике и употреблении таких лексем.

Для выполнения данной задачи была использована методика контрастивного описания лексических единиц, сформулированная И.А. Стерниным (Стернин 2007) и дополненная использованием сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014, Стернина, Стернин 2021). Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики. Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в численной форме. Сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления (Стернин, Стернина 2015).

При анализе контрастивных пар сравнение проводится с использованием индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, методика вычисления которых предложена Лукиной Л.В. (Лукина 2008).

Как показало проведенное исследование, коннотативные и функциональные семы у сравниваемых пар демонстрируют идентичность. Все рассматриваемые нами лексем, как в русском, так и в английском языках по коннотативным компонентам значения являются *неоценочными* и *неэмоциональными*, а по функциональным компонентам – *книжными*, *общераспространенными*, *современными*, *употребительными*. Таким образом, индексы коннотативной и функциональной идентичности у всех лексем равны 100%.

Поскольку изучаемые лексем обнаруживают различия только в денотативных значениях, сравнение проводилось по денотативным семам.

В качестве источников нами использовались толковые словари русского и английского языков, а также таблицы воинских званий разных родов войск США и России.

Рассмотрим выделенные контрастивные пары.

Private	Рядовой
воинское звание	воинское звание
младшего рядового состава	младшего рядового состава
низшее	низшее
первое	первое
в сухопутных войсках	в сухопутных войсках
0	в военно-воздушных силах
соответствует званию «airman» в ВВС	0
0	в полиции
соответствует званию «seaman» на флоте	соответствует званию «матрос» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 66%.

Corporal	Ефрейтор
воинское звание	воинское звание
младшего командного состава	0
0	рядового состава
в сухопутных войсках	в сухопутных войсках
в морской пехоте	0
0	в военно-воздушных силах
в полиции	0

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 29%.

Sergeant	Сержант
воинское звание	воинское звание
младшего командного состава	младшего командного состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
соответствует званию «petty officer» на флоте	0
0	соответствует званию «старшина» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 66%.

Lieutenant	Лейтенант
воинское звание	воинское звание
командного состава, офицера	командного состава, офицера
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
первое	первое

соответствует званию «лейтенант» на флоте	соответствует званию «лейтенант» на флоте
---	---

Индекс денотативной идентичности контрастивной пары *lieutenant – лейтенант* составляет 100%.

Captain	Капитан
воинское звание	воинское звание
офицера командующего состава	офицера командующего состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
следует за званием «первый лейтенант»	следует за званием «лейтенант»
соответствует званию «полковник» на флоте	0
0	соответствует званию «капитан-лейтенант» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 64%.

Major	Майор
воинское звание	воинское звание
старшего офицерского состава	старшего офицерского состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
следует за званием «капитан»	следует за званием «капитан»
соответствует званию «lieutenant commander» (лейтенант-коммандер) на флоте	0
0	соответствует званию «капитан 3 ранга» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 71%.

Lieutenant colonel	Подполковник
воинское звание	воинское звание
старшего офицерского состава	старшего офицерского состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
следует за званием «майор»	следует за званием «майор»
соответствует званию «commander» (коммандер) на флоте	0
0	соответствует званию «капитан 2 ранга» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 71%.

Colonel	Полковник
воинское звание	воинское звание

старшего офицерского состава	старшего офицерского состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
в полиции	в полиции
между званием «подполковник» и «бригадный генерал»	между званием «подполковник» и «генерал-майор»
соответствует званию «капитан» на флоте	соответствует званию «капитан 1 ранга» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 83%.

General	Генерал
воинское звание	воинское звание
высшего офицерского командного состава	высшего офицерского командного состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
0	в полиции
соответствует званию «адмирал» на флоте	соответствует званию «адмирал» на флоте

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 80%.

Marshal	Маршал
воинское звание	воинское звание
высшего офицерского командного состава	высшего офицерского командного состава
в вооруженных силах	в вооруженных силах
следует за званием «генерал»	следует за званием «генерал армии »
0	присваивается лично Президентом
0	присваивается за выдающиеся заслуги в руководстве войсками

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 58%.

Generalissimo	Генералиссимус
воинское звание (<i>Великобрит.</i>)	воинское звание
высшего офицерского командного состава	высшего офицерского командного состава
высшее	высшее
Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами	В вооруженных силах
0	присваивается за особо выдающиеся военные заслуги
обладает военной властью	обладает военной властью
обладает политической властью	0

Индекс денотативной идентичности данной контрастивной пары составляет 64%.

Для интерпретации полученных результатов была применена шкала определения межъязыковых соответствий Л. В. Лукиной, согласно которой

соответствия подразделяются на *полные, ближайшие, близкие, дальние и отсутствие соответствия* в зависимости от значения интегрального индекса идентичности лексем, рассчитываемого как среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем (Лукина 2008).

Приведем общие данные в таблице.

Наименование индекса Контрастивные пары	Индекс денотативной идентичности (ИДИ)	Индекс коннотативной идентичности (ИКИ)	Индекс функциональной идентичности (ИФИ)	Интегральный индекс идентичности лексем
private – рядовой	66%	100%	100%	89%
corporal – ефрейтор	29%	100%	100%	76%
sergeant – сержант	66%	100%	100%	89%
lieutenant – лейтенант	100%	100%	100%	100%
captain – капитан	64%	100%	100%	88%
major – майор	71%	100%	100%	90%
lieutenant colonel – подполковник	71%	100%	100%	90%
colonel – полковник	83%	100%	100%	94%
general – генерал	80%	100%	100%	93%
marshal – маршал	58%	100%	100%	86%
generalissimo – генералиссимус	64%	100%	100%	88%

Таким образом, исходя из значения интегрального индекса идентичности лексем, лексемы *lieutenant – лейтенант* являются *полными* соответствиями, контрастивные пары *sergeant – сержант*, *captain – капитан*, *major – майор*, *lieutenant colonel – подполковник*, *colonel – полковник*, *general – генерал*, *marshal – маршал*, *generalissimo – генералиссимус* представляют собой *ближайшие* соответствия. Контрастивная пара *corporal – ефрейтор* демонстрирует наибольшую степень проявления национальных различий и относится к *близким* соответствиям.

Литература

1. Лукина Л. В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Москва: «АСТ – Восток-Запад», 2007.
3. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2015.

4. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: монография. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.
5. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Монография. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021.

Список фактических источников

1. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 07.12.22).
2. Gufo.me – словари и энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/search> (дата обращения 3.12.22)
3. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.12.22).
4. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 10.12.22)
5. Police ranks of the United States. [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e6b44152-63a2b075-6f6195c9-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Police_ranks_of_the_United_States (дата обращения 10.12.22)
6. United States Air Force officer rank insignia [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7da986al-63a2b459-ff56e5a4-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/United_States_Air_Force_officer_rank_insignia (дата обращения 5.12.22)
7. United States Navy ranks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.military-ranks.org/navy> (дата обращения 6.12.22)
8. Воинские звания и знаки различия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Воинские_звания_и_знаки_различия_в_Вооружённых_силах_Российской_Федерации (дата обращения 5.12.22)
9. Воинские звания на флоте [Электронный ресурс]. URL: <https://army-blog.ru/voinskie-zvaniya-na-flote-po-vozrastaniyu-polnyj-spisok/> (дата обращения 6.12.22)
10. Погоны и звания BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://formaozhda.com/encyclopedia/voinskie-zvaniya-voennoslužhacshih-voenno-vozdushnyh-sil/> (дата обращения 4.12.22)
11. Погоны и звания полиции [Электронный ресурс]. URL: <https://formaozhda.com/encyclopedia/pogony-i-zvaniya-policii/> (дата обращения 29.11.22)

С.С. Павлова, Е.Н. Подтележникова

Сопоставительный анализ прецедентных теонимов

Афродита и Венера

Аннотация: В статье проведен сопоставительный анализ функционирования прецедентных теонимов *Афродита* и *Венера* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка. Показано, что прецедентный теоним *Афродита* используется в русском языке, прежде всего, для описания женского начала, связанного с любовью и нежностью, и для описания ситуации рождения из пены морской. Прецедентный теоним *Венера* чаще всего отсылает к произведениям искусства и описывает такие женские качества, как кокетливость, ветреность, порочность.

Ключевые слова: прецедентные имена, лингвокогнитивный анализ, фреймовый анализ, Афродита, Венера, сопоставительный анализ.

Abstract: The paper provides a comparative analysis of functioning of the precedent theonyms Aphrodite and Venus in the Russian language according to the data of the National Corpus of the Russian language. It is shown that the precedent theonym Aphrodite is used in the Russian language, first of all, to describe such feminine qualities as love and tenderness, as well as the situation of birth from the foam of the sea. The precedent theonym Venus most often refers to works of art and describes such feminine qualities as frivolity and depravity.

Key words: precedent names, cognitive analysis, frame analysis, Aphrodite, Venus, comparative analysis

Прецедентность как лингвистическое явление обусловлено национальными, социальными, историческими и другими факторами и входит в сферу интересов когнитивной лингвистики. Под прецедентными феноменами обычно понимаются языковые явления, хорошо известные носителям языка, предполагающие неоднократное обращение к ним и служащие для выражения эмоциональной оценки ситуации общения (Захаренко 1997). По мнению Л.И. Гришаевой, прецедентным обозначается имевший ранее случай, культурный образец, служащий примером, знаком авторства или оправданием для последующих сходных случаев или феноменов (Гришаева 2004).

Объектом данного исследования являются теонимы *Афродита* и *Венера*, функционирующие в качестве прецедентных имён в русском языке. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, интересом к прецедентности имени собственного, с другой – недостаточным изучением прецедентных теонимов, которые на данный момент описаны лишь в работах Н. А. Сегал (Сегал, Коротких 2017) и А.Н. Мищенко (Мищенко 2020). При этом неоднократно подчеркивалось, что данные языковые единицы являются наиболее удобными способами репрезентации значимых событий и явлений действительности (Шмальц, Подтележникова 2017, Кортаева, Подтележникова 2018, Штапов, Подтележникова 2019, Подтележникова, Павлова 2022).

Для определения фреймовой структуры прецедентных теонимов *Афродита* и *Венера* были использованы словари мифологии (Корш 1894; Кун 2021; Мифы Древней Греции 2009), а также монография В.П. Шестакова «Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство» (Шестаков 1999).

Было выделено 6 дифференциальных признаков прецедентного теонима *Афродита* и 7 дифференциальных признаков прецедентного теонима *Венера*. Дифференциальный признак «Высший идеал женской красоты» у прецедентного теонима *Афродита* получает более развернутое описание, конкретизируясь дифференциальными признаками «Золотые кудри» и «Высокая, стройная, с нежными чертами лица».

Прецедентные теонимы *Афродита* и *Венера* имеют общий дифференциальный признак «Богиня любви» и соотносимые дополнительные дифференциальные признаки в структуре прецедентного теонима *Афродита* – «Богиня браков и родов, детопитательница»; *Венера* – «Покровительница супружеской любви»; *Афродита* – «Кокетливая и игривая», *Венера* – «Ветреная». Здесь можно отметить большее разнообразие дифференциальных признаков в структуре прецедентного теонима *Афродита*, которые не присущи прецедентному теониму *Венера*: «Богиня любовной власти», «Плетет козни».

В структуре прецедентных теонимов *Афродита* и *Венера* одинаково представлены дифференциальные признаки «Богиня плодородия, вечной весны и жизни», «Рождение из пены морских волн», «Источник прецедентности – произведения искусства».

Проведя сопоставительный анализ потенциальной структуры прецедентных теонимов *Афродита* и *Венера*, можно отметить их существенное содержательное сходство.

Для определения реализации структуры прецедентных теонимов *Афродита* и *Венера* в основном корпусе НКРЯ методом сплошной выборки было найдено 124 контекста с прецедентным теонимом *Афродита* и 122 контекста с прецедентным теонимом *Венера*.

Сравнив потенциальную структуру прецедентных теонимов и их актуальную реализацию в корпусе, мы выяснили, что в текстах реализуются все дифференциальные признаки прецедентного теонима *Афродита*, кроме «Богиня браков и родов, детопитательница». При использовании прецедентного теонима *Венера* обязательными являются только 3 из 6 дифференциальных признаков, все остальные являются факультативными.

Далее был проведен количественный анализ, который показал, что наибольшее расхождение наблюдается при реализации дифференциального признака «Источник прецедентности - произведения искусства» (у *Венеры* на 30 контекстов больше, чем у *Афродиты*): *Она ведь была для меня и любящей мамой, и эталоном женской красоты, живой Венерой Тициана* или «Ани» Ренуара (Владлен Давыдов. *Театр моей мечты* (2004)). Эти данные подтверждаются сведениями из Русского ассоциативного словаря (Караулов 1994), где реакция «Милосская» - вторая по частотности.

Также у прецедентного теонима *Венера* в два раза преобладает реализация дифференциального признака «Кокетливая, ветреная»: *Мы не очень-то надеемся сменить свой «Ассент» на «Порше», но твёрдо верим, что заменим Клаву Венерой!* Нам кажется, что **Венера** – доступнее, чем «Порше». Она ведь улыбается нам с каждой рекламной картинки! И она в отличие от «Порше» бесплатная! ... но... в этом мире нет вообще ничего бесплатного. Красота стоит денег (Герман Садулаев. *Таблетка* (2008)).

В свою очередь прецедентный теоним *Афродита* характеризуется максимальной выраженностью дифференциальных признаков «Рождение из пены морских волн», «Богиня любви»: *Министр эстетики, разглядывая один пляжный снимок, заявил, что девушка — просто божественна... напоминает Афродиту, выходящую из пены морской...* (Георгий Полонский. *Медовый месяц Золушки* (1986) // «Театр», 1988). *Любит ли он? Любовью ли он любит, последнюю и единую, побеждающего вечным дыханием небесной Афродиты?* (Ф. К. Сологуб. *Капли крови* (Навьи чары) (1905)).

Все это свидетельствует о том, что прецедентный теоним *Афродита* используется в русском языке, прежде всего, для описания женского начала, связанного с любовью и нежностью, а также для описания ситуации рождения из пены морской. Прецедентный теоним *Венера* чаще всего отсылает к произведениям искусства и описывает такие женские качества, как кокетливость, ветреность, порочность.

Литература

1. Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
2. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
3. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. – Москва, 1994.
4. Коротаева В.А., Подтележникова Е.Н. Моделирование семантического поля «Сверхъестественное» в русском языке // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2018. – № 4. – С. 121-126.
5. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. – Санкт-Петербург, 1894.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Эксмо, 2021.
7. Мифы Древней Греции. Словарь-справочник. – EdwART, 2009. <https://492.slovaronline.com/>
8. Мищенко А.Н. Древнегреческая мифология как основа прецедентности в текстах русскоязычных СМИ. – Краснодар, 2020.
9. Подтележникова Е.Н., Павлова С.С. Особенности функционирования прецедентного имени Венера // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – №3. – С. 19-25.
10. Сегал Н.А., Коротких Ю.С. Языковые особенности реализации прецедентного оронима Олимп в текстах политических СМИ // Политическая лингвистика. – 2017. – №1. – С. 98-105.
11. Шестаков В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. – М.: Республика, 1999.
12. Шмальц Р.В., Подтележникова Е.Н. Анализ лексики произведения Даниила Андреева «Роза Мира» на основе онтологического подхода // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. – Воронеж, 2017. – № 4. – С. 154-158.
13. Штапов А.В., Подтележникова Е.Н. Ирреальность в русских народных сказках // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2019. – № 4. – С. 91-97.

***Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович:*
сопоставительный анализ прецедентных имён**

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ использования прецедентных имён былинных героев *Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович* в текстах СМИ. Выявлено преимущественное использование прецедентного имени *Илья Муромец* как эффективного средства для обличения пороков общества, иронии, обращения к национальному сознанию.

Ключевые слова: прецедентные имена, лингвокогнитивный анализ, фреймовый анализ, былинные герои, сопоставительный анализ.

Abstract: The paper provides a comparative analysis of the use of precedent names of epic heroes *Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich* in media texts. The predominant use of the precedent name *Ilya Muromets* as an effective means to expose the vices of society, irony, and appeal to national consciousness is revealed.

Key words: precedent names, linguocognitive analysis, frame analysis, epic heroes, comparative analysis.

Изучение функционирования прецедентных феноменов в медиатекстах в настоящее время получило широкое распространение, т.к. язык современной прессы, по точному замечанию Е.А. Земской, отражает «все то хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности» (Земская 2009, с. 141). Т.Г. Добросклонская отмечает, что в рамках когнитивной лингвистики рассматриваются основные свойства медиатекстов, в которых актуализируются лингвокультурные знания, составляющие основу прецедентных феноменов (Добросклонская 2005). Л.В. Моисеенко указывает на то, что структура, содержание и функционирование прецедентных феноменов имеет ярко выраженную национальную окраску, т.к. они обусловлены «национально-специфическими и индивидуальными особенностями прецедентного пространства языковой личности конкретного социума» (Моисеенко 2009, с. 15).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения прецедентных имен как средств категоризации действительности при построении языковой картины мира. Отметим также, что в настоящий момент отсутствуют научные работы, посвященные всестороннему изучению имён былинных героев как прецедентных феноменов в текстах российских СМИ на фоне непреходящего интереса к изучению сказочного, сверхъестественного, ирреального.

Под прецедентными феноменами обычно понимают языковые единицы, которые важны для человека в чувственном отношении, популярны среди широкого круга лиц и к которым обращаются многократно. Выделяют несколько типов прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. Прецедентное имя – это популярное имя собственное, которое широко

используется в текстах для обозначения какого-либо знака, определенного качества и т.д.: *Афродита* (Подтележникова, Павлова 2021), *Венера* (Подтележникова, Павлова 2022), *Обломов*, *Илья Муромец*, *Конек Горбунук* и др.

В качестве одного из методов описания прецедентных имен Ю.А. Стратиенко предлагает фреймовую структуру, которая «моделирует знание о типичных ситуациях и позволяет правильно интерпретировать содержание текста» (Стратиенко 2016, с.103). Предложенный Ю.А. Стратиенко метод фреймовой репрезентации представляется нам наиболее удачным и будет использован в данном исследовании.

Для выделения основных слотов и их дифференциальных признаков была проанализирована «Книга о киевских богатырях» (Книга о киевских богатырях 1876), а также Большой лингвострановедческий словарь (Большой лингвострановедческий словарь 2007) и Российский гуманитарный энциклопедический словарь (Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002).

В структуре слота *Илья Муромец* были выделены следующие дифференциальные признаки:

ДП-1. Крестьянский сын

ДП-2. Типичный представитель богатыря

ДП-3. Воплощение народного идеала героя-воина

ДП-4. Просидел на печи 30 лет и 3 года

ДП-5. Наделён фантастической силой, которую получает через магическое питье

ДП-6. Самая надежная опора киевского князя Владимира Святославича

ДП-7. Независим в отношении с князем Владимиром

ДП-8. Самый справедливый

ДП-9. Сражался с Соловьем- Разбойником

ДП-10. Сражался с Идолищем поганым

Структура слота *Добрыня Никитич* представлена следующим образом:

ДП-1. Князь

ДП-2. Основной подвиг – победа над Змеем Горынычем

ДП-3. Могучий, честный, прямодушный

ДП-4. Верный в дружбе и любви

ДП-5. Вел переговоры

Прецедентное имя *Алеша Попович* имеет следующую структуру:

ДП-1. Сын попа

ДП-2. Хитрый и уклончивый

ДП-3. Победа над Тугарином-Змеем

ДП-4. Пытался свататься к жене Добрыни

ДП-5. Завистлив

Следующим этапом исследования стало сопоставление функционирования прецедентных имен *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич* и *Алёша Попович* в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Количественный анализ показал, что в текстах СМИ прецедентное имя *Илья Муромец* используется с наибольшей частотностью: 68 контекстов, в то время как *Алёша Попович* встречается только в четырех контекстах, а *Добрыня Никитич* – в трех.

Сравнительный анализ реализации дифференциальных признаков прецедентного имени *Илья Муромец* позволил сделать вывод о том, что в текстах СМИ реализуются только 7 из них. При этом наиболее частотными являются следующие: ДП-4 – Просидел на печи 30 лет и 3 года; ДП-2 – Типичный представитель богатыря; ДП-3 – Воплощение народного идеала героя-воина. Рассмотрим их подробнее.

Журналисты используют прецедентное имя *Илья Муромец* для описания возраста человека или определенного периода в его жизни, равного 33 годам и более: *Этот боксер-уникум, который раскрыл свой талант только в 36 лет, побив рекорд Ильи Муромца, просидевшего на печи 30 лет и три года* (Владимир Гендлин-младший. Жертва ограбления стала чемпионом мира // Известия, 2012.03.18).

Выявлено, что данный дифференциальный признак подходит не только для описания человека: *Олимпийский Мишка возвратился из своего сказочного леса, в котором провел, как Илья Муромец на печи, 33 с лишним года* (Игорь Караулов. Возвращение Мишки // Известия, 2014.02.23).

Далее рассмотрим реализацию ДП-2 – Типичный представитель богатыря. Примечательно, что из трех имён богатырей журналисты выбирают именно *Илью Муромца*, что характеризует его как типичного, наиболее узнаваемого русского богатыря: *Да, общественное мнение хотело видеть деревенских мужиков защитниками и былинными Илями Муромцами, а приехавших с цыганом мусаяевых и фаттаховых – нерусью поганой* (Ульяна СКОЙБЕДА. Уголовное дело Сагры, сшитое белыми нитками, развалилось // Комсомольская правда, 2013.03.19).

Также частотным в текстах СМИ является ДП-3 – Воплощение народного идеала героя-воина: *Такой Илья Муромец — богатырь, защитник родной земли от поганых половцев (немцев, американцев)*. (Александр Минкин. Любителям Сталина // Московский комсомолец, 2017.06.21).

Таким образом, сопоставительный анализ прецедентных имен *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич* и *Алёша Попович* в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка выявил наибольшую частотность прецедентного имени *Илья Муромец*. Результатом сравнения реализации дифференциальных признаков данного имени стало выделение среди них

наиболее частотных и ярких: просидел на печи 30 лет и 3 года; типичный представитель богатыря; воплощение народного идеала героя-воина.

Литература

1. Большой лингвострановедческий словарь. – АСТ-Пресс, 2007.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – Москва: УРСС, 2005.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва: "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009.
4. Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса. – СПб., 1876.
5. Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: автореф. дисс. ... докт. филол. наук.– М., 2015.
6. Подтележникова Е. Н., Павлова С.С. Особенности использования прецедентного мифонима Афродита // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Воронеж, 2021. – С. 138-146.
7. Подтележникова Е.Н., Павлова С.С. Особенности функционирования прецедентного имени Венера // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – №3. – С. 19-25.
8. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002.
9. Стратийенко Ю.А. Фрейм «Золушка» как источник прецедентности в британских и американских СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – Воронеж, 2016. – С. 102-107.

К.О. Селезнева

Сопоставление словарных данных в области педагогической лексики

Аннотация: В статье сопоставляются лексические единицы, относящиеся к педагогической лексике и выделенные методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова.

Ключевые слова: тематическая группа, педагогическая лексика, метод сплошной выборки, словарные данные, лексикографический источник.

Abstract: The paper compares the lexemes which are related to pedagogical vocabulary and are selected by the method of continuous sampling from the Explanatory Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova and the Large Explanatory Dictionary of the Russian language edited by S.A. Kuznetsov.

Key words: thematic group, pedagogical vocabulary, method of continuous sampling, vocabulary data, lexicographical source.

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, проводимого автором в рамках изучения педагогической лексики (Селезнева 2014, 2019, 2021а, 2021б, 2021в, 2022а, 2022б). Цель данной работы – сопоставить репрезентативность педагогической лексики в лексикографических

источниках. Для этого методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [далее словарь Ожегова, Шведовой] (Толковый словарь русского языка 2013) и Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [далее словарь Кузнецова] (Большой толковый словарь русского языка 2006) нами были выбраны лексические единицы, принадлежащие к педагогической лексике. Полученные результаты были проанализированы, систематизированы и распределены по тематическим группам.

Проведённый анализ показал, что в словаре Ожегова, Шведовой содержится 1055 лексических единиц, которые можно отнести к педагогической лексике, а в словаре Кузнецова –1308. Представим полученные данные по выделенным нами тематическим группам в таблице:

	Тематическая группа	Ожегов, Шведова	Кузнецов
1	<i>Образовательные, воспитательные и педагогические процессы</i>	242	278
2	<i>Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом</i>	104	97
3	<i>Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения</i>	93	134
4	<i>Формы отчётности, виды контроля и связанные с ними реалии и процессы</i>	55	62
5	<i>Учащиеся и воспитанники определённых учебных заведений</i>	51	62
6	<i>Общие наименования педагогов</i>	44	51
7	<i>Общие наименования учащихся и воспитанников</i>	44	47
8	<i>Учащиеся в зависимости от курса и класса, на котором (в котором) они обучаются</i>	36	53
9	<i>Временные промежутки, периоды, перерывы в образовательном процессе и связанные с ними реалии</i>	33	18
10	<i>Оценки и оценивание</i>	33	25
11	<i>Объединения лиц и лица, связанные общей деятельностью</i>	28	30
12	<i>Наименования систем, программ и форм подготовки</i>	27	28
13	<i>Виды занятий</i>	26	35
14	<i>Реалии, понятия и наименования лиц, связанных с наличием и уровнем образования и воспитания</i>	26	22
15	<i>Учебники и учебно-дидактические средства, методы, материалы</i>	26	52
16	<i>Реалии, понятия и наименования лиц, связанных с отсутствием и/или не достаточным образованием и воспитанием</i>	25	33

17	<i>Учебные, воспитательные и просветительские помещения, места, здания и сооружения</i>	24	41
18	<i>Учащиеся по отношению к учёбе и связанные с ними реалии и процессы</i>	20	20
19	<i>Наименования отдельных работников в сфере образования</i>	19	13
20	<i>Административные и руководящие работники в сфере образования и их деятельность</i>	14	33
21	<i>Преподавательские должности, лица в этих должностях, их деятельность, учёные звания и степени</i>	14	41
22	<i>Учащиеся в зависимости от их достижений, получаемых ими льгот, выполняемой работы и обязанностей</i>	11	11
23	<i>Учебные подразделения</i>	11	10
24	<i>Наименования педагогов по преподаваемому предмету</i>	10	27
25	<i>Документы</i>	9	12
26	<i>Мероприятия</i>	9	4
27	<i>Принадлежности для осуществления педагогической, образовательной и воспитательной деятельности</i>	6	12
28	<i>Наименования учебных предметов и дисциплин</i>	6	29
29	<i>Учащиеся в зависимости от направления обучения, факультета, специальности</i>	5	6
30	<i>Учащиеся в зависимости от формы обучения</i>	4	4
31	<i>Наименования классных руководителей</i>	0	4
32	<i>Одежда и атрибуты</i>	0	3

Обращает на себя внимание количественный состав исследуемой лексики в обоих словарях. Напомним, что в словаре Ожегова, Шведовой зафиксировано 1055 лексических единиц, относящихся к педагогической лексике, а в словаре Кузнецова – 1308.

Разница объясняется тем, что словник словаря Кузнецова насчитывает около 130 тыс. слов, в то время как словарь Ожегова, Шведовой – 80 тыс. слов и фразеологических выражений. Таким образом, совершенно очевидно, что количественное расхождение не является существенным.

Отметим, что в словарь Ожегова, Шведовой «вошло большое количество новых значений и устойчивых сочетаний, отражающих активные процессы в современной русской лексике и фразеологии; <...> те изменения, которые происходят в русской лексике в последние годы. Естественно, что это касается прежде всего изменений в общелитературном языке <...> жаргонизмы, явные слова-однодневки, кальки, имеющие равнозначные русские эквиваленты, так же, как и многие иноязычные слова <...> в словарь включались с большой осторожностью: они ещё должны пройти проверку временем» (Толковый словарь русского языка 2013, с. 4).

В предисловии к словарю Кузнецова отмечается, что его словник отражает лексический состав русского языка, который сложился к концу нынешнего столетия. «В Словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык на протяжении всего 20 века» (Большой толковый словарь русского языка 2006, с. 3). Подчёркивается, что основным критерием для включения слова в состав данного словаря является его фактическое использование в художественных текстах, научно-популярных, публицистических и периодических изданиях, устной речи. Так, в него включены не только общеупотребительные слова, но и «слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее» (Большой толковый словарь русского языка 2006, с. 3).

Принимая во внимание данный факт, становится понятным (в какой-то степени даже закономерным) наличие в словаре Кузнецова тематических групп, которые отсутствуют в словаре Ожегова, Шведовой: **Наименования классных руководителей** и **Одежда и атрибуты**. В их состав входят 4 и 3 лексических единицы соответственно. Интересным является тот факт, что к тематической группе **Наименования классных руководителей** по данным словаря Кузнецова нами были отнесены 6 лексических единиц (*Классная дама* – в России до 1917 г.: воспитательница в средних женских учебных заведениях, закреплённая за определённым классом; *Классная* – Разг. классный руководитель (о женщине); *Классный наставник* – в России до 1917 г.: классный воспитатель в гимназии, реальном училище; *Классный руководитель*; лишь одна из которых зафиксирована в словаре Ожегова, Шведовой (*Классная дама* - надзирательница в женском учебном заведении), причём с другим значением, в связи с чем мы были вынуждены отнести её к другой тематической группе – **Наименования отдельных работников в сфере образования**. Предполагаем, это может быть связано с тем, что в словаре Кузнецова «значительные пласты лексики <...> получили более точные толкования, лишённые идеологической нагрузки» (Большой толковый словарь русского языка 2006, с. 3). Данное предположение подтверждается не только словами Н. Шведовой о том, что ранние издания данного словаря зависели «...от навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий, <...> от которых ни авторы, ни редактор не в силах были освободиться» (Толковый словарь русского языка 2013, с. 4), но и наличием в словаре Кузнецова тематической группы **Одежда и атрибуты**, о которой уже упоминалось выше. Все лексические единицы, отнесённые нами к названной группе, отсутствуют в словаре Ожегова, Шведовой (*Пионерский галстук* – в СССР: обязательная принадлежность пионерской формы в виде красной косынки, завязываемой спереди узлом; *Красный галстук* – В СССР: обязательная принадлежность пионерской

формы в виде красной косынки, завязываемой спереди узлом; *Спортивки* – *Разг.* лёгкие туфли для занятий спортом).

Таким образом, всего по материалам исследования в словаре Ожегова, Шведовой насчитывается 30 тематических групп, относящихся к педагогической лексике, а в словаре Кузнецова – 32.

Опираясь на результаты исследования, можно сделать вывод о том, что в обоих словарях самыми многочисленными являются тематические группы ***Образовательные, воспитательные и педагогические процессы; Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом*** и ***Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения***, но их количественный состав различен. Так, больше всего лексических единиц и в словаре Ожегова, Шведовой, и в словаре Кузнецова относится к тематической группе ***Образовательные, воспитательные и педагогические процессы*** (242 и 278 соответственно). На втором и третьем месте по количественному составу по данным словаря Ожегова, Шведовой стоят тематические группы ***Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом*** и ***Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения*** (104 и 93 лексемы соответственно). В словаре Кузнецова второе и третье место по количественному составу занимают эти же группы, однако в этом словаре большее количество лексем (134) отмечено в группе ***Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения***, в то время как группа ***Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом*** находится на 3 месте (97 лексем).

Осветим ещё один любопытный факт. После анализа словаря Ожегова, Шведовой лишь 6 лексем были отнесены нами к тематической группе ***Наименования учебных предметов и дисциплин*** (*Введение в языкознание; Природоведение; Труд 5¹; Черчение 2; Чистописание*). Анализ данных словаря Кузнецова позволил выделить 29 лексических единиц аналогичной группы (*Биология 1; Ботаника 1; География 1; Геометрия; Зарубежка 1; История 3; Математика; Политэкономия 2; Природоведение 1; Словесность 2; Сольфеджио 2; Тактика 1; Театроведение; Терапия 2; Термодинамика 1; Технология 2; Тифлопедагогика; Товароведение; Труд 5; Физика 1; Физра; Француз 4; Французенка 4; Химия 1; Хирургия 1; Черчение 2; Чистописание; Языкознание 2*). Большинство данных лексем являются разговорными, о чём свидетельствует наличие соответствующей пометы. Подобная разница в количественном составе названной тематической группы в исследуемых словарях может быть связана с тем, что в словаре Кузнецова «кроме

¹ Цифра после лексемы означает порядковый номер значения в использованных лексикографических источниках. Если цифра не указана – лексема однозначна.

общеупотребительных слов приведена основная терминология современной науки и техники, а также слова, обозначающие явления и реалии <...> культурной и общественной жизни русского народа; <...> слова, вошедшие в русский литературный язык в течение последнего десятилетия; <...> слова, остававшиеся до недавнего времени на границе отдалённой периферии литературного языка (сниженная, жаргонная и бранная лексика» (Большой толковый словарь русского языка 2006, с. 3). Добавим, что выделенные лексические единицы тематической группы **Наименования учебных предметов и дисциплин** в словаре Ожегова, Шведовой в необходимом нам значении фиксируются как самостоятельные значения, в то время как в словаре Кузнецова приводятся как оттенок значения при обозначении смыслового варьирования, не выходящего за пределы приведённого значения. Реформы в сфере образования конца 20 – начала 21 веков, введение новых учебных предметов и дисциплин, обязательных для изучения в школе и/или в вузе, в свою очередь, способствовали пополнению словарного состава рассматриваемой тематической группы.

Эти же факторы обусловили разнообразие лексических единиц, входящих в состав тематической группы **Учебники и учебно-дидактические средства, методы, материалы**. В словаре Кузнецова встречаются 52 соответствующих единицы, в то время как в словаре Ожегова, Шведовой в два раза меньше – лишь 26. Появление новых образовательных технологий, возросший интерес к классическим, давно известным, отработанным методикам и методам обучения, а также попытки их модернизации, трансформации к новым реалиям современной жизни и нынешним потребностям общества не могли не найти своё отражение в языке. Всё это привело к появлению (с последующей фиксацией в лексикографическом источнике) новых лексических единиц, к переработке, уточнению уже известных толкований.

На наш взгляд, разница в количественном составе тематической группы **Учебники и учебно-дидактические средства, методы, материалы** может быть связана с тем, что составители словаря Кузнецова стремились найти оригинальные способы подробного лексикографического описания, не теряя при этом последовательности толкования не только основных значений, но и устойчивых сочетаний слов и фразеологизмов (Большой толковый словарь русского языка 2006, с. 3).

Похожая ситуация наблюдается при рассмотрении тематической группы **Преподавательские должности, лица в этих должностях, их деятельность, учёные звания и степени**. По данным словаря Ожегова, Шведовой к ней относится 14 лексических единиц, а по данным словаря Кузнецова – 41.

Остальные тематические группы представлены в обоих словарях по количеству входящих в них лексических единиц достаточно равномерно.

Отметим, что всё вышеперечисленное требует дальнейшего, более глубокого осмысления и описания. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение педагогической лексики является достаточно перспективным направлением, поскольку лексика именно этой сферы очень чутко реагирует не только на потребности общества, но и на политические, экономические, социальные и культурные процессы.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2006.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013.
3. Селезнева К.О. Использование метода сплошной выборки при изучении тематической группы **Образование** (на материале Толкового словаря русского языка) // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. – Вып. 28. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2022.
4. Селезнева К.О. Метод сплошной выборки при работе с лексико-семантической группой // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 июня 2014 г. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014.
5. Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексемы **Образование** (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – №4. – 2021.
6. Селезнева К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. – №3. – 2019.
7. Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) // Социальные и гуманитарные знания. – Том 7 – №2 (26) – Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, 2021.
8. Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в словарях устаревших слов // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы II Международной научно-практической конференции Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». – Москва, 2021.
9. Селезнева К.О. Тематическая группа **Образование** в толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова // Социальные и гуманитарные знания. – Том 8 – №3 (31) – Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, 2022.

**Контрастивный анализ русских и английских
наименований лиц, готовящихся вступить
в семейные отношения**

Аннотация: В статье проводится контрастивный анализ русских и английских наименований лиц, готовящихся вступить в семейные отношения.

Ключевые слова: контрастивный анализ, индекс, переводное соответствие, национальная специфика.

Abstract: The paper provides a contrastive analysis of Russian and English names of persons preparing to enter into family relations.

Key words: contrastive analysis, index, translation correspondence, national peculiarity.

Целью данного исследования является контрастивный анализ в русском и английском языках группы лиц, готовящихся вступить в семейные отношения.

Исследование было проведено методом сплошной выборки из русско-английских и толковых словарей русского и английского языка (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Частотный словарь русского языка С.А. Шарова, Новый большой англо-русский словарь под редакцией Ю.Д. Апресяна, Longman Dictionary of English Language and Culture, Collins COBUILD English Dictionary, Cambridge International Dictionary of English).

Анализ словарных статей показал, что в группу наименований лиц, готовящихся вступить в семейные отношения, в русском языке вошло 7 лексических единиц (*жених, невеста, наречённый, наречённая, суженая, суженый, ухажер*), а в английском – 12 лексем (*betroted, bride, bride-to-be, bridegroom, bridezilla, fiancée, Gl bride, husband-to-be, intended, wife-to-be, war bride, wooer*). В общей сложности количество контрастивных пар в данной группе составило 23 пары.

Для анализа контрастивных пар нами были использованы следующие формализованные параметры, введенные Л.В. Лукиной:

индекс денотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс коннотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс функциональной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

интегральный индекс идентичности лексем – среднее арифметическое индексов денотативной, индексов денотативной, коннотативной и

функциональной идентичности. (Лукина 2008). В случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае частичного совпадения семы – 0,5. Данные индексы вычисляются в процентах (Лукина 2008).

Нами был использован также *индекс множественности соответствий*, под которым вслед за Лукиной мы понимаем количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка (Лукина 2008).

Исследование показало, что количество векторных соответствий в рассматриваемой группе колеблется от 0 до 6.

Наибольшее количество соответствий в английском языке было выявлено для русской лексемы **невеста** (6): *betrothed, bride, bride-to-be, fiancée, intended, wife-to-be*. Две лексемы русского языка имеют по четыре соответствия в английском языке (**жених**: *bridegroom, fiancée, intended, husband-to-be*; **суженая**: *betrothed, bride-to-be, intended, wife-to-be*). Две лексемы данной группы имеют три векторных соответствия (**суженый**: *betrothed, intended, husband-to-be*; **наречённая**: *betrothed, bride-to-be, intended*). 2 соответствия имеет лексема **наречённый** (*betrothed, intended*) и одно соответствие в английском языке имеет лексема **ухажер** (*wooer*).

Три лексемы английского языка: **bridezilla** «Лицо, женского пола, имеющее жениха, отличающееся капризным поведением, претендующее на тотальный контроль всего процесса подготовки к свадьбе», **GL bride** «Лицо, женского пола из Великобритании, вышедшее во время Второй мировой войны замуж за военнослужащего США, дислоцированного в Великобритании» и **war bride** «Лицо, женского пола, девушка или женщина, вышедшая замуж за представителя вооруженных сил другой страны во время войны» оказались относительно русского языка безэквивалентными, т.е. в русском языке лакунарными.

Чтобы определить тип переводного соответствия лексем рассматриваемой группы нами была использована разработанная Д.В. Козельской шкала, согласно которой выделяется 6 категорий возможных переводных соответствий. Так, при значении интегрального индекса идентичности 100% соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76% до 99% – оптимальным, от 51% до 75% – подходящим, от 26% до 50% – приемлемым. При значении индекса меньше 25% соответствия признаются неподходящими. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия (Козельская, Стернина 2018, с. 3 – 4).

Как показал анализ исследуемой группы, в ней выявляются оптимальные и подходящие соответствия.

В качестве примера оптимального соответствия приведем контрастивную пару *женых – bridegroom*.

Жених - Bridegroom

• Лицо	• Лицо
• мужского пола	• мужского пола
• холостое	• холостое
• достигшее брачного возраста	• 0
• имеющее невесту	• имеющее невесту
• собирающееся жениться или недавно женившееся	• собирающееся жениться или недавно женившееся
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>малоупотребительное</i>	• <i>малоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 100%, индекс функциональной идентичности – 100%. Интегральный индекс идентичности рассматриваемых лексем – 94%.

В качестве примера подходящего соответствия приведем контрастивную пару *ухажер – wooer*:

Ухажер - Wooer

• Лицо	• Лицо
• мужского пола	• мужского пола
• ухаживающее за женщиной или девушкой	• ухаживающее за женщиной или девушкой
• Влюбленное в нее	• С целью вступить с ней в брак
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>устаревшее</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>американское</i>
• <i>малоупотребительное</i>	• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 75%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 40%. Интегральный индекс идентичности рассматриваемых лексем – 71%.

В целом в исследованной группе выявлено 7 оптимальных, 16 подходящих соответствий, а также 3 лакуны, что свидетельствует о выраженной национальной специфике исследуемых лексем.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.

С.Н. Черникова

Национальная специфика фразеологизации наименований *деревьев* в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена выявлению степени выраженности национальной специфики фразеологизации наименований *деревьев* в русском и английском языках. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием формализованных параметров.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, лексема, фразеологизм, эндемичный источник фразеологизации, семантический признак, одноименный семантический признак, эндемичный семантический признак, индексализация, шкалирование.

Abstract: The paper considers the national specificity of the Russian and English phraseological units including the *tree* component. The research is done on the basis of the comparative-parametric method using some formalized parameters.

Key words: national specificity, lexeme, phraseological unit, endemic source of idiom formation, semantic feature, common semantic feature, endemic semantic feature, comparative-parametric method, indexing, scaling.

На основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014, Стернина, Стернин 2021) нами была предпринята попытка определить степень проявления национальной специфики фразеологизмов, включающих наименования *деревьев* в русском и английском языках.

Фразеологические единицы, содержащие наименования *деревьев*, были извлечены методом сплошной выборки из отечественных и зарубежных фразеографических источников. В целом нами было рассмотрено фразеологическое развитие 11 наименований *деревьев*: шести лексем в русском языке: *дерево* (*древо*), *дуб*, *елка* (*елочка*), *липка*, *пальма*, *сосна* (*сосенка*) и пяти лексем в английском: *laurel*, *mahogany*, *oak*, *tree*, *willow*. Данные лексемы входят в состав 45 фразеологических единиц: 18 фразеологизмов в русском языке и 27 – в английском. Как видим, группа

наименований *деревьев* в английском языке характеризуется большей фразеологической продуктивностью по сравнению с русским языком.

При сравнении наименований *деревьев* нами были определены эндемичные источники фразеологизации (Черникова 2016, с. 9). В русском языке нами было зафиксировано 4 эндемичных источника фразеологизации: *елка* (*елочка*), *липка*, *пальма*, *сосна* (*сосенка*). В английском языке было выявлено 3 эндемичных источника фразеологизации: *laurel*, *mahogany*, *willow*.

В процессе рассмотрения фразеологического развития наименований *деревьев* нами были выделены семантические признаки, релевантные для фразеологического переноса в русском и английском языках. В русском языке было выявлено десять семантических признаков: **плодоношение** (*вкушать/вкусить от древа познания добра и зла*), **высота** (*пальма первенства*), **ветвистость** (родословное *дерево/ древо*), **преграда** (за *деревьями* не видеть леса), **твердость** (как *дуб*), **материал** (под *дуб* отделать/выкрасить), **символ** (новогодняя/ рождественская *ёлка*), **форма** (подниматься/взбираться *ёлочкой*), **манера произрастания** (заблудиться в трех *соснах*), **наличие коры** (обдирать как *липку*).

В английском языке количество семантических признаков, релевантных для фразеологического переноса рассматриваемых лексем, равно одиннадцати: **плодоношение** (*as the tree, so the fruit*), **высота** (*go climb a tree!*), **особенность строения** (*put not your hand between the bark and the tree*), **развитие растения** (*every oak has been acorn*), **ветвистость** (*family tree*), **внешний вид** (*you cannot judge of a tree by its bark*), **укрытие** (*bark the wrong tree*), **наличие корневой системы** (*pull up trees*), **твердость** (*a heart of oak*), **материал** (*sport one's oak*), **символ** (*wear the green willow*).

В русском языке два семантических признака оказались релевантными для фразеологизации нескольких лексем рассмотренной группы. Так, признак **высота** оказался значимым для фразеологизации трех лексем группы наименований *деревьев*: *дуб*, *пальма* и *дерево*. Признак **плодоношение** оказался релевантным для фразеологического развития двух лексем рассматриваемой группы: *дерево* и *сосна*. Количество семантических признаков, существенных для фразеологического переосмысления нескольких лексем наименований *деревьев* в английском языке, составило три. Так, семантический признак **символ** оказался значимым для фразеологического переосмысления двух лексем – *willow* и *laurel*, признак **развитие растения** является значимым для фразеологического развития лексем *oak* и *tree*, а признак **материал** – лексем *mahogany* и *oak*.

Как показало исследование, наиболее продуктивным семантическим признаком фразеологизации наименований *деревьев* в русском языке оказался семантический признак **высота**. Так, данный семантический признак является основой фразеологического развития трех лексем

(*дерево/древо, дуб, пальма*), входящих в состав пяти фразеологических единиц. В английском языке наиболее продуктивным семантическим признаком является признак **плодоношение**. Данный признак оказался релевантным для фразеологизации лексемы *tree*, образующей 8 фразеологизмов.

Проведенное исследование показало, что в основе фразеологического переноса лексем могут быть как *одноименные*, так и *эндемичные* семантические признаки (Портнихина 2011, с.6). Общее число *одноименных* семантических признаков составляет шесть: **плодоношение, высота, ветвистость, твердость, материал и символ**. Общее число эндемичных семантических признаков в русском языке составило четыре: **преграда, форма, манера произрастания и наличие коры**. Количество эндемичных семантических признаков в английском языке – пять: **особенность строения, развитие растения, внешний вид, укрытие и наличие корневой системы**.

Для определения характера национально-специфических различий фразеологического развития наименований *деревьев* в русском и английском языках нами в рамках сопоставительно-параметрического метода был применен алгоритм, предусматривающий два этапа: этап **индексализации** и этап **шкалирования** (Стернин, Стернина 2016, с.22-29).

На этапе индексализации использовались уже введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований формализованные параметры, позволяющие количественно охарактеризовать фразеологизацию лексем. В общей сложности было задействовано шесть формализованных параметров: *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* (Портнихина 2011, с.8), *индекс эндемичности источников фразеологизации* (Черникова 2016, с.9), *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* (Черникова 2013, с.94); *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Черникова 2013, с. 93); *средний индекс продуктивности семантического признака* (Черникова 2013, с. 94), *относительная фразеологическая плотность* (Черникова 2014, с. 86).

На этапе шкалирования с помощью *шкалы оценки степени проявления национальной специфики лексики* (Колтакова 2008, Деркач 2011), согласно которой в зависимости от расхождений в показателях индексов национально-специфические различия могут быть охарактеризованы как **несущественные, видимые, заметные, существенные, гиперсущественные и сверхгиперсущественные** и *шкалы степени выраженности национальной специфики лексической группировки* (Колтакова 2008, Деркач 2013, Черникова 2016, Вострикова 2018), позволяющей охарактеризовать степень выраженности национальной специфики как **неярко выраженную, умеренно выраженную, ярко**

выраженную и *гипервыраженную*, была осуществлена интерпретация полученных количественных результатов.

Для общего вывода о степени выраженности национальной специфики оказались релевантными четыре использованных нами индекса (вычисляемые в процентах), а также показатель *относительной фразеологической плотности* (вычисляемый в абсолютных числах). Значение *относительной фразеологической плотности* для данной группы составило 1,5, что указывает на **существенные** национально-специфические различия по данному параметру. Характер национально-специфических различий по остальным параметрам представлен ниже в таблице.

Параметр	Русский язык	Английский язык	Разница в показателях параметров	Характер национально-специфических различий
<i>Средний индекс продуктивности семантического признака</i>	56 %	41 %	15 %	существенные
<i>Средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков</i>	7,4%	6,4%	1,0%	видимые
<i>Средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков</i>	4,4%	2,5%	1,9%	видимые
<i>Индекс эндемичности источников фразеологизации</i>	69 %	64 %	5%	заметные

В целом из пяти использованных нами формализованных параметров по двум (*средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* и *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*) были зафиксированы **видимые** национально-специфические различия, по двум (*относительная фразеологическая плотность* и *средний индекс продуктивности семантического признака*) – **существенные**, а по одному (*индекс эндемичности источников фразеологизации*) – **заметные**. Согласно шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки, преобладание **существенных** и **видимых** расхождений в показателях сопоставляемых индексов указывает на **умеренно выраженную** национальную специфику.

Таким образом, национальная специфика фразеологизации наименований *деревьев* в русском и английском языках может быть охарактеризована как *умеренно выраженная*.

Литература

1. Вострикова И. Ю. Особенности проявления национальной специфики миниग्रупп «Трудовая деятельность, направленная на разрушение» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2018. – Воронеж: изд-во «РИТМ», 2018. – С. 19-22.
2. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
5. Стернин И.А., Стернина М.А. Методики индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 22-29.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.
7. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Монография. – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021.
8. Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 86-95.
9. Черникова С.Н. К вопросу об определении национальной специфики фразеологизмов в русском и английском языках // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – №3 – Воронеж, 2014. – С. 86-89.
10. Черникова С.Н. Национальная специфика фразеологической картины мира (на материале наименований компонентов природного ландшафта в русской и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016.

К.М. Шилихина

Корпусные данные во внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении (на примере дискурсивов «собственно» и «собственно говоря»)

Аннотация: Предлагаемое исследование, проведенное по данным Национального корпуса русского языка, посвящено функционированию двух близких по составу и семантике дискурсивных маркеров – *собственно* и *собственно говоря*. Цель исследования – сопоставить функционирование данных дискурсивов в устной и письменной речи, с одной стороны, и в переводах, с другой, и выявить их основные дискурсивные функции.

Ключевые слова: языковой корпус, лексическая сочетаемость, n-грамм, частотность, переводной эквивалент, словарная дефиниция.

Abstract: The proposed study, based on the data of the National Corpus of the Russian Language, is devoted to functioning of two discursive markers that are similar in composition and semantics – *sobstvenno* and *sobstvenno govorya*. The purpose of the study is to compare functioning of these discourse markers in oral and written speech, on the one hand, and in translations, on the other, and to identify their main discursive functions.

Key words: language corpus, collocation, n-gram, frequency, translation equivalent, dictionary definition.

Важность выбора источника данных для сопоставительного лингвистического анализа очевидна – во многом именно от источника зависит конечный результат исследования. Традиционно компаративные исследования опираются на словари и грамматики, а также переводные тексты в их сопоставлении с оригиналами (Стернин 2007). В последние десятилетия важным источником данных, которые могут использоваться для сравнения языков, стали корпуса, которые позволяют лингвистам значительно увеличивать объем эмпирических данных и наблюдать за «поведением» языковых единиц как в синхронном, так и в диахроническом плане.

В данном исследовании возможности использования языкового корпуса для внутриязыкового и межъязыкового сопоставления рассматриваются на примере слова *собственно* и конструкции *собственно говоря*, которые уже становились предметами лингвистического анализа (Мультимедийный словарь прагматических маркеров, Русская грамматика 2005). Лексикографическое описание семантики и грамматического поведения двух интересующих нас языковых единиц будет кратко представлено в следующем разделе статьи.

1. Словарные толкования слова *собственно* и словосочетания *собственно говоря*

Наш анализ начнем с обращения к словарным дефинициям слова *собственно*. Большой толковый словарь русского языка предлагает следующую дефиницию:

СОБСТВЕННО. I. Вводн. сл. в сущности, по существу. *А что вам, с., здесь нужно? Я, с., и не спорю!* II. Частица. 1. В собственном, буквальном смысле слова. *Волжскую систему составляют с. Волга и её притоки. Кухня была поделена пополам: с. Кухня и столовая.* / (с сущ., обозначающим одновременно родовое и видовое название животных). Употр. для обозначения принадлежности к этому самому виду животных. *С. Лошадь. С. Утиные. С. Ящерицы.* 2. Именно, только, непосредственно. *Скажу ещё несколько слов собственно Вам.* <> Собственно говоря, вводн. сл. = Собственно (1 зн.). *Собственно говоря, я даже не знаю, как его зовут. Собственно говоря, давно пора заканчивать работу* (Большой толковый словарь русского языка 2000).

Конструкция *собственно говоря* вынесена в ромбовую зону дефиниции и классифицируется как вводное слово, соотносимое с первым значением слова *собственно*.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова предлагает другой вариант толкования, выделяя три значения:

СОБСТВЕННО.

1. *нареч.* Только в выражении: *собственно говоря* (которое употр. как вводное слово) – говоря точнее, в сущности, по существу.

2. *вводное слово.* То же, что *собственного говоря*. «Он, *собственно*, торговлю бросил и занимается банковыми операциями.» А. Тургенев.

3. *частица.* Именно, точно, в собственном смысле слова. *Территорию Китайской республики составляют собственно Китай, Тибет и др. области* (Толковый словарь русского языка, электронный ресурс).

Дефиниция объединяет *собственно* и *собственно говоря* в первых двух значениях и классифицирует их либо как наречие, либо как вводное слово. Только в этом словаре слово *собственно* описывается как наречие, однако интересно, что для этого значения в словарной статье нет примеров употребления. Что касается других выделяемых значений, несколько забегаю вперед, скажем, что такое разделение отражает этапы прагматикализации слова *собственно* и конструкции *собственно говоря*, которые со временем приобрели функцию дискурсивных маркеров.

Малый академический словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой описывает слово *собственно* как вводное, выделяя при этом конструкцию *собственно говоря* в отдельное значение, и как выделительно-ограничительную частицу:

собственно

1. *вводн. сл.*

В сущности, по существу.

– А вы, молодой человек, чем же больны? — Я, *собственно*, ничем не болен. Вересаев, В юные годы.

| В сочетании со словом «говоря».

Собственно говоря, литература ее не слишком занимала. Тургенев, Дворянское гнездо.

2. *в знач. ограничительной частицы.*

В собственном, буквальном смысле слова.

Когда работа над авторским текстом литературного сценария закончена, начинается первый этап собственно режиссерской работы – создание режиссерского сценария. С. Герасимов, Жизнь, фильмы, споры.

3. *выделительно-ограничительная частица.*

Именно, только, непосредственно.

– Евгений Константиныч! Скажу еще несколько слов *собственно* вам. Мамин-Сибиряк, Горное гнездо (Словарь русского языка 1999).

Анализ дефиниций позволяет говорить о том, что лексикографы единодушно фиксируют у слова *собственно* как полнозначное употребление, так и употребление в функции вводного слова, и это позволяет говорить о том, что носители русского языка употребляют его преимущественно как дискурсивный (прагматический) маркер. Что касается словосочетания *собственно говоря*, то в словарях оно описывается исключительно как вводная конструкция, выполняющая в высказывании регулирующую функцию. Такое употребление связано с потребностью говорящего регулировать дискурс и управлять вниманием адресата.

Исследователи, работающие с корпусными данными, относят *собственно* и *собственно говоря* к дискурсивным единицам (см., например, словарную статью для *собственно* в Мультимедийном словаре прагматических маркеров, где анализ проводится на основе данных корпуса устной речи «Один речевой день»). Авторы этого словаря выделяют две функции *собственно* и *собственно говоря*: хезитатив и разграничительный маркер (Мультимедийный словарь).

Что касается грамматического «поведения» слова *собственно*, то «Русская грамматика», наряду с его употреблением в качестве вводного слова, описывает еще одно значение: *собственно* включено в группу слов с так называемым «квалифицирующим лексическим значением», и в предложении эти слова выступают как аналоги союзов (Русская грамматика, 2005).

Проблема описания слов, подобных *собственно*, в грамматиках и словарях заключается в том, что авторы опираются преимущественно на собственную интуицию и ограниченное количество примеров. В результате остается неясным, какое именно квалифицирующее значение несет данная единица в высказывании, выполняет ли она одинаковые функции в устном и письменном дискурсе (например, хорошо известно, что хезитативы характерны только для устной речи) и т.д. В данном исследовании мы проведем корпусное внутриязыковое и межъязыковое сопоставление функционирования слова *собственно* и конструкции *собственно говоря*, чтобы описать их функции в разных режимах коммуникации.

2. Внутриязыковое сопоставление функционирования дискурсивных маркеров *собственно* и *собственно говоря*

Как правило, для описания дискурсивных единиц лингвисты используют конкордансы, извлеченные из различных корпусов (см., например, Путеводитель по дискурсивным словам 1999). Однако сопоставление «поведения» дискурсивных маркеров в разных типах текстов или в разных модусах коммуникации осуществляется нечасто. НКРЯ позволяет провести внутриязыковое сопоставление функционирования дискурсивов *собственно* и *собственно говоря* на основе данных различных

подкорпусов. В нашем исследовании были использованы данные основного подкорпуса, позволяющего получить наиболее общую картину, газетного подкорпуса, который позволяет судить о том, как интересующие нас дискурсивы используются в СМИ, и устного подкорпуса. Поскольку названные подкорпуса имеют разный объем, наше сопоставление мы будем проводить не только в абсолютных, но и в относительных величинах.

Основной подкорпус

В основном подкорпусе слово *собственно* встретилось 30170 раз. Средняя относительная частота употребления *собственно* в основном подкорпусе составляет 80,46 вхождений на 1 млн. словоупотреблений, при этом важно, что значительных колебаний в относительной частоте употребления с начала 18-го века и до наших дней не наблюдается. *Собственно* употребляется преимущественно в публицистических текстах (12024 вхождения) и в художественной литературе (10530 вхождений). Далее следуют учебно-научные тексты (4847 вхождений) и бытовая коммуникация (2033 вхождения). Что касается типов текстов, в которых встречается слово *собственно*, то чаще других оно встречается в романах, статьях, монографиях, мемуарах, дневниковых записях и повестях. Тематика текстов – политика и общественная жизнь, наука и технологии, искусство и культура, а также частная жизнь.

Слово *собственно* активно функционирует в письменной речи, однако возникает вопрос, с какой целью авторы используют его в текстах? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо отделить случаи однозначного использования *собственно* от дискурсивных употреблений. Здесь нам поможет анализ лексической сочетаемости: при однозначном употреблении справа от слова *собственно* идет именная группа:

*Каждый эпизод состоит из пролога встречи, собственно текста встречи и эпилога*².

Ещё до начала собственно исследования, по предложению Д.Б. Эльконина была проведена серьёзная предварительная работа по знакомству с семьями учащихся, с их родителями, с условиями их жизни, а также получены характеристики детей от учителей младших классов (поскольку изучаемый V класс был сформирован из двух IV).

В таких контекстах слово *собственно* синонимично слову *непосредственно*, а его основная функция – указание на конкретный объект (что в определенной степени похоже на функционирование определенного артикля в артиклевых языках).

В случаях дискурсивного употребления слово *собственно* может быть выделено запятыми (однако это не всегда наблюдается в компьютерно-опосредованной коммуникации), а его позиция в высказывании –

² Здесь и далее все примеры приводятся из Национального корпуса русского языка.

«разрывная»: маркер как бы вклинивается в синтаксическую группу, разделяя синтаксически связанные друг с другом элементы этой группы:

Подруга пишет, что мама снова звонила и интересовалась, какие у меня отношения с Андреем и кто он собственно такой.

В чём, собственно, заключена информативность сообщения: в его носителе, в содержащихся в нём сведениях или привносимых им изменениях, воспринимаемых не только человеком, но и автоматом?

Знаю, о чём подумали: вот и он "ребёнок, неизбежный, как убийца в детективе", и мораль, и тяжкий момент выбора, которого в таких случаях, собственно, нет.

Ну это ж, собственно, классическая функция бабушки – всепрощающая любовь и доброта:-) А воспитанием пусть родители занимаются.

Можно было бы ожидать, что в письменной коммуникации слово *собственно* будет избыточным, однако оно используется как сигнал того, что за ним следует важная с точки зрения пишущего, информация. Поэтому можно говорить о том, что в письменной коммуникации его функция – фокусировать внимание адресата на определенном фрагменте высказывания.

Еще один немаловажный аспект корпусного анализа – это исследование лексической сочетаемости и использования слова *собственно* в конструкциях. Среди наиболее частотных 5-граммов – *а в чем собственно дело, вот собственно и все что, ни к кому собственно не, вот собственно и вся история, в этом собственно и состоит*. Интересно, что конструкция *собственно говоря* оказывается не самой частотной и впервые появляется в списке 5-граммов только на 11 позиции.

Использование *собственно* в таких конструкциях связано с выражением личного мнения или подведением итога сказанному:

Да, мужчины вырождаются, нет уже и джентльменов, и рыцарей стало меньше, да и богатырей поубавилось... Ну а что вы собственно хотите? После того что происходило со страной и мужчинами в частности в течении XX века и в 90-х годах – нет ничего удивительного...

Конструкция *собственно говоря* встречается в основном подкорпусе 3333 раза. До 1850-х гг. она практически не употреблялась, а далее ее относительная частота колебалась в пределах от 5 до 17 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Как и слово *собственно*, конструкция *собственно говоря* чаще всего употребляется в художественных и публицистических текстах. Тематика текстов, где чаще всего авторы используют конструкцию *собственно говоря* – политика и общественная жизнь, искусство и культура, а также частная жизнь.

С точки зрения позиции в высказывании, конструкция *собственно говоря* может находиться в начале высказывания или внутри

синтаксической группы, разрывая ее так же, как это делает слово *собственно*.

***Собственно говоря**, частная инициатива в этом деле существовала испокон веков.*

Наиболее частотные 5-граммы – *вот собственно говоря и все, собственно говоря это и есть, собственно говоря это была не, а в чем собственно говоря, а что вы собственно говоря, собственно говоря можно было бы, собственно говоря я даже не.*

*А в чем, **собственно говоря**, должна состоять эта поддержка?*

*Вот, **собственно говоря**, и все мои «претензии» к основному тексту прекрасной книги А. Розанова.*

Проведенный анализ позволяет выделить два типа контекстов: риторический вопросы и обобщение сказанного ранее.

Газетный подкорпус

Газетный подкорпус содержит 29135 вхождений слова *собственно*, из них 2161 раз это слово употребляется в конструкции *собственно говоря*. Средняя относительная частота употребления слова *собственно* – 38 вхождений на 1 млн. словоформ.

*Кроме того, по мнению экспертов, новый КоАП не защищён от случайных изменений, на чём, **собственно**, и «погорел» старый КоАП.*

*«Приём заявлений начнётся, мы планируем, где-то в середине июля, точная дата будет определена, когда у нас, **собственно**, выйдет постановление.*

С точки зрения основной семантики высказывания, выражаемой пропозицией, слово *собственно* является избыточным. Однако прагматически оно обращает внимание читателя на ту часть высказывания, которая следует непосредственно за дискурсивным маркером, поэтому можно говорить о том, что основной функцией дискурсива *собственно* является выделение новой / важной информации.

Конструкция *собственно говоря* употребляется в газетном подкорпусе преимущественно в контекстах с прямой речью, что позволяет говорить о том, что эта конструкция тяготеет к устному модусу коммуникации:

***Собственно говоря**, такая высокая температура, то есть температура выше + 25 градусов, не является таким уж исключением для Москвы в конце второй декады мая», — отметила она.*

Конструкция *собственно говоря* позволяет говорящему описывать ситуацию как реальную и делать описание этой ситуации более объективным. В таких контекстах *собственно говоря* синонимично дискурсивному маркеру *на самом деле*.

Устный подкорпус

Конкорданс устного подкорпуса НКРЯ содержит 2951 вхождение слова *собственно*, из них 732 раза это слово используется в конструкции *собственно говоря*. Устный подкорпус демонстрирует рост относительной

частоты употребления словоформы *собственно* начиная с 1960-х гг. со 100 до 300 употреблений на 1 млн. словоформ. Однако для конструкции *собственно говоря* ситуация обстоит по-другому: на протяжении последних 60 лет ее относительная частота в устной речи остается стабильной – около 55 вхождений на 1 млн. словоформ.

В устной речи *собственно* и *собственно говоря* – это преимущественно дискурсивные маркеры, которые позволяют говорящему акцентировать внимание слушающего на наиболее важных фрагментах высказывания, а также повышать объективность сообщаемой информации:

Ведь тогда уже логичность такого пути достаточно ясна/ раз дело нужное/ у меня оно идёт лучше/ чем у других/ надо им заниматься. Собственно говоря/ именно так было.

И ещё/ как бы/ собственно/ наш флейтист/ с которым мы играли двенадцать лет/ он отсюда.

Таким образом, к выделенным ранее функциям хезитатива и разграничительного маркера рассматриваемых единиц можно добавить функцию повышения объективности сообщаемой информации и функцию привлечения внимания адресата к важным фрагментам высказывания.

3. Межъязыковое сопоставление функционирования дискурсивных маркеров *собственно* и *собственно говоря* по данным параллельного подкорпуса НКРЯ.

Известно, что дискурсивные маркеры ведут себя в разных языках по-разному, а их перевод представляет собой нетривиальную задачу. Мы использовали англо-русские и немецко-русские тексты параллельного подкорпуса НКРЯ, чтобы посмотреть на вариативность переводных эквивалентов.

Англо-русский подкорпус фиксирует 1261 вхождение слова *собственно*, из них 185 раз – в конструкции *собственно говоря*. Корпус также показывает достаточно высокую вариативность английских дискурсивов, для которых *собственно* служит переводным эквивалентом. Чаше других в английских текстах встречаются *actually* и *in fact*, реже – *really*, *exactly*, *for that matter*, *in effect*:

Jimmy Doolittle, hero of the eponymous "Doolittle Raid" of World War II, actually conducted some of the earliest studies of pilots in their cockpits.

Джимми Дулиттл, герой, давший свое имя «Рейду Дулиттла» во время Второй мировой войны, собственно говоря, провел одно из самых первых исследований поведения пилотов в кабине самолета.

I glanced down at my leather pants and fitted blazer and figured that if she had no problem with it — and I certainly would've heard if she had — then what did it really matter?

Я взглянула на свои кожаные брюки и приталенный пиджак и решила, что, если она не возражает против такой формы одежды (а нет никаких

сомнений, что если бы она возражала, то тут же довела бы это до моего сведения), тогда какая мне, **собственно**, разница.

В корпусе также встречаются случаи появления дискурсива *собственно* в русском переводе при отсутствии какого-либо соответствия в оригинале:

I'm just doing some initial screening for Miranda, and we just happen to be doing it in the office. But that's it.

Я провожу собеседование по просьбе Миранды, и вышло так, что мы с вами встретились в офисе, но это, собственно, и все.

Возникает вопрос, для чего переводчик добавил в текст прагматический компонент, который отсутствует в тексте оригинала? Вариантом объяснения здесь может быть желание переводчика повысить объективность / ассертивность высказывания.

В параллельном немецко-русском подкорпусе слово *собственно* встречается 1610 раз, из них в конструкции *собственно говоря* – 284 раза. Основные переводные эквиваленты – *eigentlich, im Grunde, Tatsächlich, Genaugenommen, denn*, при этом в качестве переводного эквивалента в подавляющем большинстве случаев используется *eigentlich*:

Eigentlich haben wir auch nur aus Protest und purer Bockigkeit mit dem Spielen angefangen, Tante Maddy, Mr Bernhard, Nick und ich.

Мы, собственно, исключительно из протеста и упрямства начали играть – бабушка Мэдди, мистер Бернхард, Ник и я.

“Was passiert denn, wenn Charlotte gar nicht in der Zeit springt”, fragte ich.

– А что, собственно, будет, если Шарлотта вообще не улетит? – спросила я.

В заключение отметим, что использование языковых корпусов в сопоставительном исследовании позволяет отслеживать функционирование языковых единиц в разных типах текстов и делать выводы о семантических и прагматических особенностях слов и конструкций, которые во многом определяются контекстом.

Сопоставление прагматических функций слова *собственно* и конструкции *собственно говоря* в письменных текстах и устной речи показало, что если в устной речи реализуются как хезитативная, так и регламентирующая функция, в письменной речи хезитативная функция не реализуется, поскольку у пишущего всегда есть время на подбор необходимого слова. При этом в письменных текстах слово *собственно* и конструкция *собственно говоря* служат маркерами новой / важной информации в высказывании, а также могут использоваться для «перевода» высказывания из разряда субъективных в более объективные.

При межъязыковом сопоставлении становится очевидна вариативность семантики русских дискурсивов, поскольку, как показал материал, в качестве переводных эквивалентов в английском и немецком языке могут использоваться разнообразные дискурсивные средства, передающие различные оттенки значений.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл.ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
2. Мультимедийный словарь прагматических маркеров. Электронный ресурс. – URL: <https://www.ord-multimedia-dict.com/sobstvenno>
3. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов и др. – Москва: Помовский и партнеры, 1999.
4. Русская грамматика: научные труды. В 2 томах / Н.Ю. Шведова (Гл.ред.). – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. – Москва: Русский язык, 1999.
6. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007.
7. Толковый словарь русского языка /Под ред. Д.Н. Ушакова. Электронный ресурс. – URL: <https://ushakovdictionary.ru>

Раздел 3. Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Л.Г. Попова, Л.Ф. Исаева

Лексикографическая представленность периферии концепта *ВЕРНОСТЬ* посредством синонимов ядерных лексем *DIE TREUE* И *ВЕРНОСТЬ*

Аннотация: В статье осуществляется сопоставительный анализ вербальной репрезентации концепта «верность» в немецком и русском языках. Целью статьи является выявление общих и отличительных периферийных концептуальных признаков верности на материале лексикографических источников.

Ключевые слова и фразы: концепт «верность», немецкий язык, русский язык, словарь, периферия концепта.

Abstract: The paper provides a comparative analysis of the verbal representation of the concept «fidelity» in German and Russian. The aim of the paper is to identify common and distinctive peripheral conceptual signs of fidelity based on the material of dictionaries.

Key words: the concept of «fidelity», German language, Russian language, dictionary, periphery of the concept.

Концепт «верность» является лингвокультурным концептом, так как обладает всеми характеристиками концептов подобного вида, а именно целостностью, ментальной природой, условностью, размытостью, ценностью, изменчивостью (Карасик, Слышкин, 2003). Концепты могут классифицироваться по различным основаниям (Попова, Стернин, 2007). По признаку актуальности концепты относят к ведущим и второстепенным. Концепт «верность» можно отнести к ведущим концептам немецкого и русского языкового сознания, поскольку он

относится к таким, которые широко представлены в фольклоре и художественной литературе.

Целью данного исследования выступает установление сходств и различий репрезентации периферии концепта «верность» на материале лексикографических источников немецкого и русского языков.

В данной работе за основу берется понимание концепта, предложенное В.И. Карасиком, который в структуре концепта различает понятийный, образный и ценностный компоненты (Карасик 2004).

Исследование вербализации концептов при сопоставлении нескольких языков остается одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики (Бирюкова, Попова, 2010; Парфененко, Попова, Нифанова, 2020). Данная статья, как уже отмечалось, посвящается сопоставительному анализу вербализации периферии концепта «верность» в немецком и русском языках.

Целесообразно выяснить периферийные концептуальные признаки верности в немецком языке с опорой на значения синонимов ядерной лексики *die Treue*, имеющие расхождения с семантикой упомянутой ядерной лексики. Это синонимы *die Anhänglichkeit*, *die Adhärenz*, *die Hingabe*, *die Beständigkeit*, *die Gunst*, согласно данным словарей, обладают значениями, имеющими расхождения со значениями ядерной лексики *die Treue*.

Die Anhänglichkeit – engen Kontakt zu jemandem zu halten (Langenscheidts), *anhängliche Haltung* – поддержание тесного контакт с кем-либо, зависимая, привязанная к чему-либо позиция.

Die Adhärenz - *Hingebung*, *Anhänglichkeit* – привязанность.

Die Beständigkeit – *das Beständigsein*, so dass es sich nicht schnell ändert = stabil, beständige Beschaffenheit, beständiges Wesen, Dauerhaftigkeit, Widerstandsfähigkeit; Ausdauer; Beharrungsvermögen, *Treue* – стабильность, постоянство, длительность, способность противостоять, верность.

Die Gunst - wohlwollende, freundlichentgegenkommende Haltung, Geneigtheit; die jemandem als Zeichen oder Ausdruck der Gunst gewährt wird, ein freundliches, wohlwollendes Gefühl, positive Haltung gegenüber j-m, Wohlwollen, freundliche, gnädige Gesinnung, Gönnerschaft; zeichendes Wohlwollens, Gunstbezeugung, Gnade, Bevorzugung, Vorteil, Erlaubnis, Genehmigung – доброжелательная, дружеская позиция к кому-либо, определенная манера поведения, как знак и выражение доброжелательности; дружеское, доброе, позитивное отношение к кому-либо, милость, участие.

Die Hingabe – *der leidenschaftliche Einsatz*, *Eifer* = *Hingebung*; Opferfreudigkeit, Opferbereitschaft, Selbstaufopferung, *das Sichhingeben* – страстное выражение, желание сделать что-то очень важное; готовность жертвовать с радостью, самопожертвование (DeutschDudenonline, Электронный ресурс).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что периферийными признаками концепта «верность», представленными синонимами ядерной лексемы *die Treue*, в немецком языке являются следующие признаки:

1. Поддержание тесного контакта с кем-либо; зависимая, привязанная к чему-либо позиция;

2. Привязанность;

3. Стабильность, постоянство, длительность, способность противостоять;

4. Доброжелательная, дружеская позиция к кому-либо, определенная манера поведения, как знак и выражение доброжелательности; дружеское, доброе, позитивное отношение к кому-либо, милость, участие.

Обратимся к семантическому анализу синонимов ядерной лексемы *верность*, отображающих периферию исследуемого концепта в русском языке. Это лексемы *выдержка, твердость, непоколебимость, честность, добросовестность, безошибочность, бесспорность, достоверность, истинность, любовь, надежность, непогрешимость, несомненность, очевидность, правильность, правоверность, правота, самоочевидность, справедливость*.

На основании анализа значений перечисленных синонимов можно заключить, что периферийными концептуальными признаками верности в русском языке являются:

1. Стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга;

2. Полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле;

3. Надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость, истина;

4. Привязанность;

5. Беспристрастие.

Сравним полученные результаты для определения общих и отличительных признаков периферии концепта *die Treue* в немецком языке и *верность* в русском языке, представленных посредством синонимов.

Таблица 1

Сводная таблица значений синонимов ядерной лексемы *die Treue* и *верность*, отображающих периферию исследуемого концепта

Периферийные концептуальные признаки	Немецкий язык	Русский язык
Поддержание тесного контакта с кем-либо; зависимая, привязанная к чему-либо позиция	+	-
Привязанность	+	+

<i>Стабильность, постоянство, длительность, способность противостоять</i>	+	+
<i>Доброжелательная, дружеская позиция к кому-либо; определенная манера поведения как знак и выражение доброжелательности; дружеское, доброе, позитивное отношение к кому-либо; милость, участие</i>	+	-
<i>Полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле</i>	-	+
<i>Надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость, истина</i>	-	+
<i>Беспристрастие</i>	-	+

Как видно из таблицы, общими периферийным признаками концепта «верность» в немецком и русском языке являются признаки *привязанность* и *стабильность, постоянство, длительность, способность противостоять*. Отличительными периферийным признаками в немецком языке являются следующие: *поддержание тесного контакта с кем-либо; зависимая, привязанная к чему-либо позиция; доброжелательная, дружеская позиция к кому-либо, определенная манера поведения, как знак и выражение доброжелательности; дружеское, доброе, позитивное отношение к кому-либо, милость, участие*. Специфичными периферийным признаками в русском языке являются следующие: *полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле; надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость, истина; беспристрастие*.

Представляется, что небольшое количество общих периферийных признаков можно объяснить национальными особенностями понимания верности носителями немецкого и русского языков.

Литература

1. Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №11. – С. 41- 42.
2. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурсы [Текст] /В.И. Карасик // Германистика России: Традиции и перспективы: Мат-лы науч.-метод. семинара. – Новосибирск: НГУ, 2004. – С. 90- 91.

3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания// Методология современной психолингвистики: Сборник статей. — Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С.107-108.
4. Парфененко Е.Н., Попова Л.Г., Нифанова Т.С. — Лексико-семантическая репрезентация периферии понятийного компонента концепта «помилование» в английском и русском языках // Litera. — 2020. — № 6. — С. 124-131. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33202
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: Монография. М. . АСТ: Восток-Запад, 2007.
6. DeutschDudenonline [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>, (дата обращения: 15.05.2022).

У.Дж. Камбаралиева

Контрастивный анализ доминантных черт национального характера русского и киргизского народов

Аннотация: В статье рассматриваются результаты контрастивного анализа доминантных черт национального характера русского и киргизского народов. Показаны коммуникативно-релевантные черты русского и киргизского менталитета, которые эксплицитно или имплицитно могут оказать влияние на коммуникативное поведение.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, контрастивный анализ, национальный характер, коммуникативно-релевантные черты менталитета.

Abstract: The paper considers the results of a contrastive analysis of the dominant traits of the national character of the Russian and Kyrgyz peoples. The communicatively relevant features of the Russian and Kyrgyz mentality, which explicitly or implicitly can influence the communicative behavior of the peoples under consideration are shown.

Key words: communicative behavior, contrastive analysis, national character, communicatively relevant features of mentality.

Под доминантными чертами национального характера того или иного народа понимаются такие черты, которые в равной степени проявляются у представителей разных возрастных, гендерных, социальных групп данного этноса в разных предметных ситуациях (Стернин 2008, с. 107). Нами были проанализированы доминантные *коммуникативно-релевантные черты* русского и киргизского менталитета, влияющие на коммуникативное поведение представителей русского и киргизского народов эксплицитно или имплицитно.

Как известно, психологические стереотипы поведения народа являются основой формирования понятия «национальный характер», которое, несмотря на свою дискуссионную сущность, продолжает использоваться для условного обозначения социально-психологической специфики народов. Национальный характер, как и коммуникативное поведение, обусловлен менталитетом. А менталитет, в свою очередь, очень тесно связан с национальной концептосферой.

При характеристике какого-либо народа невозможно избежать субъективности, поскольку черты менталитета отличаются

динамичностью, а их оценка зависит от множества социально-исторических, социально-психологических и личностно-психологических факторов. Для получения наиболее точных результатов описания доминантных черт, влияющих на коммуникативное поведение, была применена типизация, под которой по определению И.А.Стернина следует понимать «обобщение доминантных признаков коммуникативного поведения отдельных наблюдаемых в общении лиц и формулирование на этой основе обобщенных коммуникативных характеристик, присущих, гипотетически, народу в целом» (Стернин 2008, с. 107).

На основе методов и приемов описания коммуникативного поведения, разработанных в трудах И.А.Стернина (2000; 2008, и др.), в 2014- 2020 гг. нами были проведены психолингвистические эксперименты с участием более 4000 человек разных национальностей, по ответам которых нам удалось выявить доминантные черты национального характера киргизского народа, влияющих на его коммуникативное поведение (Камбаралиева, Стернин 2021). А для характеристики коммуникативного поведения русского народа был использован материал работы Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина (Прохоров, Стернин 2007).

Следует отметить, что коммуникативное поведение представителей отдельно взятого народа необходимо рассматривать в рамках только их культуры. И, как нам представляется, основа адекватного восприятия всего «чужого» без этноцентристских умозаключений кроется в учете презумпции ценности всех прогрессивных элементов данной культуры (Камбаралиева, Стернин 2021).

Контрастивный анализ доминантных черт русского и киргизского менталитета позволил выявить как *сходные черты* двух народов, так и их *различия*, которые необходимо учитывать в разносторонних межкультурных связях.

По результатам анализа, самой яркой сходной чертой коммуникативного поведения представителей русской и киргизской культур следует считать *искренность отношений с коммуникантами*, которая характеризуется как прямое выражение эмоционально-психологических состояний. Искренность как исследователями, так и рядовыми людьми рассматривается в качестве одного из аспектов честности и правдивости, когда между реальными чувствами человека и его намерениями и тем, как они преподносятся окружающим, отсутствуют противоречия. Видимо, поэтому в русской и киргизской культуре *предпочитают неформальное общение* и стремятся к нему, считая формальный вид общения неэффективным, а поведение при таком общении неискренним. Скромность человека в обеих культурах испокон веков считается достоинством, связанным в том числе и с религиозными постулатами, что проявляется в *сдержанной самопрезентации человека* в социуме.

Еще одна сходная черта коммуникативного поведения русских и киргизов – это *уважение к учителю*. Традиционно в культуре обоих народов учитель считается источником важной и полезной информации, носителем лучших черт человеческого характера. На наш взгляд, именно такое восприятие стало причиной очень высокой *педагогической доминантности* в обеих культурах. А *низкий уровень уважения к ребенку*, выявленный в результате исследования, демонстрирует отношение представителей обоих народов к ребенку как к объекту определенной «дрессировки». Представителей обеих культур отличает *любовь к критике и самокритике*, она характеризуется повышенным уровнем, поэтому у русских и киргизов *оценочность общения* также высокая. Объектом критики могут стать все люди и явления, но правом критиковать «свое, наше» обладают только «свои». Любая личность, выступающая против мнения большинства, становится изгоем, что дает возможность сделать вывод о *негативном отношении к инакомыслию* у русского и киргизского народа.

У представителей обоих народов *приоритетным считается откровенный разговор по душам*, к организованным по шаблонам светским встречам и общению отношение у обоих народов *негативное*. Одной из заметных сходных черт коммуникативного поведения представителей русской и киргизской культуры следует считать *отсутствие бытовой улычивости*. Улыбка у русских и киргизов является самостоятельным коммуникативным актом и ее используют не слишком часто.

В отдельных коммуникативных актах представителей русской и киргизской культур также можно обнаружить много общих черт. Например, во время общения они могут *потерять коммуникативный самоконтроль*, что не осуждается и всеми прощается, возможно также *вежливо перебить* речь говорящего без последствий. Для русских и киргизов является обыденным явлением *реагировать на коммуникативное поведение незнакомых*. На коммуникативные ошибки, допущенные как самим говорящим, так и собеседником, смотрят *снисходительно*. К основным причинам, обуславливающим схожесть коммуникативного поведения русских и киргизов, можно отнести: общность истории, проживание в течение нескольких столетий на одной территории, культурно-исторические связи между государствами, одинаковость морально-этических норм, связанных с религией и др.

В процессе анализа доминантных черт также были выявлены наиболее заметные *различия*, которые связаны с этнокультурными, социопсихологическими и историко-культурными особенностями. Например, *общительность русских заметно выше*, чем киргизов, также у русских по сравнению с киргизами *выше эмоциональность*, для русских более характерен *коммуникативный демократизм*, *коммуникативная*

доминантность, выше свобода подключения к общению, свобода вступления в общение и больше откровенность в общении.

В киргизском коммуникативном поведении большую роль играет *иерархия по возрасту*. В первую очередь подобное требование касается вежливости в социуме. Согласно бытующим в обществе мнениям, *справедливо вежливостью отвечать только на вежливость*, т.к. вежливое отношение к себе нужно заслужить, при этом законы киргизского народа предписывают *безоговорочное уважительное отношение к старшим*. Исходя из этого, только старшие по возрасту киргизы могут *доминировать в общении*, вступать в контакт со всеми и требовать к себе внимания. *Откровенность в общении* в киргизском коммуникативном поведении не наблюдается, а *возможность модификации поведения* собеседника, которая выявляется в русской культуре очень часто, у киргизов связана исключительно с возрастной иерархией.

Еще одна особенность, представляющая разницу коммуникативных признаков, касается объема общения. В киргизской коммуникативной культуре использование *развернутого диалога* является доминирующим и обычно *слабо развернуты монологи*. В русском коммуникативном поведении самым главным коммуникативным признаком коммуникативного идеала считается *умение слушать собеседника*, в то время как в киргизском коммуникативном поведении самый главный признак лучшего собеседника – это *умение рассказывать*.

В киргизском коммуникативном поведении, в отличие от русского, *дискуссионность общения, эмоциональный спор, категоричность выражения несогласия, проблемность повседневного общения* не выявляются, а также *не выражен коммуникативный пессимизм*, в то время как в русском коммуникативном поведении перечисленные черты проявляются в высокой степени. В русской коммуникативной культуре *большое значение придают юмору, мало табуированных для обсуждения тем, наблюдается высокий уровень интеррогативности и низкая степень императивности общения*. В киргизском коммуникативном поведении степень проявления указанных признаков тесно связана с возрастными особенностями участников общения: *шутить и использовать юмор предпочитают редко*, только в определенной среде коммуникантов, *императивность общения*, которая также зависит от возрастов участников, проявляется на высоком уровне, *интеррогативность в общении* выявляется не всегда.

В коммуникативном поведении русских *ориентация на сохранение лица собеседника отсутствует*, а в киргизском – *наблюдается* и фиксируется социумом, отражая его поддержку и положительное отношение к такому поступку; если *коммуникативный эгоцентризм* у русского народа – *заметный*, то у киргизского народа его *не заметно*. Русский стиль коммуникативного поведения в целом ориентирован на самого

говорящего, а у киргизского народа – на собеседника. В русской коммуникативной культуре *коммуникативным идеалом* выступает *толерантный собеседник и хороший слушатель, оцениваемый с позиции говорящего*, а у представителей киргизской культуры коммуникативный идеал – это *умный рассказчик, оцениваемый с позиции слушателя*. У представителей русской культуры в момент коммуникативного акта *контролируемость реакции* характеризуется как *низкая*, а у киргизов она обычно на достаточно *высоком уровне*.

Если в русской коммуникативной культуре собеседники демонстрируют свое внимание к собеседнику *вербально* – определенными словами и репликами, то киргизы выражают свою поддержку собеседнику как *вербально, так и невербально*. При возникновении конфликта реакция у русских обычно *зеркальная*, а киргизы в большинстве случаев стараются *не быть втянутым в спор или ссору*. У представителей киргизской коммуникативной культуры *степень искренности реакции* на коммуникативные действия собеседника *дифференцированная*, зависит от возраста собеседника и степени близости отношений.

Киргизы, действующие в соответствии с традиционными правилами коммуникативного поведения народа, по сравнению с русскими, чаще выполняют функции требуемой социумом «социальной маски», что обусловлено большой ролью мнения общества.

Проведенное исследование показывает, что основные причины различий в коммуникативном поведении русских и киргизов связаны с исторически сформировавшимися типами культуры, культурными ценностями и с особенностями социально-культурных отношений, которые могут быть обобщенно охарактеризованы как *доминирующе горизонтальные с наличием статусной иерархии у русских и имеющие сильную вертикальную статусную иерархию у киргизов*.

В заключение отметим, что одной из важнейших целей изучения межкультурной коммуникации, в том числе и коммуникативного поведения народов, является формирование эмпатии, т.е. способности личности к сопереживанию на основе понимания и восприятия внутреннего мира другого человека. Это способствует пониманию проблемы культурных различий и установлению межкультурных взаимосвязей разных народов, поскольку диалог культур подразумевает взаимопроникновение и взаимообогащение культур при несовпадающих национальных стереотипах мышления и поведения.

Литература

1. Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж: изд-во «Ритм», 2021.
2. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000.

4. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж: Истоки, 2008.

Раздел 4. Сопоставительные исследования в психолингвистике

И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко

Топонимы VORONEZH и ВОРОНЕЖ в языковом сознании субординативных билингвов

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации семантики топонимов *Voronezh* и *Воронеж* в языковом сознании носителей английского языка как неродного в условиях субординативного билингвизма.

Ключевые слова: Воронеж, семантика топонимов, свободный ассоциативный эксперимент, субординативный билингвизм, интерференция Я1, ассоциативное поле, трафаретная модель, психолингвистическое значение слова.

Abstract: The paper is devoted to identification of peculiarities of actualization of semantics of toponyms *Voronezh* and *Воронеж* in the linguistic consciousness of non-native English speakers in the situation of subordinative bilingualism.

Key words: *Voronezh*, toponyms semantics, free association experiment, subordinative bilingualism, L1 interference, associative field, template model, psycholinguistic meaning of the word.

Описание семантики имен собственных является одним из востребованных и динамически развивающихся направлений современной лингвистики в целом и психолингвистики в частности, так как оно не только органично связано с исследованием реалий окружающей действительности, но и помогает находить общность и уникальные черты в том, как видят эту действительность представители разных этносов и культур. Через изучение топонимов мы можем понять, как происходит моделирование и структурирование географического пространства в сознании конкретного индивида, а также увидеть, чем он наполняет данное пространство, какие реалии мира вокруг актуализируются в языковом сознании, чем заполняется смысловой объем соответствующей языковой единицы.

Целью данного исследования являлось выявление особенностей репрезентации семантики топонимов *Voronezh* и *Воронеж* в языковом сознании носителей английского языка как неродного в условиях субординативного билингвизма, под которым мы понимаем ситуацию, когда в процессе использования билингвом языков один из них является доминантным (обычно родной язык (Я1)) и оказывает заметное влияние на Я2. В нашем исследовании мы имеем дело с искусственными билингвами, а именно со студентами, которые погружены в искусственно созданную языковую среду в процессе обучения в университете.

Признавая возможность существования внутри языкового сознания человека нескольких языковых личностей, мы решили рассмотреть, как актуализируется топоним *Воронеж* (*Voronezh*) в сознании русскоговорящих студентов в ответ на стимулы на родном и иностранном (английском) языках (опыт проведения САЭ со стимулами на Я2 был ранее описан нами в статье, посвященной исследованию топонимов *Voronezh* и *Moscow* (Барабушка, Кривенко 2022)).

Исследование семантики выбранных лексем осуществлялось посредством свободного ассоциативного эксперимента со стимулами на Я1 и Я2 и метода семантической интерпретации ассоциативных полей (Стернин, Рудакова 2011). При описании психолингвистического значения была использована базовая трафаретная модель, разработанная Е.А. Маклаковой (Маклакова 2014), и адаптированная и дополненная И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Рудакова, Стернин 2015).

Материалом для данного исследования стали результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2022 году среди студентов программ бакалавриата и магистратуры, обучающихся на неязыковых факультетах. Эксперимент проводился в двух отдельных группах, состоящих из 58 и 60 человек соответственно, возраст испытуемых варьировался от 18 до 23 лет. Задачей респондентов в первой группе было записать на английском языке первую реакцию на стимул *Voronezh*, а во второй группе – записать на русском языке первую реакцию на соответствующий стимул на русском (*Воронеж*). Выбор лексем для эксперимента обусловлен тем, что топоним Воронеж (*Voronezh*) является актуальным для испытуемых на данном отрезке жизни, так как, обучаясь в ВГУ, они прожили в Воронеже не меньше года, и данный топоним освоен ими и имеет репрезентат в языковом сознании, что позволит описать его, используя в том числе языковые единицы Я2.

По данным проведенного психолингвистического эксперимента были составлены ассоциативные поля топонимов *Voronezh* и *Воронеж*, а также определены индексы яркости каждой из ассоциативных реакций (Стернин, Рудакова 2011, с. 189).

Ассоциативное поле топонима *Voronezh*

VORONEZH 58: city 13, home 10, state university 3, accident, best city ever, birth place, city for learning, country town, embankment, good, hedgehog, home city, homeland, hometown, house, Kitten, mafia, Mashmet, mother, motherland, my home, my home town, nature, nothing, river, Russian Federation, St. Petersburg, study, summer, university, Voronezh - the city of courage, VSU, warm, water reservoir, White Bim Black Ear 1

Индексы яркости

VORONEZH 58: city 0,22, home 0,17, state university 0,05, accident, best city ever, birth place, city for learning, country town, embankment, good, hedgehog, home city, homeland, hometown, house, Kitten, mafia, Mashmet, mother, motherland, my home, my home town, nature, nothing, river, Russian Federation, St. Petersburg, study, summer,

university, Voronezh - the city of courage, VSU, warm, water reservoir, White Bim Black Ear 0,02

Ядерные семьи: City 0,22, Home 0,17

Ближняя периферия: state university 0,05

Дальняя периферия: accident, best city ever, birth place, city for learning, country town, embankment, good, hedgehog, home city, homeland, hometown, house, Kitten, mafia, Mashmet, mother, motherland, my home, my home town, nature, nothing, river, Russian Federation, St. Petersburg, study, summer, university, Voronezh - the city of courage, VSU, warm, water reservoir, White Bim Black Ear 0,02

Ассоциативное поле топонима Воронеж

ВОРОНЕЖ 60: город 23, дом 4, ВГУ 2, город куража 2, мой город 2, не догонишь 2, Петр Первый 2, столица Черноземья 2, водохранилище, ВУЗ, городские сказки, друзья, дух, ёж, зефир, кот, котенок, кот с улицы Лизюкова, конфеты, мост, памятник Славы, река, семья, смешанные эмоции, столица Черноземья, тепло, точка, университет, флот 1

Индексы яркости

ВОРОНЕЖ 60: город 0,38, дом 0,07, ВГУ, город куража, мой город, не догонишь, Петр Первый, столица Черноземья 0,03, водохранилище, ВУЗ, городские сказки, друзья, дух, ёж, зефир, кот, котенок, кот с улицы Лизюкова, конфеты, мост, памятник Славы, река, семья, смешанные эмоции, столица Черноземья, тепло, точка, университет, флот 0,016

Ядерные семьи: город 0,38

Ближняя периферия: дом 0,07

Дальняя периферия: ВГУ, город куража, мой город, не догонишь, Петр Первый, столица Черноземья 0,03, водохранилище, ВУЗ, городские сказки, друзья, дух, ёж, зефир, кот, котенок, кот с улицы Лизюкова, конфеты, мост, памятник Славы, река, семья, смешанные эмоции, столица Черноземья, тепло, точка, университет, флот 0,016

В ходе проведенного исследования мы подробно изучили и описали как денотативный, так и коннотативный компоненты психолингвистического значения топонимов *Voronezh* и *Воронеж*. В предложенной ниже таблице представлены сгруппированные на основе семантического признака ассоциации, полученные на Я1 и Я2.

Денотативный макрокомпонент значения		
Признаковая часть		
Семантический признак	Voronezh	Воронеж
<i>Вид и статус топонима</i>	city 13, country town 1	город 23
<i>Локация</i>	Russian Federation 1	столица Черноземья 3,
<i>Связь с респондентом</i>	birth place 1, home 10, hometown 1, homeland 1, home city 1, house 1, my home 1, motherland 1, my home town 1	дом 4, друзья 1, мой город 2, семья 1
<i>Вид возможной деятельности</i>	city for learning 1, state university 3, study 1, university 1, VSU 1	ВГУ 2, ВУЗ 1, университет 1
<i>Составные части объекта</i>	embankment 1, river 1, water reservoir 1	водохранилище 1, мост 1, река 1, точка 1

<i>Природные условия</i>	nature 1, summer 1, warm 1	тепло 1,
<i>Достопримечательности и символы города</i>	Kitten 1, White Bim Black Ear 1	зефир 1, конфеты 1, кот 1, котенок 1, кот с улицы Лизюкова 1, памятник Славы 1, флот 1
<i>Опасность</i>	accident 1, mafia 1, Mashmet 1	
<i>Субъективная оценка</i>	best city ever 1, good 1	смешанные эмоции 1
Реляционная часть		
<i>Идентификация</i>	mother 1	Петр Первый 2
<i>Мифологическая актуализация</i>	hedgehog 1	дух 1, ёж 1, городские сказки 1,
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	Voronezh - the city of courage 1	город куража 2, не догонишь 2
<i>Не интерпретируется</i>	St. Petersburg 1, nothing 1	

На основании полученного материала, ввиду неодинакового количества реакций, полученных на предложенные в русском и английском языках стимулы, представилось целесообразным ввести **индекс представленности семантического признака (ИПСП)** в Я1 и Я2, под которым мы понимаем отношение количества полученных ассоциаций в рамках определенного семантического признака к общему количеству полученных на стимул ассоциаций.

Денотативный макрокомпонент значения		
Семантический признак	ИПСП, % Voronezh / 58	ИПСП, % Воронеж / 60
Признаковая часть		
<i>Вид и статус топонима</i>	24,1	38,3
<i>Локация</i>	1,7	5
<i>Связь с респондентом</i>	31	13,3
<i>Образовательная деятельность</i>	12	6,7
<i>Составные части объекта</i>	5,2	6,7
<i>Природные условия</i>	5,2	1,7
<i>Достопримечательности и символы города</i>	3,4	11,7
<i>Опасность</i>	5,2	0
<i>Субъективная оценка</i>	3,4	1,7
Реляционная часть		
<i>Идентификация</i>	1,7	3,3
<i>Мифологическая актуализация</i>	1,7	5
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	1,7	6,7
<i>Не интерпретируется</i>	3,4	0

Для описания степени проявления представленности семантического признака мы использовали *шкалу ранжирования степени выраженности исследуемых параметров* (Кривенко 2013).

Так, у стимула *Voronezh* яркая степень проявления ИПСП отмечена у ассоциаций с семантическим признаком «связь с респондентом» – 31%, *заметная* степень – у ассоциаций с семантическим признаком «вид и статус топонима» и «образовательная деятельность» (24,1% и 12% соответственно), у остальных ассоциаций степень представленности семантического признака может считаться *низкой* на основании показателей индекса, варьирующихся от 5,2% до 1,7%.

У стимула *Воронеж* яркая степень проявления ИПСП зафиксирована у ассоциаций с семантическим признаком «вид и статус топонима» – показатель индекса составляет 38,3%, *заметная* степень ИПСП выявлена у ассоциаций с семантическим признаком «связь с респондентом» и «достопримечательности и символы города» (13,3% и 11,7% соответственно), у остальных ассоциаций степень представленности семантического признака может характеризоваться как *низкая* на основании показателей индекса, варьирующихся от 6,7% до 1,7%.

В ходе исследования также было описано коннотативное значение топонимов *Voronezh* и *Воронеж*, в которое входят оценочный, эмоциональный и функциональный компоненты.

Коннотативный макрокомпонент значения топонима *Voronezh*

Оценочная характеристика:

неоценочное 51 – city 13, home 10, state university 3, birth place 1, city for learning 1, country town 1, embankment 1, hedgehog 1, home city 1, homeland 1, hometown 1, house 1, Kitten 1, mother 1, motherland 1, my home 1, my home town 1, nature 1, nothing 1, river 1, Russian Federation 1, St. Petersburg 1, study 1, summer 1, university 1, VSU 1, water reservoir 1, White Bim Black Ear 1

неодобрительное 3 – accident 1, mafia 1, Mashmet 1

одобрительное 4 – best city ever 2, good 1, Voronezh - the city of courage 1, warm 1

Эмоциональная характеристика:

неэмоциональное 31 – city 13, state university 3, city for learning 1, country town 1, embankment 1, hedgehog 1, Kitten 1, nature 1, nothing 1, river 1, Russian Federation 1, St. Petersburg 1, study 1, university 1, VSU 1, water reservoir 1, White Bim Black Ear 1

отрицательно-эмоциональное 3 – accident 1, mafia 1, Mashmet 1

положительно-эмоциональное 24 – home 10, best city ever 1, birth place 1, good 1, home city 1, homeland 1, hometown 1, house 1, mother 1, motherland 1, my home 1, my home town 1, summer 1, Voronezh - the city of courage 1, warm 1

Коннотативный макрокомпонент значения топонима *Воронеж*

Оценочная характеристика:

неоценочное 55 – город 23, дом 4, ВГУ 2, мой город 2, , Петр Первый 2, столица Черноземья 2, водохранилище 1, ВУЗ 1, городские сказки 1, друзья 1, дух 1, ёж 1, зефир 1, кот 1, котенок 1, кот с улицы Лизюкова 1, конфеты 1, мост 1, памятник Славы 1, река 1, семья 1, смешанные эмоции 1, столица Черноземья 1, точка 1, университет 1, флот 1

неодобрительное 0

одобрительное 5 – город куража 2, не догонишь 2, тепло 1

Эмоциональная характеристика:

неэмоциональное 49 – город 23, ВГУ 2, мой город 2, Петр Первый 2, столица Черноземья 2, водохранилище 1, ВУЗ 1, городские сказки 1, дух 1, ёж 1, зефир 1, кот 1, котенок 1, кот с улицы Лизюкова 1, конфеты 1, мост 1, памятник Славы 1, река 1, смешанные эмоции 1, столица Черноземья 1, точка 1, университет 1, флот 1

отрицательно-эмоциональное 0

положительно-эмоциональное 11 – дом 4, город куража 2, не догонишь 2, друзья 1, семья 1, тепло 1

С точки зрения функциональной характеристики обе лексемы могут быть описаны как межстилевые, общеупотребительные, современные, общераспространенные, частотные, тонально-нейтральные.

Таким образом, по данным исследования, у обоих топонимов при рассмотрении оценочности самой высокой оказалась неэмоциональная характеристика, исходя из индексов яркости 0,88 для топонима *Voronezh* и 0,92 для соответствующего топонима на русском языке. Примечательно, что на втором месте по убыванию индексов яркости у обоих топонимов оказалась одобрительная оценочная характеристика (ИЯ 0,07 у лексемы *Voronezh* и 0,09 – у *Воронеж*), в то же время неодобрительная оценочная характеристика присутствует у англоязычной лексемы (ИЯ 0,06), но не выявлена у русскоязычного эквивалента. Что касается эмоциональности, у обоих топонимов неэмоциональный компонент находится на первом месте (для топонима *Voronezh* ИЯ – 0,54, для топонима *Воронеж* ИЯ – 0,82). Второе место по убыванию индекса яркости занимает положительно-эмоциональный компонент (ИЯ 0,42 – *Voronezh* и ИЯ 0,19 – *Воронеж*). Отрицательно-эмоциональный компонент представлен в значении лексемы *Voronezh* (ИЯ 0,06), но у лексемы *Воронеж* отсутствует.

В рамках проведенного исследования были составлены психолингвистические описания топонимов *Voronezh* и *Воронеж*:

VORONEZH

Семема 1: a good 0,05 city on the bank of the Voronezh Reservoir (river) 0,05 in the Russian Federation 0,26 (which might be dangerous 0,05), associated with mother and motherland 0,33, a city of students 0,26, with warm weather 0,05, famous for White Bim Black Ear and the Kitten from Lizyukova street 0,03

Семема 2: a river 0,02

ВОРОНЕЖ

Семема 1: город 0,41, ассоциирующийся с домом 0,07, семьей 0,016 и друзьями 0,016, в нем много вузов 0,09, столица Черноземья 0,03, в нем Петр Первый 0,03 строил флот 0,016, в нем есть водохранилище 0,016, мост 0,016, достопримечательности города – котенок с улицы Лизюкова 0,048, памятник Славы 0,016, в нем делают зефир 0,016 и конфеты 0,016, в нем тепло 0,016, это город куража 0,016, у которого есть собственный дух 0,016 и городские сказки 0,016

Семема 2: река 0,016

Исходя из результатов проведенного психолингвистического эксперимента, мы можем заключить, что топоним *Voronezh* (*Воронеж*) представлен в первичном и во вторичном языковом сознании преимущественно одними и теми же семантическими признаками, но разной степени выраженности. Эндемичным для англоязычного варианта топонима стал семантический компонент «Опасность», представленный эксплицитно реалиями окружающей действительности (*accident, mafia, Mashmet*). Неожиданным стал тот факт, что реакции респондентов на стимул на родном языке оказались лишены какой бы то ни было метафоричности и образности, и портрет Воронежа получился достаточно безликим, хотя общее отношение к нему видится скорее нейтрально-положительным, чем равнодушным. Во вторичном языковом сознании в два раза сильнее проявились связь топонима с респондентом, а также отмечен акцент на образовательной деятельности, в то время как достопримечательности и символы города оказалось проще назвать на родном языке, что говорит о большей степени представленности данной категории в первичном языковом сознании.

Интересно, что именно первичной языковой личностью были вербализованы мифологические представления, связанные с Воронежем (*ёж* – отражение фольклорного вымысла, что название города произошло от наименований двух древнеславянских языческих племён, названных в честь тотемных животных, вороны и ежа; *городские сказки* и *дух* – как дух места, *genius loci*), причем наличие единичной реакции *hedgehog*, полученной в ответ на англоязычный стимул мы склонны считать примером лексической интерференции Я1 в виде калькированного перевода слова *ёж* на Я2, что не несет какого-либо смысла для человека, незнакомого с легендой о происхождении названия «Воронеж».

Перспективным видится проведение аналогичного САЭ на материале других лексем с целью более точного определения степени влияния Я1 на Я2 и вторичную языковую личность.

Литература

1. Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Топонимы *Voronezh* и *Moscow* в языковом сознании носителей английского языка как неродного // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2022. – №3 (116). – С. 11-19.
2. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
3. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ... доктора филол. наук – Воронеж, 2014.

4. Рудакова А.В. Стернин И.А. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография – №2. – Воронеж: Истоки, 2015.– С. 100-113.
5. Стернин И. А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

М.Ю. Васильева

Сопоставление лексикографических и психолингвистических значений лексемы *немцы*³

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению лексикографических и психолингвистических значений лексемы «немцы».

Ключевые слова: психолингвистическое значение, лексикографическое значение, свободный ассоциативный эксперимент, российские немцы.

Abstract: The paper is devoted to the comparison of the psycholinguistic and lexicographic meaning of the lexeme “Germans”.

Key words: psycholinguistic meaning, lexicographic meaning, free associative experiment, Russian Germans.

Экспериментальные методы в лингвистике, в частности, ассоциативные эксперименты стали важным инструментом в исследовании культурных стереотипов, изучении «образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок...» (Уфимцева 2011, с. 208). Проведение многочисленных ассоциативных экспериментов и накопление данных подтолкнули к созданию нового лингвистического направления – ассоциативной лексикографии, которая существенно расширила возможности традиционной лексикографии.

В данном исследовании проводится сопоставительный анализ психолингвистических значений лексемы *немцы* в языковом сознании российских немцев и лексикографических значений данной лексемы.

Под лексикографическим значением (или лексикографическим описанием) понимается значение слова, представленное в толковых словарях (Рудакова, Стернин 2011, с. 21). Для определения лексикографического значения лексемы *немцы* использовался метод обобщения словарных дефиниций (там же). Кроме того, был вычислен индекс словарной фиксации (ИСФ) каждого лексикографического значения, представляющий собой отношение количества словарей, в которых встречается данное значение, к общему числу исследованных словарей.

³ Исследование проведено при поддержке Международного союза немецкой культуры и лично Елены Кодылевой.

Рассмотрение лексемы *немцы* во множественном числе обусловлено тем, что в большинстве толковых словарей приведена словарная статья к существительному «немцы», а лексема «немец» не представлена отдельно и входит в словарную статью лексемы «немцы» (Ефремова 2000; Кузнецов 2001; Большой академический словарь 2009; Даль 2007).

По обобщённым данным толковых словарей русского языка (Даль 2007; Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 2000; Кузнецов 2001; Дмитриев 2003; Ефремова 2000; Большой академический словарь 2009) лексема *немцы* имеет следующие значения.

НЕМЦЫ

Обобщённые лексикографические значения

1. Те, кто принадлежат к немецкой национальности; основное население Германии.

Немцы дали миру блестящих философов. Немцы развязали Вторую мировую войну. Он был из силезских немцев. Восточные немцы.

ИСФ – 0,86

2. Люди, говорящие на немецком языке, но образующие разные национальности, различающиеся между собой по территории, на к-рой они живут, по условиям экономической жизни, по психическому складу, а также по культуре. Швейцарские немцы, австрийские немцы, германские немцы - различны. Совсем отличны от них немцы Поволжья - граждане Советской страны.

ИСФ – 0,14

3. устар. Иностранцы, чужеземцы.

Перенять у немцев их обычаи и костюмы. Поехать учиться к немцам. Может, немцы каких земель через Дон приедут. Чтоб умный, добрый наш народ хотя по языку нас не считал за немцев.

ИСФ – 0,57

Необходимо заметить, что практически все толковые словари русского языка, используемые нами в исследовании, в определении лексемы *немцы* отсылают к Германии. Лишь в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова идет речь о различных этнических группах – швейцарских, австрийских, германских и поволжских немцах.

Психолингвистические значения

Под психолингвистическими значениями мы подразумеваем значения слова, существующие в языковом сознании носителей языка. Как замечает А.В. Рудакова, «данные психолингвистического эксперимента могут помочь уточнить и «отредактировать» дефиниции в существующих толковых словарях, часто отстающих от реального употребления носителями языка» (Рудакова 2015, с.155).

Для определения психолингвистических значений был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди российских немцев в период с сентября по октябрь 2022 года. Испытуемым предлагалось записать все

пришедшие в голову ассоциации к стимулу *немцы*. Ассоциативный эксперимент проводился в электронном виде с помощью Гугл-формы. В эксперименте приняли участие 166 российских немцев, из них 122 женщины (73,5%), 44 мужчин (26,5%).

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Сейчас Вы получите список слов. Вы должны будете последовательно читать слово за словом и писать рядом с каждым словом первое, что придет Вам в голову (ассоциации). При этом Вы должны писать быстро, не раздумывая, быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в эксперименте. Если у вас нет ассоциации на какое-либо слово, ставьте прочерк и идите дальше».

На стимул *немцы* было получено 177 реакций, из них – 3 отказа.

С помощью метода семантической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов было сформулировано психолингвистическое значение лексемы *немцы* с вычислением индекса яркости каждого семантического признака и совокупного индекса яркости каждого значения (СИЯ).

НЕМЦЫ

Ассоциативное поле

Немцы 177 ии: народ 26; люди 14; поволжские 10; Германия 9; российские 7; нация 6; родня 5; порядок 5; пунктуальность 4; национальность 4; семья 3; мы 3; пунктуальные 3; идут 2; родственники 2; родные 2; друзья 2; этнос 2; России 2; папа 2; германцы 2; переселенцы 2; точные 2; практичные 2; вежливые 2; Deutsche 2; мои родственники 1; дружелюбные 1; дисциплина 1; Европа 1; земля 1; община 1; гости из Германии 1; молодцы 1; мои родственники в Германии 1; не фашисты 1; Омск 1; опрятные 1; ответственность 1; культура 1; великая культура 1; граждане 1; педанты 1; педантичные 1; громкие 1; мои 1; мои друзья 1; аккуратность 1; бретцель 1; Альпы 1; Берлин 1; умные 1; рациональные 1; качество 1; народность 1; конкретный человек 1; коренные 1; классные 1; логичные 1; лучше 1; сила 1; приглашённые Екатериной 1; прямота 1; репрессии 1; Родина 1; моя бабушка, сколько себя помню, она всегда очень гордилась тем, что она немка, что ее родители оба немцы 1; предки 1; дед 1; требуют привыкания 1; труд 1; улыбка 1; хорошие 1; экономные 1; шляпка 1; отказ 3.

1. Народ, нация, национальность (40 ии)

народ 0,16, нация 0,04, национальность 0,02, этнос 0,01, граждане (менее 0,01), народность (менее 0,01)

СИЯ 0,23

2. С положительными чертами характера (37 ии)

порядок 0,03, пунктуальность 0,02, пунктуальные 0,02, педанты 0,02, практичные 0,01, вежливые 0,01, точные 0,01, дружелюбные (менее 0,01), классные (менее 0,01), молодцы (менее 0,01), не фашисты (менее 0,01), умные (менее 0,01), хорошие (менее 0,01), улыбка (менее 0,01), логичные (менее 0,01), опрятные (менее 0,01), ответственность (менее 0,01), дисциплина (менее 0,01), прямота (менее 0,01), рациональные (менее 0,01), экономные (менее 0,01), аккуратность (менее 0,01), сила (менее 0,01), труд (менее 0,01)

СИЯ 0,12

3. Семья, родные, друзья (22 ии)

родня 0,03, семья 0,02, мы 0,02, родные 0,01, родственники 0,01, папа 0,01, друзья 0,01, моя бабушка, сколько себя помню, она всегда очень гордилась тем, что она немка, что ее родители оба немцы (менее 0,01), предки (менее 0,01), дед (менее 0,01)

СИЯ 0,11

4. Российские немцы (20 ии) (немцы Поволжья 10 ии)

поволжские 0,06, российские 0,04, России 0,01, Омск (менее 0,01)

СИЯ 0,11

5. Люди (14 ии)

люди 0,08

СИЯ 0,08

6. Германия, люди из Германии (14 ии)

Германия 0,05, гости из Германии (менее 0,01), мои родственники в Германии (менее 0,01), Альпы (менее 0,01), Берлин (менее 0,01), Европа (менее 0,01)

СИЯ 0,05

7. Связанные с определенным историческим периодом (8 ии):

переселенцы 0,01, «немцы идут» 0,01, германцы 0,01, приглашённые Екатериной (менее 0,01), репрессии (менее 0,01)

СИЯ 0,03

8. Deutsche (2 ии)

Deutsche 0,01

СИЯ 0,01

9. Культура (2 ии)

культура 0,01

СИЯ 0,01

Не интерпретируются: шляпка 1, земля 1, качество 1, коренные 1, лучше 1, требуют привыкания 1, бретцель 1

Для большей наглядности представим сопоставление лексикографических и психолингвистических значений в виде таблицы:

Лексикографические значения	Психолингвистические значения
Те, кто принадлежат к немецкой национальности; основное население Германии. ИСФ – 0,86	Германия, люди из Германии СИЯ 0,05 Deutsche СИЯ 0,01
Люди, говорящие на немецком языке, но образующие разные национальности, различающиеся между собой по территории, на которой они живут, по условиям экономической жизни, по психическому складу, а также по культуре. ИСФ – 0,14	Народ, нация, национальность СИЯ 0,23 С положительными чертами характера СИЯ 0,12 Российские немцы СИЯ 0,11 Люди СИЯ 0,08 Связанные с определенным историческим периодом СИЯ 0,03

	Культура СИЯ 0,01
-	Семья, родные, друзья СИЯ 0,11

Как видно из таблицы, все современные значения, зафиксированные лексикографическими источниками, были актуализированы в эксперименте, то есть они представлены в языковом сознании российских немцев. Однако психолингвистические и лексикографические значения обладают различной яркостью в семантеме слова. Так, лексикографическое значение «основное население Германии», имеющее самый высокий индекс фиксации, является периферийным для российских немцев (СИЯ 0,05).

В языковом сознании испытуемых доминирует значение «народ, нация, национальность» (СИЯ 0,23), не указывающее на принадлежность к какой-либо стране. Лексикографическое значение, дефинирующее немцев как людей разных национальностей, культуры, склада, но с общим языком, представлено только в одном толковом словаре, т.е. обладает низким индексом словарной фиксации. По результатам эксперимента данное значение имеет высокий индекс яркости: испытуемые представляют немцев как обладающих положительными чертами характера (пунктуальными, педантичными, практичными, СИЯ 0,12), кроме того, респонденты актуализируют значение «российские немцы» (СИЯ 0,11), «люди» (СИЯ 0,08). С последними значениями связано другое психолингвистическое значение «семья, родные, друзья» (СИЯ 0,11), свидетельствующее об осознании собственной идентичности в исследуемой этнической группе.

Таким образом, лексикографические и психолингвистические значения лексемы *немцы* обнаруживают существенные расхождения по месту в семантеме слова и по наличию оценки. Наиболее яркими значениями, актуализированными в языковом сознании российских немцев, являются значения, связанные с самоидентификацией и восприятием немцев как народа, нации, не ограниченной одной страной, обладающей определенным складом характера. Отметим также, что психолингвистические значения обладают ярко выраженной положительной оценкой.

Литература

1. Рудакова А.В. Лексическое значение слова в словаре и языковом сознании носителей языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (52), часть 1. – С. 153-156.
2. Стернин И. А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

3. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011.

Использованные словари

1. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; /ред.: Л. И. Балахонова. – Москва, Санкт-Петербург: Наука, 2009. – Т.12.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Спб.: Норинт, 2001.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4 тт. – Т.2: И-О. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т.1: А-О. – М.: Рус.яз., 2000.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999.
6. Толковый словарь русского языка: Ок.7000 слов. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003.
7. Толковый словарь русского языка. Том II. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

Е.А.Дьяконова

Сопоставление номинаций России на основании параметра антропоморфности

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставлению пяти топонимических вариантов: *Россия, Российская Федерация, Русь, Расея, РФ* на основании параметра антропоморфности.

Ключевые слова: психолингвистика, топоним, топонимические варианты, антропоморфность.

Abstract: The paper is dedicated to comparison of 5 toponymical variants of the nomination of Russia: *Russia, Russian Federation, Russ, Russea and RF*. The comparison is based on the parameter of anthropomorphism.

Key words: psycholinguistics, toponym, toponymical variants, anthropomorphism.

В рамках диссертационного исследования «Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка» нами были проведены направленный и свободный психолингвистические эксперименты со следующими топонимическими вариантами названия нашего государства: *Россия, Российская Федерация, Русь, Расея, РФ* (Дьяконова 2022).

В экспериментах с номинациями «Россия» и «Российская Федерация» приняло участие 200 человек, лица мужского и женского пола в возрасте от 15 до 79 лет, жители Москвы, Челябинска, Чехова, Томска, Воронежа, Таганрога, Воскресенска. Эксперимент проводился в 2019 г.

Эксперименты с номинацией «Расея» и «Русь» проводились в ноябре 2019 – апреле 2020 года. В экспериментах приняло участие 200 человек, лица мужского и женского пола в возрасте от 15 до 80 лет, жители

Москвы, МО, Томска, Норильска, Воронежа, Тамани, Свердловска, Липецка.

Эксперименты с аббревиатурой «РФ» проводились в марте 2020 г. В них приняли участие 100 испытуемых, лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 45 лет, жители Москвы, СПб, Вологды, Воронежа, Твери, Чехова, Уфы, Великих Лук.

При анализе ассоциатов, полученных в результате ассоциативных экспериментов, мы выделили реакции, уподобляющие топоним человеческому существу, и предложили назвать их «антропоморфными». Соответственно, антропоморфностью мы называем семантический признак, уподобляющий денотат человеческому существу. Нами также было предложено ввести индекс антропоморфности (ИА), который вычисляется следующим образом: суммируется количество антропоморфных реакций, и их сумма делится на количество испытуемых. (Дьяконова 2022, с.15)

Рассмотрим топонимические варианты *Россия, Российская Федерация, Русь, Расея* и *РФ* с точки зрения их антропоморфности. Для этого мы выбрали антропоморфные реакции из полученных экспериментальным путем ассоциатов и вычислили индекс антропоморфности.

РОССИЯ 400: красивая 32, добрая 21, душевная 9, матушка 8, щедрая 6, умная 5, гостеприимная 4, дружелюбная 2, мать 2, безразличная 1, богобоязненная 1, веселая 1, вороватая 1, всепрощающая 1, глупая 1, горячая 1, громкая 1, добродушная 1, доверчивая 1, довольная 1, талантливая 1, нервная 1, общительная 1, приветливая 1, простодушная 1, сердечная 1, смиренная 1, справедливая 1, стройная 1, талантливая 1, терпеливая, терпимая 1, тупая 1, уравновешенная 1

ИА = 0,29

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ 400: красивая 14, добрая 3, жадная 3, бестолковая 2, дружелюбная 2, забытая 2, щедрая 2, веселая 1, глупая 1, глухая 1, гостеприимная 1, доверчивая 1, душевная 1, дышащая 1, задумчивая 1, ленивая 1, лживая 1, мрачная 1, простая 1, простодушная 1, простота 1, себе на уме 1, суровая 1, талантливая 1, шальная 1.

ИА = 0,12

РАСЕЯ 400: матушка 14, светлая 9, красивая 9, пьяная 8, веселая 6, добрая 6, простая 4, удалая 4, бесшабашная 3, доверчивая 3, душевная 3, мрачная 3, разудалая 3, хлебосольная 3, щедрая 3, безалаберная 2, босая 2, босоногая 2, глупая 2, гостеприимная 2, лихая 2, суровая 2, терпеливая 2, чумная 2, безвольная 2, белокурая 1, бестолковая 1, бесцеремонная 1, большая 1, говорящая 1, голубоглазая 1, громкая 1, громогласная 1, грубая 1, грустная 1, добродушная 1, женственная 1, жесткая 1, забывчивая 1, задумчивая 1, залихватская 1, замученная 1, злая 1, зрелая 1, кормилица 1, ласковая 1, мать-Расея 1, милая 1, мудрая 1, нежная 1, неповоротливая 1, поющая 1, праздная 1, приветливая 1, простецкая 1, радушная 1, разбитная 1, развеселая 1, разгульная 1, разнузданная 1, разухабистая 1, тоже матушка 1, расхлябанная 1, бесстрашная 1, Россия – матушка 1, свободолюбивая 1, суровая 1, чистосердечная 1, шальная 1.

ИА = 0,38

РУСЬ 400: матушка 36, красивая 13, светлая 9, мудрая 4, несчастная 5, терпеливая 3, добрая 2, хлебосольная 2, щедрая 2, белокурая 2, благородная 1, босая 1, верующая 1, возвышенная 1, душа 1, душевная 1, красавица 1, ленивая 1, любвеобильная 1, мать 1, милосердная 1, неласковая 1, ненаглежащая 1, непутевая 1, поющая 1, простая 1, работающая 1, радушная 1, сдержанная 1, сидящая 1, сильная духом 1, синеекая 1, упорная 1, хмельная 1.

ИА = 0,26

РФ 200: беспощадная 1, бьющая себя в грудь 1, добрая 1, злая 1, красивая 1, наивная 1, неблагонадёжная 1, ненадежная 1, необнадеживающая 1, самодурственная 1, серьезная 1, страдающая 1, строгая 1, умная 1, целеустремленная 1, чудная 1.

ИА = 0,08

Проанализировав вышеприведенные данные, можно заметить, что из многочисленных выделенных нами антропоморфных реакций только две реакции появились у всех пяти топонимов. Это реакции «красивая» (Россия – 32, Российская Федерация – 14, Раса – 9, Русь – 13, РФ – 1) и «добрая» (Россия – 21, Российская Федерация – 3, Раса – 6, Русь – 2, РФ – 1).

Представляется интересным проследить связь индекса яркости (ИЯ) семы «государство» с индексом антропоморфности (ИА). По результатам нашего исследования, в рамках которого исследовались топонимические варианты *Россия*, *Российская Федерация*, *Русь*, *Раса*, *РФ*, была обнаружено следующее.

В психолингвистическом значении топонима *Россия* сема «государство» отсутствует, у топонимов *Раса* и *Русь* это единичные реакции, в то время как у топонима *Российская Федерация* сема «государство» относится к ближней периферии, а у аббревиатуры *РФ* эта сема является ядерной. Таким образом, закономерен вывод о том, что из пяти исследованных вариантов только два – *Российская Федерация* и *РФ* представлены в сознании носителей языка как «государство».

Если мы сопоставим эти данные с вышеприведенными индексами антропоморфности исследуемых вариантов (*Раса* – 0,38, *Россия* – 0,29, *Русь* – 0,26, *Российская Федерация* – 0,12, *РФ* – 0,08), то можно сделать следующий вывод: чем ярче топонимический вариант представлен в сознании носителей языка как «государство» (т.е. чем выше ИЯ данной семы), тем менее этот вариант антропоморфен (тем ниже у него ИА). Этот вывод также подтверждается и тем фактом, что реакции «мать» и «матушка» полностью отсутствуют у таких вариантов, как *Российская Федерация* и *РФ*, в то время как у варианта *Россия* реакции «матушка» и «мать» появляются соответственно 8 и 2 раза, у варианта *Раса* – 16 и 1 раз, у варианта *Русь* – 36 и 1 раз.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что топонимические варианты по-разному представлены в сознании носителей языка, в том числе и с точки зрения их антропоморфности.

Литература

1. Дьяконова Е.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: автореф... дис. кан. филолог. наук. – Воронеж: 2022.

М.Е. Журацкая

Сопоставительное исследование лексемы **ОСКОРБИТЬ** в словарях, языковом сознании носителей языка и юридической практике

Аннотация. На примере материала лексемы *оскорбить* представлены результаты сопоставления лексикографических, психолингвистических и юридических значений слова.

Ключевые слова: значение, понятие, оскорбить, сопоставление, лексикография, психолингвистика, юриспруденция.

Abstract: The results of comparing lexicographic, psycholinguistic and legal meanings of the word are presented on the example of the lexeme *offend*.

Key words: meaning, concept, offend, comparison, lexicography, psycholinguistics, jurisprudence.

Цель данного исследования – сопоставительный анализ семантики слова **ОСКОРБИТЬ** в языковом сознании носителей современного русского языка и юридической практике.

На первом этапе исследования было описано лексикографическое значение слова **ОСКОРБИТЬ** по пяти толковым словарям русского языка (БТС, ТСЕ, МАС, ТСУ, ТСОШ):

1. Крайне (тяжело) обидеть, крайне (тяжело) унижить кого-л.; причинить моральный ущерб. БТС, МАС, ТСЕ, ТСУ, ТСОШ. *Оскорбить чью-либо честь, гордость. Смертельно оскорбить чье-либо достоинство. Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Пушкин, Капитанская дочка.*

2. Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. БТС, МАС. *Оскорбить торжественность минуты глупой выходкой. И ему стало безмерно стыдно, что драгоценные последние минуты он готов оскорбить фальшью или ложью. Л. Соболев, Зеленый луч.*

На втором этапе исследования был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 200 испытуемых – жителей Курской области; среди них 110 женщин и 90 мужчин в возрасте от 16 до 74 лет, студентов, представителей различных профессий и пенсионеров. Психолингвистический эксперимент был проведен в июле 2021 года. Был использован метод субъективной дефиниции. Респондентам было предложено следующее задание: *Объясните значение слова, закончив фразу: «Оскорбить – это...». Укажите: пол ____, возраст ____.*

На третьем этапе исследования результаты эксперимента были семантически интерпретированы: выделены семантические компоненты лексического значения слова **ОСКОРБИТЬ**:

- унизить 84 (унизить 17; унижение чести и достоинства 3; унижение чести и достоинства личности 2; крайне унизить 2; унизить человеческое достоинство 2; унижение чести и достоинства человека словесно или письменно; унижение достоинства человеку; какие-либо унижительные действия; умышленно унизить честь и достоинство личности; совершить действие, направленное на унижение чести и достоинства; унизить словом/ действием; морально унизить; унизить другого человека; унижить человека; унижить морально; унижение чести и достоинства другого человека; унижение достоинства; унижение достоинства другого человека; умышленное унижение чести и достоинства человека; умышленно унижить честь и достоинство; словесно унижить; унижение чести и достоинства в неприличной форме; унижить честь и достоинство умышленно; унижение человека (его чести и достоинства); унижить честь и достоинство человека; умышленное унижение чести и достоинства в неприличной форме; умышленно унижить честь и достоинство; умышленное унижение; унижить честь и достоинство личности; унижить человека, оскорбить его честь и достоинство; словесно или действием унижить честь и достоинство личности; унижить из-за страха; попытка унижить честь и достоинство; умышленно унижить; унижить честь и достоинство другого лица; демонстративно понизить статус человека в его же глазах и глазах окружающих; унижить человека; попытка унижения другого; действие или высказывание, направленные на принижение личности оппонента; преднамеренное поведение человека по отношению к другому с целью унижения; унижение личности; унижение чести и достоинства, правонарушение; унижение чести и достоинства личности; унижить честь и достоинство личности; унижить человека, высказать слова, принижающие достоинство человека; унижить человека, его честь и достоинство, в том числе с использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет; унижить честь и достоинство человека; унижить человека словесно или письменно; унижение; унизив его; почти то, что унижить; попытаться принизить значимость (социальную, физическую и др.) оппонента; высказать или совершить какое-либо действие унижающее честь и достоинство человека; это унижить, значит унижить чувство собственного достоинства человека; произнести фразы, оскорбив достоинство и самолюбие человека; действие с применением слов, которые унижают человека и его личность в целом; словом или поступком унижить достоинство другого человека; принизить честь человека; унижительно сказать человеку о его недостатках; умышленное унижение чести и достоинства личности; унижить человеческое достоинство; демонстративно понизить статус человека в его же глазах и глазах окружающих, нанести человеку словесное оскорбление, опустить ниже плинтуса);

- обидеть, нанести моральный вред 73 (обидеть 16; обидеть человека 9; тяжело обидеть 5; крайне обидеть 2; крайне обидеть кого-либо 2; нанести моральную боль человеку; сделать больно морально; принести боль; причинить моральную боль; нанести моральный вред; обидеть, причинить боль кому-нибудь; обидеть словом; обидеть человека прилюдно или наедине; умышленно обидеть человека; причинить обиду человеку; высказать слова, обижаящие человека; обидеть человека каким-либо поступком, делом; сделать больно близкому человеку; выразить в вербальной и невербальной форме неуважительное отношение к <> значимым для последнего объектам ценностей; незаслуженно обидеть; причинить боль и моральный

ущерб кому-нибудь или чему-нибудь; обидеть человека умышленно; желание обидеть человека, часто это бывает «мимходом или нехотя»; нанести обиду; сильно обидеть человека словом; обидеть человека; незаслуженно плюнуть в душу; сказать человеку обидные для него слова, причинив тем самым боль и страдания; обидеть человека словом; обидеть своим словом или действием другого человека; высказать фразу, обидеть достоинство и честь; обидеть человека; причинить моральную боль кому-то; нанести психологический вред личности человека; нанести человеку оскорбление; сделать неприятное, обидеть; сделать человеку больно, после чего остается неприятный осадок; совершить гадкий поступок по отношению к человеку, сказав или сделав нечто отрицательное; навредить человеку; обидеть человека, сделать ему больно, неприятно; обидеть словом или действием; обидеть, причинить боль; нанести обиду, сделать больно; нанести моральный ущерб, тяжело обидеть; нанести человеку словесное оскорбление, причинить моральный ущерб, обидные слова);

- **задеть, уязвить чьи-либо чувства 17** (уязвить 3; целенаправленно или ненамеренно задеть чувства человека; выразиться или совершить действие, уязвляющее или задевающее чувства; задеть какие-то чувства; уязвить, задеть чувства; в грубой форме нанести человеку душевную травму, задев его достоинство; задеть чувства другого человека; задеть в ком-либо какие-либо чувства; задевать кого-либо; задеть человека высказываниями, указывающими на его внешние или внутренние качества, не соответствующие, с точки зрения оскорбленного, действительности, а также затрагивающими его систему моральных ценностей; затронуть личные чувства человека; наплевательски отнестись к чувствам человека; задевающим за живое; задеть чувства человека; высказываться о чем-то, мало понимая в самом предмете и, тем самым, «задев» людей);

- **выразить неуважительное, неприязненное отношение к кому-либо 16** (речевая агрессия своей порочности; проявить грубость к человеку; словесно, умышленно высказать неприязнь к той или иной личности; проявить грубость высказыванием или поступком; нахамить; выразить в вербальной и невербальной форме неуважительное <> к человеку; проявить хамское поведение; недостойное поведение; нахамить; ты хам; недостойно повести себя; проявление неуважения; обратившись к нему слишком грубо и недостойно; высказать неуважение к личности человека; произвести действия неуважительного характера к лицу; проявить неуважение к его личностным качествам, поступкам);

- **обозвать 15** (обозвать 3; обозвать человека 2; обозвать кого-то бранным словом; обозвать разной бранью; обозвать плохим словом; назвав его неприятным для него словом; обозвать человека нехорошими словами; обозвать разной бранью; высказаться неприлично по отношению к собеседнику (-ам); высказаться в грубой форме в отношении человека; адресовать кому-то высказывание, охарактеризовать личность в неприличной форме; высказывание лично либо заочно, неприличные высказывания о ком-либо; отругать; назвать плохим словом; высказать в адрес лица слова или словосочетания, подразумевающие более низкое социальное и умственное развитие, относительно социально установленных понятий, либо сравнение с более слабо развитыми формами жизни);

- **употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику 15** (человек на автомате может говорить оскорбительные слова; послать на х... (далеко и подальше); бранным словом; применить мат в твою сторону; сказать какие-то неприятные и грубые слова; дерзкая и издевательская словесная форма; грубое высказывание; сказать грубое слово; высказать грубость; с помощью употребления бранного слова или оценочной

лексики с негативной семантикой; сказать (словом, жестом) непристойность, грубость; высказать мнение о ком-то, используя оскорбительные слова; грубить; возможно, нецензурная лексика в адрес оппонента; высказать кому-либо негативные слова);

- **высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо 13** (уничижительно отозваться о личности и (или) его качествах; оценить в негативной форме внешние качества; охарактеризовать лицо, сравнить с кем-либо, чем-либо, имеющим «заниженный» статус, негативную общественную оценку; негативно выразиться о личности; высказать отрицательное мнение о человеке, не подумав или не разобравшись в ситуации; преувеличить недостаток человека; высказывания личностные; заставить (убедить) принять какую-либо свою черту как изъян; сравнить с кем-то мерзким; сказать о человеке плохо; указать на недостатки человека (особенно – прилюдно), сделав это грубо или с насмешкой; высказать свое негативное мнение); унижительно сказать человеку о его недостатках);

- **является проявлением слабости 6** (проявить слабость; словесно или действием показать человеку, что ты несдержанное быдло, так как, оскорбляя другого, ставишь себя в глупое положение; тебя вывели из себя; выплеснуть свои негативные эмоции на другого человека, не всегда желая обидеть; попытка самоутвердиться за счет другого человека; унижить из-за страха);

- **распространить порочащие сведения 3** (выразить в вербальной и невербальной форме <> порочащее честь и достоинство, отношение к человеку либо значимым для последнего объектам ценностей; совершить какой-либо уничижительный поступок в адрес какого-либо человека (оклеветать и пр.); высказать в адрес человека информацию о нем, которая вызывает у него моральный дискомфорт);

- **является проявлением невоспитанности 2** (проявив свою невоспитанность; нарушить общепринятые нормы поведения);

- **ударить 1** (ударить человека);

- **вызывает негативную реакцию 3** (вызвать негативные эмоции; разозлить человека; попытаться вывести из равновесия);

- **воздействие на человека против его воли и убеждений 1;**

- **действие человека, совершенное намеренно или случайно в ходе диалога, направленное на другого человека с целью разъяснения ситуации (или же ухудшения ее состояния) 1.**

Затем было сформулировано психолингвистическое значение исследуемого слова с вычислением индекса яркости каждого семантического признака и совокупности индекса яркости для каждого значения.

ОСКОРБИТЬ

1. Высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства

Унижить 0,42, обидеть, нанести моральный вред 0,37, задеть, уязвить чьи-либо чувства 0,09, выразить неуважительное, неприязненное отношение к кому-либо 0,08, обозвав 0,08 и высказав негативную оценку свойств и качеств личности кого-либо 0,07, вызывает негативную реакцию

0,02, является проявлением слабости 0,03, является проявлением невоспитанности 0,01.

СИЯ 1,17

2. Употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства

Унижить 0,42, обидеть, нанести моральный вред 0,37, задеть, уязвить чьи-либо чувства 0,09, выразить неуважительное, неприязненное отношение к кому-либо 0,08, употребив грубую, бранную и (или) нецензурную лексику в присутствии кого-либо 0,08, что вызывает негативную реакцию 0,02, является проявлением слабости 0,03, является проявлением невоспитанности 0,01.

СИЯ 1,10

3. Распространить порочащие сведения о ком-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства

Унижить 0,42, обидеть, нанести моральный вред 0,37, задеть, уязвить чьи-либо чувства 0,09, выразить неуважительное, неприязненное отношение к кому-либо 0,08, распространив порочащие сведения о ком-либо 0,02, что вызывает негативную реакцию 0,02, является проявлением слабости 0,03, является проявлением невоспитанности 0,01.

СИЯ 1,04

4. Ударить кого-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства

Унижить 0,42, обидеть, нанести моральный вред 0,37, задеть, уязвить чьи-либо чувства 0,09, выразить неуважительное, неприязненное отношение к кому-либо 0,08, ударив кого-либо 0,01, что характеризуется как действие человека, совершенное намеренно или случайно в ходе диалога, направленное на другого человека с целью разъяснения ситуации (или же ухудшения ее состояния) 0,01, а также воздействовать на человека против его воли и убеждений 0,01, вызывает негативную реакцию 0,02, является проявлением невоспитанности 0,01.

СИЯ 1,02

Сопоставление с лексикографическими значениями слова **ОСКОРБИТЬ** показывает, что в языковом сознании носителей актуализируется больше значений, чем в словарных источниках, более детально представлены семантические компоненты каждого значения.

На следующем этапе было проанализировано юридическое представление о значении слова **ОСКОРБИТЬ**.

Юридические значения сформулированы по данным текстового анализа юридических документов. В юридических актах слово *оскорбить* определяется из ст. 5.61 КоАП РФ, диспозиция которой содержит описание неправомерного поведения. Данной нормой права предусмотрена ответственность за *оскорбление*, то есть *унижение чести и достоинства*

другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Согласно Словарю по уголовному праву, «обязательным признаком объективной стороны преступления является способ унижения чести и достоинства другого человека – неприличная (т.е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. Таковы, например, нецензурные выражения, циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела». Исходя из данных разъяснений, *оскорбить* можно как словом, то есть речевыми действиями, так и поведением, то есть физическими действиями. При этом речевые действия выражаются в употреблении нецензурной лексики. Физические действия связаны с совершением непристойных действий, т.е. *оскорбление* в юридическом понимании имеет следующие значения:

1. *Высказывания, содержащие негативную оценку личности, выраженную в нецензурной форме.*

2. *Совершение непристойных действий (циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела, неприличный жест, удар).*

Результаты сопоставительного анализа лексикографических, психолингвистических и юридических значений слова *оскорбить* представлены ниже в Таблице.

Лексикографические значения <i>оскорбить</i>	Психолингвистические значения <i>оскорбить</i>	Юридические значения <i>оскорбить</i>
1. Крайне (тяжело) обидеть, крайне (тяжело) унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства; причинить моральный ущерб.	1. Высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства.	1. Высказывания, содержащие негативную оценку личности, выраженную в нецензурной форме
	2. Употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства.	
	3. Распространить порочащие сведения о ком-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства.	Ст. 128 УК РФ. Клевета. «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»

2. Осквернить, унижить чем-л. неподобающим	-	-
-	4. Ударить кого-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства.	2. Совершение непристойных действий: (циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела, неприличный жест, удар).

Первое лексикографическое значение лексемы **ОСКОРБИТЬ** «*Крайне (тяжело) обидеть, крайне (тяжело) унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства; причинить моральный ущерб*» соотносится с первыми тремя психолингвистическими значениями («*Высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства*», «*Употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства*», «*Распространить порочащие сведения о ком-либо, тем самым унижить, обидеть, уязвить чьи-либо чувства*») и первым юридическим значением «*Высказывания, содержащие негативную оценку личности, выраженную в нецензурной форме*». Данные значения объединяет речевой способ действия *оскорбить*. При этом отмечено, что психолингвистические значения в бытовом сознании выделяются по конкретному способу совершения речевых действий, направленных на *оскорбление*: высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо; употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику; распространить порочащие сведения о ком-либо.

Первые два психолингвистических значения («*Высказать негативную оценку свойствам и качествам личности кого-либо*», «*Употребить в присутствии кого-либо грубую, бранную и (или) нецензурную лексику*») соотносятся с первым юридическим значением «*Высказывания, содержащие негативную оценку личности, выраженную в нецензурной форме*». Эксперимент показывает, что в современном бытовом языковом сознании под **ОСКОРБИТЬ** понимается употребление любой лексики, выходящей за пределы стилистически нейтральной, нормативной лексики, вне зависимости, использована ли она в адрес конкретного лица или употреблена безадресно. В юридическом понимании *оскорбить*, во-первых, связано с употреблением лексики в адрес конкретного лица; во-вторых, употребленная лексика должна выражать негативную оценку; в-третьих, употребленная лексика должна относиться к нецензурной лексике, т.е. в бытовом сознании *оскорбить* как речевое действие – это более широкая категория, чем в юридическом понимании.

По данным психолингвистического эксперимента выявлено, что распространение порочащих сведений о ком-либо в бытовом понимании также входит в понятие *оскорбить* (третье психолингвистическое значение). Анализ юридических источников показал, что распространение порочащих сведений обозначает клевету, ответственность за которую предусмотрена ст. 128.1 УК РФ, следовательно, в бытовом сознании происходит смешение понятий *оскорбление* и *клевета*, которые близки между собой, так как связаны с выражением негативной оценки, но различаются языковыми средствами экспликации негативной оценки: оскорбление выражается в виде оценочных суждений в нецензурной форме, клевета – в виде высказываний, содержащих ложную информацию о каких-либо фактах действительности.

Четвертое психолингвистическое значение обозначает предельно конкретные действия – «ударить кого-нибудь» и входит во второе юридическое значение (*Совершение непристойных действий: циничные прикосновения к телу, плевков в лицо, срывание одежды с интимных частей тела, неприличный жест, ударить кого-либо*). Относительно действий, направленных на оскорбление, бытовое сознание ограничивается только лишь нанесением удара, когда же в юридическом понимании перечень данных действий более широкий.

Второе лексикографическое значение (*Осквернить, унизить чем-л. неподобающим*) не нашло своего подтверждения в бытовом сознании (по данным психолингвистического эксперимента) и в юридических источниках.

Таким образом, на примере сопоставительного анализа лексикографических, психолингвистических и юридических значений лексемы *оскорбить* становится очевидным, что описание значения слова разными методами дает возможность более полно представить семантический объем исследуемой лексемы. Отметим также, что сопоставительный анализ значений слова приобретает особую актуальность в разграничении значений слова в бытовом сознании и юридическом понимании.

Источники фактического материала

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА. – М, 2003.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая по состоянию на 21 мая 2021 г. – М.: Проспект, 2021. – 752 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195 – ФЗ (ред. от 01.07.2021).
5. Словарь русского языка: В 4-х т./ под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы 1981–1984. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 18.12.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц».
7. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. – М.: Бек, 1997.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н.Ф. Татьянченко. – М.: Альта-Пресс, 2005.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 2021 год. – М.: Эксмо-Пресс, 2021.

Е.И. Колесникова

Сопоставительное описание гендерной специфики семантики слова «человек»

Аннотация: В статье рассматривается проявление гендерной специфики семантики слова «человек».

Ключевые слова: семантика, гендер, сопоставление.

Abstract: The paper considers the forms of manifestation of gender specificity of the Russian word ЧЕЛОВЕК.

Key words: semantics, gender, comparison.

Целью данного исследования является выявление и сопоставление мужской и женской семантики слова «человек».

На первом этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «человек». Нами было опрошено 200 человек, из них 100 мужчин (в возрасте от 18 до 65 лет) и 100 женщин (в возрасте от 18 до 74 лет). Эксперимент проводился в письменной форме, время проведения эксперимента – 2021 г.

Результаты эксперимента были представлены в виде гендерных ассоциативных полей.

ЧЕЛОВЕК

Женское ассоциативное поле

ЧЕЛОВЕК 100: личность 18; животное 16; любимый, мужчина 5; искренний 4; настоящий, паук, природа, умный 3; амфибия, звучит гордо, индивид, красивый, мама, обезьяна, ум 2; Адам, веселый, влюбленный, друг, женщина, лицемерие, ложь, любой из нас, машина, мыслящий, неправда, он, пароход, правильный, прекрасный, самостоятельный, семья, собака, счастье, уверенный, умелый, хороший, я 1; отказ 3.

Мужское ассоциативное поле

ЧЕЛОВЕК 100: животное 16; разумный 14; хороший 8; богатый 7; мужчина 6; высокий, зверь, лжец, смертный 4; живой, жизнь 3; друг, злой, машина, смерть,

существо, творец 2; амфибия, жалкий, знатный, кожа, красивый, Ларин, мама, молодой, Николай II, паук, сверх, слова, тело, убийство, умный 1; отказ 0.

Анализ ассоциативных полей стимула ЧЕЛОВЕК показывает, что в состав полей входят как схожие реакции (Таблица 1), так и различные.

Таблица 1

Общие реакции мужчин и женщин на стимул ЧЕЛОВЕК

Реакции	Женщины	Мужчины
Различие частотности реакций на 5 и более пунктов		
хороший	1	8
Различие частотности реакций на 4 и менее пунктов		
умный	3	1
паук	3	1
мужчина	5	6
друг	1	2
амфибия	2	1
красивый	2	1
мама	2	1
машина	1	2
животное	16	16

Были зафиксированы также следующие эндемичные реакции:

- чисто женские реакции: *личность 18, любимый 5, искренний 4, настоящий 3, природа 3, звучит гордо 2, индивид 2, обезьяна 2, ум 2, Адам, веселый, влюбленный, женщина, лицемерие, ложь, любой из нас, мыслящий, неправда, он, пароход, правильный, прекрасный, самостоятельный, семья, собака, счастье, уверенный, умелый, я;*

- чисто мужские реакции: *разумный 14, богатый 7, высокий 4, зверь 4, лжец 4, смертный 4, живой 3, жизнь 3, злой 2, смерть 2, существо 2, творец 2, жалкий, знатный, кожа, Ларин, молодой, Николай II, сверх, слова, тело, убийство.*

На втором этапе исследования полученные ассоциативные результаты были подвергнуты семной и семейной интерпретации по методике семантической интерпретации экспериментальных результатов, описанной в работе И. А. Стернина и А. В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011, с. 139-143).

Были сформулированы гендерные психолингвистические значения слова ЧЕЛОВЕК.

Женские психолингвистические значения слова ЧЕЛОВЕК

1. Лицо как носитель качеств

Лицо 0,22 (*личность 18; индивид 2, он, я*), например, любимый 0,05 (*любимый 5*), мама 0,02 (*мама 2*), друг 0,01, Адам 0,01; бывает искренний 0,04 (*искренний 4*), умный 0,06 (*умный 3, ум 2, мыслящий*), красивый 0,02 (*красивый 2*), веселый 0,01, лживый 0,03 (*лицемерие, ложь, неправда*), влюбленный 0,01 (*влюбленный*), хороший 0,03 (*правильный, прекрасный, хороший*), самостоятельный 0,01, счастливый 0,01 (*счастье*), уверенный в себе 0,01 (*уверенный*), умелый 0,01 (*умелый*), имеет семью 0,01 (*семья*), является хозяином собаки 0,01 (*собака*).

СИЯ 0,57

Это был добрый человек.

2. Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами

Личность 0,20 (*личность 18; индивид 2*); умный 0,06 (*умный 3, ум 2, мыслящий*); обладает высокими моральными качествами 0,06 (*настоящий 3, правильный, прекрасный, хороший*).

Противоположно животное 0,16 (*животное 16*)

СИЯ 0,48

Воспитать замечательного человека.

3. Индивид

[Живое существо], индивид 0,05 (*индивид 2, он, любой из нас, я*), мужчина 0,06 (*мужчина 5, Адам*), женщина 0,01 (*женщина*); обладает разумом 0,06 (*умный 3; ум 2, мыслящий*); произошел от обезьяны 0,02 (*обезьяна 2*).

Противоположно: животное 0,16 (животное 16)

СИЯ 0,36

Человек – разумное существо.

Фразы 0,13: персонаж «человек-паук» 0,03 (*паук 3*); советский фильм «Человек-амфибия» 0,02 (*амфибия 2*); выражение из пьесы М. Горького «На дне» «Человек – это звучит гордо!» 0,02 (*звучит гордо 2*); образ из стихотворения В. Маяковского «человек-пароход» 0,01 (*пароход*); человек умелый 0,01 (*умелый*); царь природы 0,03 (*природа 3*); человек-машина 0,01 (*машина*)

Не интерпретируется: 0

Не актуально (отказ 3): 0,03

Мужские психолингвистические значения слова ЧЕЛОВЕК

1. Живое существо с разумом

Живое 0,06 (*живой 3, жизнь 3*) существо 0,04 (*существо 2, тело, кожа*), мужчина 0,10 (*мужчина 6*); обладает разумом 0,15 (*разумный 14, умный*), обладает речью 0,01 (*слова*), является смертным 0,07 (*смертный 4, смерть 2, убийство*), бывает высокий 0,04 (*высокий 4*), молодой 0,01 (*молодой*).

Противоположно животное 0,16 (*животное 16*), зверь 0,04 (*зверь 4*)

СИЯ 0,68

Человек – это разумное существо.

2. Лицо как носитель качеств

[Лицо], например, друг 0,02, Ларин 0,01, мама 0,01, Николай II 0,01; бывает умный 0,15 (*разумный 14, умный*), хороший 0,08 (*хороший 8*), богатый 0,07 (*богатый 7*), жестокий 0,04 (*зверь 4*), лживый 0,04 (*лжец 4*), злой 0,02 (*злой 2*), убивает 0,03 (*смерть*)

2, убийство), является творцом 0,02 (*творец* 2), знатный 0,01, красивый 0,01; вызывает жалость 0,01 (*жалкий*).

СИЯ 0,53

Это был очень суровый человек.

3. Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами

[Личность]; умный 0,15 (*разумный* 14, *умный*); обладает высокими моральными качествами 0,09 (*хороший* 8; *сверх*).

Противоположно животное 0,16 (*животное* 16), зверь 0,04 (*зверь* 4)

СИЯ 0,44

Воспитать замечательного человека.

Фразы 0,06: человек-машина 0,02 (*машина* 2); персонаж «человек-паук» 0,01 (*паук*); советский фильм «Человек-амфибия» 0,01 (*амфибия*), человек слова 0,01 (*слова*), сверхчеловек 0,01 (*сверх*)

Не интерпретируется 0

Не актуально 0

На третьем этапе исследования было проведено сопоставление гендерных психолингвистических значений слова «человек» (Таблица 2).

Таблица 2

Сопоставительное описание психолингвистических значений слова ЧЕЛОВЕК в мужском и женском языковом сознании

Женщины	Мужчины
1. Лицо как носитель качеств Лицо 0,22, например, любимый 0,05, мама 0,02, друг 0,01, Адам 0,01; бывает искренний 0,04, умный 0,06, красивый 0,02, веселый 0,01, лживый 0,03, влюбленный 0,01, хороший 0,03, самостоятельный 0,01, счастливый 0,01, уверенный в себе 0,01, умелый 0,01, имеет семью 0,01, является хозяином собаки 0,01. СИЯ 0,57	1. Лицо как носитель качеств [Лицо], например, друг 0,02, Ларин 0,01, мама 0,01, Николай II 0,01; бывает умный 0,15, хороший 0,08, богатый 0,07, жестокий 0,04, лживый 0,04, злой 0,02, убивает 0,03, является творцом 0,02, знатный 0,01, красивый 0,01; вызывает жалость 0,01 СИЯ 0,53
2. Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами Личность 0,20; умный 0,06; обладает высокими моральными качествами 0,06. Противоположно животное 0,16 СИЯ 0,48	2. Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами [Личность]; умный 0,15; обладает высокими моральными качествами 0,09. Противоположно животное 0,16, зверь 0,04 СИЯ 0,44

3. Индивид [Живое существо], индивид 0,05, мужчина 0,06, женщина 0,01; обладает разумом 0,06; произошел от обезьяны 0,02. Противоположно животное 0,16 СИЯ 0,36	3. Живое существо с разумом Живое 0,06 существо 0,04, мужчина 0,10; обладает разумом 0,15, обладает речью 0,01, является смертным 0,07, бывает высокий 0,04, молодой 0,01. Противоположно животное 0,16, зверь 0,04 СИЯ 0,68
Фразы 0,13: персонаж «человек-паук» 0,03; советский фильм «Человек-амфибия» 0,02; выражение из пьесы М. Горького «На дне» «Человек – это звучит гордо!» 0,02; образ из стихотворения В. Маяковского «человек-пароход» 0,01; человек умелый 0,01; царь природы 0,03; человек-машина 0,01	Фразы 0,06: человек-машина 0,02; персонаж «человек-паук» 0,01; советский фильм «Человек-амфибия» 0,01, человек слова 0,01, сверхчеловек 0,01
Не интерпретируется: 0 Не актуально (отказ 3): 0,03	Не интерпретируется 0 Не актуально 0

Прокомментируем результаты психолингвистического описания семантики слова «человек» в языковом сознании женщин и мужчин.

Семемная специфика

Семемная специфика проявляется, прежде всего, с точки зрения актуальности семем – на уровне яркости совокупного индекса яркости отдельных семем и структуры семантемы слова.

Для мужского и женского языкового сознания актуальны три семемы слова «человек»: 1. Индивид. 2. Личность, обладающая высокими моральными и интеллектуальными качествами. 3. Лицо как носитель качеств.

Для женщин ядерным значением слова «человек» является семема «Лицо как носитель качеств», для мужчин – «Живое существо с разумом». К ближней периферии женской семантемы относится значение «Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами», для мужчин – семема «Лицо как носитель качеств», дальнюю периферийную зону женской семантемы занимает значение «Индивид», у мужчин – семема «Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами».

В языковом сознании мужчин и женщин мало различаются по яркости (всего на 4 пункта) семемы «Лицо как носитель качеств» (СИЯ 0,53 и 0,57 соответственно) и «Личность, обладающая высокими моральными и

интеллектуальными качествами» (СИЯ 0,44 и 0,48 соответственно). Яркое различие по степени яркости отмечено у аналогичных семемы «Индивид» (женщины, СИЯ 0,36) / «Живое существо с разумом» (мужчины, СИЯ 0,68): в языковом сознании мужчин оно почти в 2 раза ярче, чем у женщин.

И для мужчин, и для женщин оказались не актуальными такие значения, как: 1. Единицы счета (*в классе десять человек*). 2. Некое лицо (*вас спрашивает какой-то человек*). 3. В России до 1917 г. дворовый слуга. 4. Официант, слуга в трактире. Два последних значения являются не актуальными для современного языкового сознания носителей языка, устаревшими. Два первых значения не были актуализованы в эксперименте, так для этого необходимы соответствующие контексты употребления.

Семная специфика

1. Мужские и женские значения «Лицо как носитель качеств» имеют как интегральные, так и дифференциальные семы.

Интегральные семы женщин и мужчин (всего 12 сем, общий индекс яркости – 0,48): друг 0,01 – 0,02; мама 0,02 – 0,01; умный 0,06 – 0,15; красивый 0,02 – 0,01; лживый 0,03 – 0,04; хороший 0,03 – 0,08.

Наиболее ярко представлены дифференциальные семы (всего 21 сема, общий индекс яркости – 0,62):

- чисто женские семы: лицо 0,22, например, любимый 0,05, Адам 0,01; бывает искренний 0,04, веселый 0,01, влюбленный 0,01, самостоятельный 0,01, счастливый 0,01, уверенный в себе 0,01, умелый 0,01, имеет семью 0,01, является хозяином собаки 0,01 (всего 12 сем, общий индекс яркости – 0,40);

- чисто мужские семы: Ларин 0,01, Николай II 0,01; бывает, богатый 0,07, жестокий 0,04, злой 0,02, убивает 0,03, является творцом 0,02, знатный 0,01; вызывает жалость 0,01 (всего 9 сем, общий индекс яркости – 0,22).

Дифференциальные семы преобладают как количественно (21 сема против 12 сем), так и по частотности (0,62 против 0,48), что свидетельствует о наличии гендерной специфики данного значения. Необходимо также отметить, что для женщин более актуальны позитивные качества человека (искренний, веселый, уверенный в себе, счастливый, самостоятельный и др.), а для мужчин – негативные качества человека (жестокий, злой, убивает, вызывает жалость).

2. В Мужских и женских значениях «Личность, обладает высокими моральными и интеллектуальными качествами» преобладают интегральные семы: сема «умный» в языковом сознании мужчин в 2,5 раза ярче, чем у женщин (0,15 и 0,06 соответственно), сема «обладает высокими моральными качествами» в 1,5 раза ярче у мужчин (0,09 и 0,06 соответственно). По яркости полностью совпадают оппозитные семы – «животное» (ИЯ 0,16).

Дифференциальные семы у мужчин представлены оппозитивной семой «зверь» (ИЯ 0,04), у женщин отмечена эндемичная сема – «личность», имеющая очень высокий индекс яркости, равный 0,20.

Всего у сопоставляемых значений выявлено 6 интегральных сем с общим индексом яркости, равным 0,68, и 2 дифференциальные семы с общим индексом яркости, равным 0,24 (почти в 3 раза меньше индекса яркости интегральных сем). Это свидетельствует о невысокой степени семантического различия в языковом сознании мужчин и женщин.

3. Гендерные семантические различия значений «Индивид» и «Живое существо с разумом» проявляются наиболее ярко. Отмечены интегральные семы женщин и мужчин (всего 8 сем, общий индекс яркости – 0,78): индивид 0,05 – живое существо 0,04; мужчина 0,06 – 0,10; обладает разумом 0,06 – 0,15; противоположно животное 0,16 – 0,16.

Дифференциальные женские семы (2 семы, ИЯ 0,03): женщина 0,01; произошел от обезьяны 0,02; дифференциальные мужские семы (5 сем, ИЯ 0,17): обладает речью 0,01, является смертным 0,07, бывает высокий 0,04, молодой 0,01; противоположно зверь 0,04.

При примерном количественном равенстве интегральных и дифференциальных сем (8 интегральных и 7 дифференциальных сем) степень их яркости различна: индекс яркости интегральных сем почти в 4 раза больше, чем общий индекс яркости дифференциальных сем, что позволяет говорить о достаточной семантической близости состава гендерных значений.

Сопоставительный анализ значений слова «человек» в языковом сознании мужчин и женщин позволяет сделать вывод о наличии гендерной семантической специфики, которая наиболее ярко проявляется на семном уровне.

Литература

1. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

М.Р. Махаев, А.В. Рудакова

Сопоставительное психолингвистическое описание семантики ойконима ВЛАДИКАВКАЗ в языковом сознании жителей Центральной России и Северного Кавказа

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию семантики слова ВЛАДИКАВКАЗ в языковом сознании жителей Центральной России и Северного Кавказа. Психолингвистическое описание семантики исследуемого слова осуществляется на материале данных свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, семантика, сопоставление, топоним.

Abstract: The paper is devoted to the comparative study of the semantics of the word VLADIKAVKAZ in the linguistic consciousness of the inhabitants of Central Russia and the North Caucasus. The psycholinguistic description of the semantics of the word under consideration is carried out on the basis of the data of a free associative experiment.

Key words: associative experiment, semantics, comparison, toponym.

Исследование посвящено исследованию региональной специфики семантики ойконима (наименования населенного пункта) ВЛАДИКАВКАЗ в языковом сознании носителей русского языка, проживающих в г. Воронеже (Центральная часть России) и в г. Грозный и г. Дербент (Северный Кавказ).

На первом этапе исследования были проведены психолингвистические эксперименты: свободный ассоциативный эксперимент (СЭЭ, стимул ВЛАДИКАВКАЗ) и два направленных ассоциативных эксперимента (НАЭ-1. ВЛАДИКАКАЗ – чем известен, знаменит? и НАЭ-2. ВЛАДИКАВКАЗ – где находится?).

В эксперименте приняли участие 330 жителей г. Воронежа и 100 жителей г. Грозный и г. Дербент; мужчины и женщины в возрасте от 16 до 30 лет, в основном студенты вузов разных курсов и специальностей. Были сформированы ассоциативные поля.

Далее для выявления и описания психолингвистического значения ойконима «Владикавказ» была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей каждого стимула. В данной работе приведем результаты анализа реакций свободного ассоциативного эксперимента. Каждая реакция интерпретировалась как вербализация конкретного семантического признака слова-стимула по методике, представленной в работе (Стернин, Рудакова 2011).

Описание психолингвистического значения слова осуществлялось по трафаретной модели, разработанной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Рудакова, Стернин 2015). Представим результаты психолингвистических экспериментов.

Центральная Россия (Воронеж)

СЭЭ ВЛАДИКАВКАЗ 330: горы 104; Кавказ 32; далеко 13; влад; город; юг 7; владик; кавказцы 6; Алания; минеральные воды 5; поезд; хачи 4; война; глаз; Эссентуки; кавказец; Кавказские горы; мост; нефть; Осетия; Северная Осетия; Северный Кавказ; страх; чурки 2; Азия; ара; Армения; Белаз; бокс; вино; Влад Гневушев; влад на Кавказе; влад; Владикавказ; Владимир кавказец; Владимир Мономах; влады; Вова; вода; воды; воздух; восток; высокие цены; гора; горный; город на юге России; Дагестан; далеко ехать; даль; достопримечательности; еда; ещё один Кавказ; жемчужина Кавказа; Кавказ, ближе к Ставрополю; Кавказ, борода; камаз; команда КВН; красивый город с развитой инфраструктурой; красивый город, невероятная природа, горы; крепость; криминал; леворулька; лето на дворе (песня); машины гонят; мечеть; Мяги и Эндшпиль; Молдавия и вот теперь Чечня; море; Москва; мужество; неандертальцы; низкий таз; обычный город; окраина России; очень сложно туда добраться; поездка; порт; правый руль; приора; р. Северная Осетия; ресурсы; самолёт; север; Северный Кавказ, Алания; сердце; солнце; спортивная

борьба; столица Северной Осетии; танец; тигр; тюрьма; чёрные; Чечня; чистый воздух; шашлык; широкие поля и горы; экстаз; What is love? 1; отказ 30. Неразборчивый почерк – 2

Чечня (г. Грозный)

САЭ ВЛАДИКАВКАЗ 100: горы 13; больница, Кавказ 11; Влад, Осетия, осетин 3; город, местность, природа, родные 2; Алания, большая река, бывшая одноклассница, Владикавказ, Владик, врачи, город на юге России, дорога, друзья, культурные люди, Линда, Мемориал Славы, минеральные воды, Мягяи и Эндшпиль, наши соседи, неизвестность, осетины, осетинские пироги, порядок, пироги, соседи по Кавказу, Ставрополь, столица, Северная исцеление, столица Республики Алания, точка, юг, хорошие больницы, хороший город 1; отказ 15.

Дагестан (г. Дербент)

САЭ ВЛАДИКАВКАЗ 100: Кавказ 14; горы 7; город, Осетия 5; Владик, Беслан 4; красота 3; машина, пироги, Зейгеланский водопад, хор 2; гора, красивейший город, красиво, Владикавказ, столица Осетии, владеи Кавказом, орел, дикобраз, Дагестан, Владимир, Руслан, слава, военная служба, друзья, брат, многонациональность, монумент Дружбы, мечеть Мухтарова, вода, чистый, осетинская водка 1; отказ 28.

Далее была выполнена семантическая интерпретация результатов психолингвистических экспериментов (методика И.А. Стернина и А.В. Рудаковой), сформулированы психолингвистические значения ойконома ВЛАДИКАВКАЗ в языковом сознании воронежцев, чеченцев и дагестанцев

Психолингвистические значения слова ВЛАДИКАВКАЗ

Центральная Россия (г. Воронеж)

Город 0,03 (*город 7, город на юге России, красивый город с развитой инфраструктурой, обычный город*), среди гор 0,33 (*горы 104, Кавказские горы 2, гора; горный; красивый город, невероятная природа, горы; широкие поля и горы*), находится на Северном Кавказе 0,12 (*Кавказ 32, Северный Кавказ 2, влад на Кавказе; ещё один Кавказ; жемчужина Кавказа; Кавказ, ближе к Ставрополю; Кавказ, борода; север; Северный Кавказ, Алания*), далеко от Центральной части России 0,05 (*далеко 13, далеко ехать; даль; очень сложно туда добраться*), на юге России 0,03 (*юг 7, город на юге России, окраина России*), рядом с Чечней 0,01 (*Чечня, Молдавия и вот теперь Чечня*), г. Ессентуки 0,01 (*Ессентуки 2*), туда едут на поезде 0,02 (*поезд 4, поезда*); является столицей Республики Осетия – Алания 0,04 (*Алания 5, Осетия 2, Северная Осетия 2, р. Северная Осетия, север; Северный Кавказ, Алания; столица Северной Осетии*); там проживают кавказцы 0,05 (*кавказцы 6, хачи 4, кавказец 2, чурки 2, ара, Владимир кавказец; чёрные*); там есть мост 0,01 (*мост 2*), нефть 0,01 (*нефть 2*), известен минеральными водами 0,02 (*минеральные воды 5, вода; воды*); красивый 0,01 (*красивый город с развитой инфраструктурой; красивый город, невероятная природа, горы*), с чистым воздухом 0,01 (*чистый воздух, воздух*); много машин 0,01 (*машины гонят, правый руль, леворулька, приора*); там была война 0,01 (*война 2*); вызывает страх 0,01 (*страх 2*);

менее 0,01: рядом с Дагестаном (*Дагестан*), Арменией (*Армения*), г. Ставрополь (*Кавказ, ближе к Ставрополю*); туда летают самолеты (*самолёт*); раньше был крепостью (*крепость*); жители носят бороды (*Кавказ, борода*); там есть достопримечательности (*достопримечательности*); там есть мечеть (*мечеть*), памятник в виде тигра (*тигр*); есть ресурсы (*ресурсы*); с развитой инфраструктурой (*красивый город с развитой инфраструктурой*), криминальный (*криминал*),

расположен на лоне красивой природы (*красивый город, невероятная природа, горы*), рядом есть море (*море*), порт (*порт*), широкие поля (*широкие поля и горы*), много солнца (*солнце*); известен вином (*вино*), национальными блюдами (*еда*), шашлыком (*шашлык*), национальными песнями (*на дворе (песня)*), национальными танцами (*танец*), представителями спортивной борьбы (*спортивная борьба*), представителями бокса (*бокс*), там высокие цены (*высокие цены*), есть команда КВН (*команда КВН*), есть тюрьма (*тюрьма*); известен дуэт Мияги и Эндшпиля (*Мияги и Эндшпиль*), жители отличаются мужественностью (*мужество*), там обнаружены поселения неандертальцев (*неандертальцы*); вызывает приятные чувства (*экстаз*).

То же, что Влад 0,02 (*влад 7*), Владик 0,02 (*владик 6*), менее 0,01 – Владикавказ

Ложные семы: менее 0,01 – находится в Азии (*Азия*), на востоке (*восток*)

СИЯ 0,92

Метаязыковые семы 0,02: образовано от имени Владимир 0,02 (*Владимир кавказец, Вова, влады, Владимир Мономах, влады*)

Не интерпретируются 9: *глаз 2, Влад Гневущев, Белаз, камаз, низкий таз, сердце, What is love?, Москва*

Не актуально (отказ 30): 0,09

Чечня (г. Грозный)

Город 0,04 (*город 2, город на юге России, хороший город*), расположен 0,03 (*местность 2, точка*) на Северном Кавказе 0,13 (*Кавказ 11, соседи по Кавказу, Северная исцеление*), на юге России 0,02 (*город на юге России, юг*), в окружении гор 0,13 (*горы 13*), является столицей Республики Осетия – Алания 0,06 (*Осетия 3, Алания, столица Республики Алания, столица*), находится рядом с Чечней 0,02 (*наши соседи, соседи по Кавказу*), г. Ставрополь 0,01 (*Ставрополь*), с красивой природой 0,02 (*природа 2*), с большой рекой 0,01 (*большая река*), есть дорога 0,01 (*дорога*), известен минеральными водами 0,01 (*минеральные воды*); с хорошими больницами 0,14 (*больница 11, хорошие больницы, Северная исцеление, врачи*); в городе порядок 0,01 (*порядок*), там живут осетины 0,04 (*осетин 3, осетины*), культурные люди 0,01 (*культурные люди*), родные люди 0,02 (*родные 2*), одноклассница 0,01 (*бывшая одноклассница*), друзья 0,01 (*друзья*), известен Мемориалом Славы 0,01 (*Мемориал Славы*), дуэтом Мияги и Эндшпиля 0,01 (*Мияги и Эндшпиль*), известен осетинскими пирогами 0,02 (*осетинские пироги, пироги*); хороший 0,01 (*хороший город*).

То же, что Влад 0,03 (*Влад 3*), Владик 0,01 (*Владик*)

СИЯ 0,82

Не интерпретируются 3: *Владикавказ, Линда, неизвестность*

Не актуально (отказ 15): 0,15

Дагестан (г. Дербент)

Город 0,06 (*город 5, красивейший город*), находится на Северном Кавказе 0,14 (*Кавказ 14*), в окружении гор 0,08 (*горы 7, гора*), является столицей Осетии 0,06 (*Осетия 5, столица Осетии*), рядом с Дагестаном 0,01 (*Дагестан*), с г. Беслан 0,04 (*Беслан 4*), с Зейгеланским водопадом 0,02 (*Зейгеланский водопад 2*); красивый 0,05 (*красота 3, красивейший город, красиво*), чистый 0,01 (*чистый*), многонациональный 0,01 (*многонациональность*), много машин 0,02 (*машина 2*), известен осетинскими пирогами 0,02 (*пироги 2*), осетинской водкой 0,01 (*осетинская водка*), минеральными водами 0,01 (*вода*), там есть монумент Дружбы 0,01, мечеть Мухтарова 0,01, хор 0,02 (*хор 2*); там живут брат 0,01 (*брат*), друзья 0,01 (*друзья*), там проходила военная служба 0,01 (*военная служба*); там есть орлы 0,01 (*орел*); известный многим 0,01 (*слава*).

То же, что Владик 0,04 (*Владик 4*)

СИЯ 0,67

Метаязыковая сема 0,02: означает «владей Кавказом» 0,01 (*владей Кавказом*), образовано от имени Владимир 0,01 (*Владимир*)

Не интерпретируются 3: *Владикавказ, Руслан, дикобраз*

Не актуально (отказ 28): 0,28

На следующем этапе было выполнено сопоставление психолингвистических значений слова ВЛАДИКАВКАЗ. Полученные данные представлены ниже в таблице.

Сопоставление психолингвистических значений ойконима ВЛАДИКАВКАЗ

Центральная Россия (г. Воронеж) 330 ии	Северный Кавказ	
	г. Грозный 100 ии	г. Дербент 100 ии
Город 0,03, среди гор 0,33, находится на Северном Кавказе 0,12, далеко от Центральной части России 0,05, на юге России 0,03, рядом с Чечней 0,01, г. Ессентуки 0,01, туда едут на поезде 0,02; является столицей Республики Осетия – Алания 0,04; там проживают кавказцы 0,05; там есть мост 0,01, нефть 0,01, известен минеральными водами 0,02; красивый 0,01, с чистым воздухом 0,01; много машин 0,01; там была война 0,01; вызывает страх 0,01; менее 0,01: рядом с Дагестаном, Арменией, г. Ставрополь; туда летают самолеты; раньше был крепостью; жители носят бороды; там есть достопримечательности; там есть мечеть, памятник в виде тигра; есть ресурсы; с развитой инфраструктурой, криминальный, расположен на лоне красивой природы, рядом есть море, порт,	Город 0,04, расположен 0,03 на Северном Кавказе 0,13, на юге России 0,02, в окружении гор 0,13, является столицей Республики Осетия – Алания 0,06, находится рядом с Чечней 0,02, г. Ставрополь 0,01, с красивой природой 0,02, с большой рекой 0,01, есть дорога 0,01, известен минеральными водами 0,01; с хорошими больницами 0,14; в городе порядок 0,01, там живут осетины 0,04, культурные люди 0,01, родные 0,02, одноклассница 0,01, друзья 0,01, известен Мемориалом Славы 0,01, дуэтом Мяги и Эндшпиля 0,01, известен осетинскими пирогами 0,02; хороший 0,01. То же, что Влад 0,03, Владик 0,01 СИЯ 0,82	Город 0,06, находится на Северном Кавказе 0,14, в окружении гор 0,08, является столицей Осетии 0,06, рядом с Дагестаном 0,01, с г. Беслан 0,04, с Зейгеланским водопадом 0,02; красивый 0,05, чистый 0,01, многонациональный 0,01, много машин 0,02, известен осетинскими пирогами 0,02, осетинской водкой 0,01, минеральными водами 0,01, там есть монумент Дружбы 0,01, мечеть Мухтарова 0,01, хор 0,02; там живут брат 0,01, друзья 0,01, там проходила военная служба 0,01; там есть орлы 0,01; известный многим 0,01. То же, что Владик 0,04 СИЯ 0,67

широкие поля, много солнца; известен вином, национальными блюдами, шашлыком, национальными песнями, национальными танцами, представителями спортивной борьбы, представителями бокса, там высокие цены, есть команда КВН, есть тюрьма; известен дуэт Мияги и Эндшипилы, жители отличаются мужественностью, там обнаружены поселения неандертальцев; вызывает приятные чувства. То же, что Влад 0,02, Владик 0,02, менее 0,01 – Владикавказ Ложные семы: менее 0,01 – находится в Азии, на востоке СИЯ 0,92		
Метаязыковые семы 0,02: образовано от имени Владимир 0,02	-	Метаязыковая сема 0,02: означает «владей Кавказом» 0,01, образовано от имени Владимир 0,01
Не актуально (отказ 30): 0,09	Не актуально (отказ 15): 0,15	Не актуально (отказ 28): 0,28

Сопоставление психолингвистических описаний семантики ойконима ВЛАДИКАВКАЗ в языковом сознании жителей Центральной России и Северного Кавказа показывает следующее.

Интегральные признаки: в языковом сознании представителей всех трех городов актуальны такие семантические параметры значения слова ВЛАДИКАВКАЗ, как:

- тип имени собственного – населенный пункт, город (данный признак более ярко представлен в языковом сознании жителей г. Дербент); столица Республики Осетия – Алания (данный семантический признак имеет примерно одинаковый индекс яркости у трех групп опрошенных);

- месторасположение города – Северный Кавказ (индексы яркости в трех группах испытуемых примерно одинаковы), среди гор (данный признак наиболее актуален для языкового сознания представителей Центральной

России – 0,33, у представителей Кавказа данный признак имеет индекс яркости в 2,5-3 раза ниже),

- жители города: для всех групп испытуемых данный параметр оказался актуальным, однако семантически он представлен по-разному (очень обобщенно у жителей г. Воронежа – кавказцы, без уточнения национальности; конкретно у жителей г. Грозный – осетинцы; в языковом сознании жителей г. Дербента представлен такой признак, как многонациональность);

- наличие минеральных вод (данный признак имеет невысокий индекс яркости, но представлен у всех групп);

- наличие достопримечательностей: данный параметр представлен в языковом сознании всех испытуемых, однако если для воронежцев важными являются мечеть, мост, порт, памятники, то для чеченцев более актуальны Мемориал Славы, дороги, а для дагестанцев – мечети, Зейгеланский водопад, Монумент Дружбы;

- национальные особенности владикавказцев: воронежцы отметили вино, шашлык, наличие национальных песен и танцев; для чеченцев и дагестанцев важными оказались осетинские пироги

Дифференциальные признаки, общие для двух групп опрошенных:

- на юге России, рядом с Чечней, с г. Ставрополь, с красивой природой (данные признаки актуальны только для языкового сознания воронежцев и чеченцев);

- рядом с Дагестаном, красивый, с чистым воздухом, много машин (данные признаки актуальны только для языкового сознания воронежцев и дагестанцев)

Эндемичные дифференциальные признаки:

- признаки, актуальные для языкового сознания только воронежцев: находится далеко от Центральной части России, рядом с г. Ессентуки; важным для воронежцев является вид транспорта, которым можно добраться до Владикавказа (туда едут на поезде, летят на самолете); красивая природа, много солнца; криминальный характер жизни, развитая инфраструктура города, высокие цены, исторические сведения – был раньше крепостью, на его территории была война, найдено поселение неандертальцев; воронежцам Владикавказ известен также командой КВН, представителями спортивной борьбы и бокса;

- признаки, актуальные для языкового сознания только чеченцев: отмечено наличие хороших больниц, врачей (индекс яркости признака равен 0,14), высокая культура жителей города, порядок, наличие дорог, реки;

- признаки, актуальные для языкового сознания только дагестанцев (их немного): представители данной группы указали на расположение рядом г. Беслан, наличие хора, орлов.

Сравнение коннотативного компонента показывает, что для воронежцев характерно двойственное отношение к г. Владикавказу (вызывает как страх, так и приятные чувства), для чеченцев – одобрительное отношение к городу (хороший), а дагестанцы отметили только наличие известности ойконима (слава).

Все три группы испытуемых указали синонимичные единицы – разговорные варианты номинации города: *Владик, Влад*.

Только у воронежцев отмечены ложные семы: находится в Азии, на востоке.

Вызывает интерес и сопоставление количества отказов в эксперименте: наименьшее количество у воронежской группы (менее 10%), у чеченцев – 15%, наибольшее количество отказов – у дагестанцев (почти 30%). Причины этого требуют дополнительного исследования.

Таким образом, исследование показывает, что при достаточной семантической близости у имени собственного ВЛАДИКАВКАЗ выявляется региональная специфика. В дальнейшем было бы интересным сопоставить результаты и других экспериментов, а также провести дополнительно эксперимент с четвертой группой – жителями Владикавказа и сопоставить его результаты с уже полученными.

Литература

1. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – Lambert Academic Publishing : Saarbrücken, 2011.
2. Рудакова А.В., Стернин И.А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 100-108.

Д.В. Утицких

Сопоставительное исследование ассоциативных полей слов *глаз* и *eye*

Аннотация: В статье исследуется национальная специфика ассоциативных полей слов *глаз* и *eye*, входящих в частотное ядро русского и английского языков. Анализируется структура полей и семантические признаки слов-стимулов, объективируемые в ассоциатах.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, ассоциат, национальная специфика.

Abstract: The paper examines the national peculiarities of the associative fields of the words *глаз* and *eye*, which are part of the frequency core of the Russian and English languages. The structure of fields and semantic features of stimulus words objectified in associates are analyzed.

Key words: associative field, associative experiment, associate, national peculiarity.

Сопоставительные исследования одноименных ассоциативных полей разных языков представляют большой интерес с точки зрения выявления национальной специфики языкового сознания народов. В этом плане мы обратились к анализу структуры и содержания ассоциативных полей слов, входящих в частотное ядро русского и английского языков. Из первых 100 наиболее частотных существительных в русском языке (Ляшевская, Шаров 2009), а в английском языке – по данным корпуса современного американского английского языка (СОСА) было выделено 60 лексем, совпадающих в обоих сравниваемых языках по основному значению.

С рассматриваемыми словами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 200 носителей русского языка и 200 носителей американского варианта английского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Из полученных в эксперименте ассоциатов сформированы ассоциативные поля стимулов, которые подлежат дальнейшему изучению.

Мы пользуемся общепринятой методикой проведения ассоциативных экспериментов и обработки их результатов, а также методом когнитивной интерпретации результатов психолингвистических исследований, описанном И.А. Стерниным (Стернин 2020).

Сопоставление ассоциативных полей (АП) осуществлялось по следующим параметрам: 1) семантические признаки слов-стимулов, отраженные в АП; 2) частеречная структура АП; 3) эндемичные реакции; 4) содержательное наполнение ядра и периферии АП слов-стимулов в языках сравнения.

В результате семантической интерпретации нами были выделены семантические признаки слов-стимулов. В целях экономии места мы не даем здесь полный состав АП, а представляем ассоциаты, уже сгруппированные по соответствующим семантическим признакам, получившим в них объективацию.

Рассмотрим семантические признаки, представленные в АП *ГЛАЗ*, расположив их по степени яркости и полноты представленности.

Цвет глаз: 47 (голубой 16; зеленый 9; карий, цвет 6; синий 5; зеленые 2; белый, голубые, шоколадный 1).

Острота зрения: 30 (алмаз 11; очки 4; зоркий 2; линза, линзы, меткий, наметан, окулист орлиный, острый, острый взор, слепота, сокол, соколиный, стекло, яркость 1).

Строение глаза: 23 (веко, зрачок 6; ресница 4; яблоко 3; орган, радужка, ресницы, сетчатка 1).

Часть лица: 23 (нос 11; рот 6; лицо 2; бровь, губы, ухо, что-то и голова 1).

Функция: 19 (зрение 10; видит 4; видеть 3; визуал; зрительная память 1).

Действия: 6 (держится 3; моргает 2; слежка 1).

Выражение глаз/взгляда: 5 (с поволокой, умный, острый взор, мысль, смотреть в душу 1).

Состояние: 4 (*мокрый; болит; горит; отекает 1*).

Направленность зрения: 4 (*взгляд; взор; смотреть, смотрит 1*).

Расположение: 2 (*правый, третий 1*).

Форма: 2 (*узкий 2*).

Размер: 1 (*большой 1*).

Внешнее воздействие: 1 (*ударить 1*).

Принадлежность: 1 (*мой 1*).

Синонимические реакции: 9 (*око 9*).

Фразеологические реакции: 14 (*алмаз 11* (глаз-алмаз); *не оторвать 1* (глаз не оторвать); *душа 1* (глаза – зеркало души); *стекло 1* (свой глаз-алмаз, чужой– стекло)).

Прецедентный текст 3: (*песня Фейса* (репер), *бог, бога 1* (Глаз Бога– платформа по поиску информации из различных источников)).

Оценка: одоб. 3 (*красивый, красота, не оторвать 1*).

Не интерпретируется: 4 (*банка, вечность, снимок, стрела 1*).

Приведем семантические признаки лексемы **EYE**.

Функция: 42 (*see 28; vision 4; contact 3*(зрит.контакт); *contacts 2; to see, the way you see, watch, seeing, reading 1*).

Строение глаза: 36 (*ball 20; eyelash, pupil 3; lid 2; balls, eye socket, eyelid, lash, lashes, ocular, pupal, iris 1*).

Цвет глаз: 32 (*color 13; brown 12; blue 2; blue-eyed ayron; black, brown eyes, green, red 1*).

Острота зрения: 27 (*glasses 18; doctor 3; blind 2; concrete, eagle, quality, wear 1*).

Направленность зрения: 22 (*sight 15; look 6, eye_catching 1*).

Часть лица: 14 (*nose 4; body, face 3; ear, body part, brow, head 1*).

Принадлежность: 3 (*pupil 3*).

Форма глаза: 1 (*round 1*).

Действие: 1 (*blink 1*).

Расположение: 1 (*left 1*).

Состояние: 1 (*sore 1*).

Внешнее воздействие: 1 (*wash 1*).

Прецедентный текст: 4 (*sharingan* (из аниме: глаз, предугадывающий действия противника), *beholder, of the beholder* (компьютерная игра), *blue-eyed ayron, concrete* (реп.песня) 1).

Фразеологические реакции: 1 (*pharaoh eye 1*).

Не интерпретируется: 3 (*cream, life, under 1*).

Отличительной особенностью слова-стимула *eye* является его высокая словообразовательная активность в английском языке. Так, в словаре Longman (Longman 2008, с.553 – 554) отмечено 13 сложных слов с первой частью *eye*. Закономерно, что в реакциях носителей языка это нашло отражение – в наших ассоциатах представлены 9 из них.

Количественно на долю второй части сложных слов приходится половина полученных в эксперименте ассоциатов, например, *(eye)_ball* 20, *(eye)_sight* 15, также есть сложные слова целиком, например, *eyelash* 3. Здесь и далее нижним подчеркиванием (_) обозначаются те лексемы, которые были приведены носителями языка в качестве второй части сложного существительного со словом *eye*; слитно написаны слова, данные носителями целиком. Приведем весь список: *eye_ball* 20, *eye_sight* 15, *eyelash* 3, *eyeball*, *eye_sore* 2, *eye_lid* 2, *eye_balls*, *eye_brow*, *eyebrow*, *eyebrows*, *eyelid*, *eye_lash*, *eye_lashes*, *eye_wash*, *eye_wear* 1. В русском языке данный феномен не представлен.

Сопоставление признаков показывает, что при значительной общности их состава (совпадают 14 из 18 признаков), они различаются по количеству ассоциатов и их семантике. Для каждого признака был вычислен индекс яркости по методике И.А. Стернина как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых (Стернин, Рудакова 2011, с. 99). Для носителей русского языка самым ярким является признак *цвет глаз* 47 (ИЯ 0,23), для американцев – *функция глаза* 42 (ИЯ 0,21); на втором месте у русских – *острота зрения* 30 (ИЯ 0,15), у американцев – *строение глаза* 37 (ИЯ 0,19); на третьем – у русских *строение глаза* и *часть лица* 23 (ИЯ 0,11), у американцев – *цвет глаз* 32 (ИЯ 0,16). В реакциях американцев ярче, чем в русских, представлен признак *направленность зрения*: амер. ИЯ 0,1; рус. ИЯ 0,02. В русских ассоциатах более яркими являются признаки: *действие* (рус. ИЯ 0,03 – амер. ИЯ 0,01), *выражение глаз* (рус. ИЯ 0,02 – амер. ИЯ 0,01), *состояние* (рус. ИЯ 0,02 – амер. ИЯ 0,01). Содержательно более всего отличается признак *цвет глаз*. В русских ассоциатах заметно преобладание *голубого* 17, *зеленого* 11 цвета, а в американских ассоциатах доминирует *коричневый цвет* 13. Отметим также своеобразие ассоциатов в признаке *острота зрения*. В ответах русских респондентов бросается в глаза использование метафорических ассоциатов (*орлиный, острый, острый взор, сокол, соколиный* 1), а также отсылки к фразеологизму – *алмаз* 11 (глаз–алмаз) и поговорке – *стекло* 1 (свой глаз – алмаз, чужой – стекло).

Национальная специфика ярко проявляется и в прецедентных текстах, которые назвали респонденты. Интересно, однако, что в качестве прецедентных текстов и русские, и американцы используют современные объекты: тексты реперов, компьютерные игры, мультфильмы, что можно объяснить возрастом испытуемых.

Сопоставление частеречной структуры русского и английского ассоциативных полей *глаз* и *eye* показало, что они содержат единицы разных частей речи.

Русское АП включает в свой состав 50 разных существительных, в том числе 4 именных словосочетания (122 реакции), 20 прилагательных (55

реакций), 13 глаголов (21 реакция), в том числе одно глагольное сочетание, а также по одному местоимению и наречию.

Английское АП включает 28 разных существительных (79 реакций), 11 существительных, являющихся второй частью сложносоставных слов (54 реакции); 10 прилагательных (24 реакции); 5 глаголов (38 реакций); по одному местоимению и наречию.

Очевидно, что основу одноименных ассоциативных полей в сравниваемых языках составляют именные части речи – существительные и прилагательные. Доля глаголов незначительна, единичными примерами представлены местоимения и наречия.

Анализ национальной специфичности реакций выявил следующее.

Наиболее ярко среди русских национально-специфичных реакций представлены признаки: *острота зрения*: рус. 25 ассоциатов (алмаз 11; зоркий 2; линза, линзы, меткий, наметан, орлиный, острый, острый взор, слепота, сокол, соколиный, стекло, яркость 1) – англ. 7 ассоциатов (blind, sore 2; concrete, quality, wear 1), т.е. в три раза меньше; *часть лица*: рус. 10 (рот 6, лицо 2, губы, что-то и голова 1) – англ. 1 (часть тела 1); *выражение глаз/взгляда*: рус. 5 (с поволокой, умный, острый взор, мысль, смотреть в душу 1) – англ. нет; *действия*: рус. 6 (дергается 3; моргает 2; слежка 1) – англ. нет; *состояние*: рус. 4 (мокрый; болит; горит; отекает 1) – англ. 2 (sore 2). В английском АП ярче, чем в русском представлена эндемичность содержания признака *функция глаза* 6 (contact 3 (зрит.контакт); contacts 2; reading 1), в то время как в русском АП признак *функция глаза* представлен только одной реакцией.

На следующем этапе исследования была определена структура АП слов-стимулов в двух языках на основе принципа частотности. Представим полученные поля.

ГЛАЗ

Ядро поля: голубой 16; алмаз, нос 11.

Ближняя периферия: зрение 10; зеленый, око 9; веко, зрачок, карий, рот, цвет 6; синий 5; видит, очки, ресница 4; видеть, дергается, яблоко 3.

Дальняя периферия: бог, бога, зеленые, зоркий, лицо, моргает, орган, радужка, ресницы, узкий 2.

Крайняя периферия: банка, белый, болит, большой, бровь, вечность, взгляд, взор, вид, визуал, глаз, глаза, глазок, голубые, горит, губы, душа, зрительная память, красивый, красота, линза, линзы, меткий, мой, мокрый, мысль, наметан, не оторвать, окулист, организм, орел, орлиный, острый, острый взор, отекает, песня фейса, правый, руки, с поволокой, свыше, сетчатка, слежка, слепота, смотреть, смотреть в душу, смотрит, снимок, сокол, соколиный, стекло, стрела, третий, ударить, умный, ухо, что-то и голова, шоколадный, яркость 1.

EYE

Ядро поля: see 28; ball 20; glasses 18; sight 15; color 13; brown 12.

Ближняя периферия: look 6; nose, vision 4; body, contact, doctor, eyelash, face, pupil 3.

Дальняя периферия: blind, blue, contacts, ear, eye, eyeball, lid, sore, view 2.

Крайняя периферия: balls, beholder, black, blink, blue-eyed aryon, body part, brow, brown eyes, catching, classroom, concrete, cream, eagle, exam, eye socket, eyebrow, eyebrows, eyelid, fly, green, head, i, iris, lash, lashes, left, life, ocular, of the beholder, pharaoh, pupal, quality, reading, red, round, seeing, sharingan, site, the way you see, to see, under, wash, watch, wear 1.

Анализ показал, что в ядре поля *глаз* в русском языковом сознании актуализируются такие признаки, как *цвет глаз 16, острота зрения и часть лица 11*. У носителей английского языка в ядре содержится большее количество разных признаков (5), которые представлены большим количеством ассоциатов: *функция 28, цвет глаз 25, строение 20, острота зрения 18, направленность зрения 15*.

Реакции в ближней периферии говорят о том, что для русских важны те же признаки, что и в ядре: *цвет 26, часть лица 17*, менее выражен признак *острота зрения 4*; добавляются признаки *строение 19, функция 17, и действие 3*. В ближней периферии американского АП также актуальны ядерные признаки: *функция 13, строение 6, острота зрения 3*; добавляется признак *часть лица 7* и нет признака *направленность зрения*.

Подводя итоги сопоставления, можно сделать следующие выводы о национальной специфике АП *глаз* и *eye*. В русском АП наиболее ярким является признак *цвет глаз*, представленный лексемами *голубой и зеленый*. В американском АП самый яркий признак – *функция глаза*. Эти же признаки доминируют в частотном ядре АП *глаз* и *eye*. Другие яркие семантические признаки, получившие отражение в ядре и ближней периферии рассмотренных АП, позволяют говорить о том, что в русском языковом сознании более выражены качественные характеристики слова-стимула: *действие, состояние, выражение глаз*, а в американском языковом сознании ярче представлены прагматические свойства: *строение глаза, направленность зрения*.

В частеречной структуре русского и американского полей отмечаем сходство в абсолютном преобладании именных частей речи над другими. Вместе с тем нельзя не отметить, что русское АП является более разнообразным по составу ассоциатов, чем английское, в нем больше абсолютное количество прилагательных и глаголов.

Эндемичность реакций русского АП в 1,6 раза выше, чем в американском АП. Обращает на себя внимание не только количество реакций, но и их качество. В русских ассоциатах значительна доля метафорических ассоциаций и аллюзий на фразеологизмы.

В структуре АП *глаз* и *eye* выявлены различия в составе ядра: в американском поле оно более обширное и многообразное по признакам (96 ассоциатов, 5 признаков), в русском АП ядро более компактное (38 ассоциатов и 3 признака); ближняя периферия соответственно богаче в

русском поле (78 ассоциатов, 6 признаков), а в американском менее разнообразна (26 ассоциатов, 4 признака). Предполагаем, что это может быть свидетельством большей стереотипизированности американских реакций по сравнению с русскими.

Таким образом, сопоставительно-семантическая интерпретация данных проведенного свободного ассоциативного эксперимента дает материал для выявления национальной специфики ассоциативных полей.

Литература

1. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 2008. – С. 553-554.
2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
3. COCA – Corpus of Contemporary American English, <https://www.english-corpora.org/coca/>
4. Стернин И.А. Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.
5. Стернин И.А./ Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 45. – С.111-125.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования текста

Л.С. Ефремова, Г.В. Лашкова

Русские и английские шутки: к проблеме сопоставительного анализа

Аннотация: В статье характеризуются факторы, влияющие на формирование и развитие категории комического, а также её свойства. В сопоставительном плане исследуется шутка как одно из проявлений категории комического в культурах разных народов. Анализируются шутки про ситуацию в баре в англоязычной и русскоязычной культурах, определяются их общие черты и отличия, реализуемые через стереотипы и ключевые образы этих культур.

Ключевые слова: культура, категория комического, шутка, сопоставительный анализ, стереотип.

Abstract: The paper characterises the factors which cause the formation and further development of comic category and its properties. The joke is comparatively studied as one of the phenomena of comic category in different cultures. The bar jokes in the English-speaking and Russian-speaking communities are analysed, their general and particular features which are realised in stereotypes and key images of both cultures are defined.

Key words: culture, comic category, joke, comparative analysis, stereotype.

Ещё с античных времён философы пытались определить параметры комического, а также проанализировать взаимосвязь и взаимовлияние

юмора и разных сторон человеческой жизни: от повседневного быта, человеческих отношений и набора стереотипов до географических, исторических, культурных, узкопрофессиональных и других феноменов.

Н.В. Ширяева выделяет следующие факторы, обуславливающие категорию комического: антропологический, культурный или национально-традиционный, лингвистический, социальный, гендерный и фактор окружающей среды. Каждый народ по-своему понимает окружающую действительность и выбирает не только темы, которые являются для носителей данной культуры смешными, но и лингвистические средства их выражения. Комическое не может существовать за пределами социума, поэтому значение для комического имеют как разнообразные социологические параметры (социальный статус, уровни образования и дохода, увлечения, политическая позиция, гендерный фактор), так и выбор говорящими того или иного варианта языка: официальный язык, диалект, просторечие, профессиональный подъязык и т.д. (Ширяева 2015, с. 2-3). Что касается фактора окружающей действительности, то, как отмечает М.М. Бахтин, на раннем этапе зарождения культуры восприятию мира соответствует некая двойственность, вследствие чего в основе природы комического лежит отражение реального мира в кривом зеркале (Бахтин, 2021 с. 8). Кроме этого, комическое создается в результате нарушения дихотомии «реальная информация vs. прогнозирование».

Являясь предметом междисциплинарного исследования, данная категория обладает такими характеристиками, как философско-этическая, социокультурная, биопсихологическая и лингвистическая. Соответственно типы комического могут быть проанализированы с применением разнообразных критериев:

1) эстетический: объект комического, соотношение комического объекта с идеалом;

2) социальный: степень злободневности, степень критичности;

3) биопсихологический: степень эмоциональной насыщенности, интенсивность выражения эмоций, характер выражаемых эмоций, степень агрессивности;

4) лингвистический: степень интеллектуальности, степень негативности, характер выражения оценки, степень понимания адресатом комического, степень контраста планов выражения и содержания (Ширяева 2015, с. 5).

Как уже было отмечено, особое место занимают культурные особенности того или иного народа, национальная и индивидуальная картины мира. Разумеется, с течением времени в категории комического отмечаются изменения, и их фиксация происходит в каждом отдельном языке определённым образом. Тем не менее, существуют общие темы, юмористические тексты на которые встречаются у нескольких народов. Процесс глобализации, а также развитие международного общения в

социальных сетях активно способствуют проникновению элементов общих тем комического в национальные и индивидуальные юмористические тексты разных жанров, образуя некоторые группы, к которым могут относиться и меташутки.

Практическим материалом в рамках данного фрагмента исследования послужили шутки «Заходит(-ят) в бар...» и «...walk(s) into a bar» с сайтов www.thrillist.com, www.barsandbartending.com, www.vse-shutochki.ru и www.anekdoty.ru (*исходные орфография и пунктуация сохранены – прим. Л.С. Ефремовой и Г.В. Лаишковой*). Отметим, что в некоторых источниках (www.thrillist.com) у шуток есть своеобразные заголовки, что также требует проведения определённого анализа, и представляет собой перспективу дальнейшего исследования.

Согласно мнению некоторых учёных, многие юмористические тексты интертекстуальны, т.к. могут содержать в себе ту или иную информацию из ранее созданных текстов или имплицитно указывать на какое-либо событие или на какую-то известную личность (Kristeva 1980, Tsakona 2018). При этом меташутки могут отсылать к самим себе, а также иметь стандартный зачин шуток на какую-либо тему, чтобы другие участники коммуникации узнали эту модель, а затем наблюдается резкий «слом» прогнозируемого финала шуток. В результате «автор» шуток может рассказывать одновременно две шутки (Kelley 2015).

В ходе анализа практического материала и в английском, и в русском языках были обнаружены примеры двух шуток в одной или self-referential jokes:

1. A priest, a rabbi, and a minister walk into a bar. The bartender looks up and says, “Hey, what is this – some kind of joke?”

2. Заходят в бар: американец, немец и русский.

Бармен, увидев это: “Твою мать. Опять кто-то анекдот рассказывает!”

В данном случае выбор авторами подобного конца шуток может быть продиктован тем, что вариантов сюжетных продолжений шуток на тему столкновения людей разных религиозных или политических взглядов, а также представителей разных национальностей и, соответственно, носителей разных культур, может быть довольно много вследствие слишком большого количества различий между участниками конкретной ситуации. Данный вид шуток комичен уже на стадии зачина, и, конечно, слушатель или читатель не предполагает такое завершение юмористического текста, или в данном случае меташутки, т.е. отсылки самой шутки на тот факт, что данный текст уже является шуткой.

Что касается шуток, где центральной фигурой является знаменитая и известная личность, то среди материала на русском языке были выявлены такие персоны, как руководитель партии «КПРФ» Г.А. Зюганов и советский разведчик Штирлиц:

1. Заходят в бар коммунист, капиталист, православный и атеист.

Бармен: Здравствуйте, Геннадий Андреич.

2. Штирлиц вошел в бар.

- Дайте-ка мне водочки.

- Херр Штирлиц, а у нас ее нет.

- Ну, тогда коньячку.

- И его тоже нет...

- Ну ладно – тогда пивка.

- Херр Штирлиц, у нас уже два дня нет ничего спиртного.

"Связной прибыл" – догадался Штирлиц.

В русской культуре предметом шуток и анекдотов часто оказываются представители власти, поскольку в России народ не доверяет чиновникам и считает, что политические деятели редко помогают простым жителям. Комический эффект в шутке с Г.А. Зюгановым достигается за счёт логических противоречий совмещаемых понятий, которые являются диаметральной противоположностью друг другу: коммунист и капиталист, православный и атеист.

Штирлиц же – вымышленный персонаж, герой произведений советского писателя Юлиана Семёнова, конструированию его образа способствовали реальные прототипы, имена и непосредственная деятельность которых были строго засекречены. Штирлиц является важным образом в русской культуре, поскольку его популярность и узнаваемость на постсоветском пространстве не вызывает никаких сомнений, поэтому юмористические тексты с ним являются одной из актуальных тем нашей культуры комического. Кроме этого, в вышеуказанной шутке для создания юмористического эффекта используется стереотип о русских, которые употребляют большое количество алкоголя.

В ходе сбора практического материала шуток с важными фигурами для англоговорящих носителей не было обнаружено, однако это не отменяет тот факт, что шутки со знаменитыми членами англоговорящего сообщества на английском языке существуют.

В отличие от английских шуток, в русских юмористических текстах был отмечен ещё один стереотип – возрастной:

1. Заходят как-то в бар автоэксперт, политолог и экономист, а им бармен с порога:

- Алкоголь до 18 не продаём!

2. Заходят как-то социопат, нигилист и уставший от жизни циник в бар. А бармен им:

- У нас спиртное только с 18 лет.

В настоящее время молодёжь особенно остро пытается самоутвердиться и казаться если не умнее, то хотя бы на одном уровне знаний со «взрослыми» людьми, которые на самом деле работают автоэкспертами, политологами и экономистами. Эта возможность появилась у молодых людей благодаря доступности различных материалов и документов в

Интернете, однако, к сожалению, молодёжь далеко не всегда верифицирует источники, поэтому и качество их знаний намного ниже, чем у квалифицированных специалистов. Также у молодых людей отсутствует практический опыт в вышеуказанных областях, ведь далеко не всегда теория подтверждается на практике, и, таким образом, они ведут беседы, будучи оторванными от реальности, что и вызывает смех как у профессионалов данных областей, так и любых работающих людей.

Во второй шутке высмеивается разочарованность в жизни молодых людей, которые за некоторым исключением зачастую ещё не сталкивались с серьёзными трудностями, но уже устали от жизни. Определённый вклад в конструирование такой «моды» и формирование ролевой модели, популярной среди некоторых групп молодёжи, внесли книги, фильмы и сериалы, в которых главные герои представлены социопатами (например, современная версия Шерлока Холмса в одноимённом британском сериале), нигилистами (в русской культуре это, прежде всего, Евгений Базаров из романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева или, например, Растин Коул из американского сериала «Настоящий детектив»), циники (самые известные представители – Евгений Онегин, Григорий Печорин в русской культуре и, например, Доктор Хаус из одноимённого сериала в американской культуре).

На материале английского языка была обнаружена шутка, которая строится на стилистическом приёме олицетворения представителя не животного мира, а другого царства – грибов:

1. A mushroom walks into a bar and orders a drink, but the bartender yells at him to get out before he stinks up the place. The mushroom looks taken aback and says, “Why? I’m a fun guy.”

Что касается олицетворения животных, то человек стал придавать животным характерные поведенческие черты ещё с древности. Так, мифология Древнего Египта является ярким примером этому. Впоследствии героями басен Ж. де Лафонтена и И.А. Крылова также становились животные, которые вели себя как люди, да и сами басни строились по принципу иронии над поступками животных-людей. Так что шутки, в которых главными действующими «лицами» являются животные, довольно распространены во многих культурах. В связи с этим использование в вышеуказанной шутке представителя другого царства кажется ещё более непредсказуемым, поэтому и предугадать, каким именно образом будет выстраиваться эта шутка далее, проблематично, оттого и возрастает комический эффект данного юмористического текста. И, конечно, слушатель/читатель вряд ли сможет предположить, что гриб, во-первых, что-то ответит, а, во-вторых, скажет, что он забавный парень.

В русском же языке олицетворение грибов или растений в подобных ситуационных шутках выявлено не было.

Итак, в ходе сопоставительного анализа шуток «...walk(s) into a bar» в английском языке и «Заходит(-ят) в бар...» в русском языке были выявлены как общие черты (локационно-ситуационный «сценарий» построения шуток; конструирование меташуток с данным сюжетом; сам факт использования стереотипов), так и отличия. В материале на английском языке было отмечено употребление стереотипов о представителях разных религиозных конфессий (a priest, a rabbi) и нетипичных объектов, подвергшихся олицетворению (a mushroom). В русских же шутках в рамках данного материала было выявлено употребление актуальных для нашей культуры реальных (Г.А. Зюганов) и вымышленных (Штирлиц) личностей, а также возрастного стереотипа.

Таким образом, как показало проведённое исследование, изучение такого феномена, каким является комическое в жизни общества вообще и каждой отдельной культуры в частности (например, англоязычной и русскоязычной), представляется плодотворным и перспективным, т.к. категория комического универсальна для всего человечества, некоторые темы и формулы построения юмористических текстов, в частности шуток, представляются общими для разных культур, однако для конструирования этих шуток используются разные субтемы, актуальные явления и личности какой-либо культуры, а также разные способы выражения комического эффекта с помощью средств разных языковых уровней.

Литература

1. Kelley, G. "The Joke's on us". An analysis of metahumour // *The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World*. – Utah State University Press, 2015. – P. 205–220
2. Kristeva, J. *Desire in Language*. – New York: Columbia University Press, 1980.
3. Tsakona, V. Intertextuality and/in political jokes // *Lingua*203, 2018. – P. 1–15.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – Москва, 2021.
5. Ширяева Н.В. Категория комического и возможности ее анализа в рамках когнитивно-дискурсивного подхода // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – Москва, 2015. – № 12–1. – С. 175–181.

И.С. Харитонова

Невербальное оформление немецких и русских продвигающих текстов (сопоставительный аспект)

Аннотация: В статье представлен результат сопоставительного анализа невербального оформления обложек продвигающих текстов художественной литературы для детей и юношества в Германии и России.

Ключевые слова: невербальное оформление, продвигающие тексты, Германия, Россия, сопоставление.

Abstract: The paper presents the result of a comparative analysis of the nonverbal design of the covers of promotional texts of fiction for children and youth in Germany and Russia.

Key words: nonverbal design, promotional texts, Germany, Russia, comparison.

Коммуникативный подход к исследованию вербальных и невербальных средств оформления широко распространен среди исследователей рекламного текста (Маркетинговая лингвистика 2019; Сластикова 2021; Ягодкина 2011 и др.).

Так, А.А. Аникаева в своей кандидатской диссертации, в которой рассматриваются графические невербальные средства передачи информации в модульной рекламе газет Тверской области, подчеркивает важность присутствия невербальных средств выражения рекламы при сравнении с ее вербальными средствами. Автор работы проводит анализ существующих исследований об использовании графических невербальных средств рекламы. Критикуя имеющиеся работы, она отмечает односторонний подход к изучению невербальных средств рекламы, недостаточную изученность невербальной коммуникации и другие недостатки.

В своей диссертации А.А. Аникаева выделяет вербальную и невербальную коммуникативные составляющие в рекламе. Автор отмечает, что невербальная составляющая, переданная при помощи графических средств, имеет большее влияние, чем вербальная, поэтому в последние 10 лет рекламщики акцентируют внимание на невербальной информации в газетах (Аникаева 2011).

Стоит упомянуть также работу М.В. Ягодкиной, в которой исследуется язык рекламы как средство виртуальной реальности. В данной работе автор рассматривает роль языка в формировании виртуальности, то есть в создании воображаемых объектов, которые могут возникнуть в определенных условиях. Лингвист изучает функцию и частотность цвета и цветовых гамм в рекламе как семантический объект и влияние цвета на реципиента. Автор отмечает, что в рекламе важен не только невербальный компонент, но также и расположение вербальных и невербальных элементов, которые могут расходиться с общепринятыми нормами, но релевантны в контексте рекламного ролика.

М.А. Мунир отмечает, что вербальная и невербальная информация, которая формируется на основе эмоциональной и рациональной составляющей, является ключевым компонентом в создании креолированного рекламного образа. Исследователь также обращает внимание на доминирование языковых средств в рекламных текстах, которые дополняют невербальный образ продукта, что в свою очередь влияет на эффективность рекламной интернет-коммуникации (Мунир 2021).

Вербальные и невербальные составляющие с позиции коммуникативной лингвистики рассматриваются также в работе Л.В. Уховой, в которой ученый исследует теоретические проблемы эффективности рекламного текста. Автор утверждает, что в нашей стране исследования в области рекламной коммуникации не получали должного внимания, и интерес к данной проблеме только начинает нарастать (Ухова 2012).

В нашей работе мы придерживаемся коммуникативного подхода к исследованию продвигающего текста, поскольку именно такой подход позволяет провести сопоставление использования невербальных средств создания продвигающих текстов Германии и России, рекламирующих художественную литературу для детей и юношества.

Рассматривая цветовое оформление рисунка продвигающего текста отмечаем, что в немецких продвигающих текстах в центре изображения часто используется такие цвета как голубой, зеленый, желтый и коричневый. Реже используются красный и фиолетовый цвета. Считаем целесообразным осуществить количественный подсчет с целью уточнения превалирования цветового оформления в центре рисунков немецких продвигающих текстов. Так, использование коричневого цвета превалирует в продвигающих текстах (25%), реже используется зеленый и голубой (по 19%), желтый (15%) цвета, совсем редко в центре подобных рисунков отмечается использование красного и фиолетового цветов (по 11%).

На обложках русскоязычных продвигающих текстов художественной литературы для детей и юношества преимущественно встречаются следующие цвета: красный, серый, зеленый, желтый, белый, синий, оранжевый, черный. Обратимся к количественному подсчету для выяснения частотности использования цвета, в котором выполнен центр обложки. Согласно полученным данным, чаще всего центр анализируемых изображений оформляется красным (16%), желтым (16%), зеленым (16%), белым (16%) и оранжевым (16%) цветами. На долю всех остальных цветов приходится всего 20%.

Сопоставление цветового изображения немецких и русских обложек рекламируемых текстов для детей и юношества демонстрирует сходство в использовании преимущественно желтого, зеленого и голубого цветов. В немецких обложках, в отличие от русских, находит свое применение фиолетовый цвет, а в русских обложках, в отличие от немецких, частое применение находят белый и оранжевый цвета.

Обратимся к сопоставлению расположения названий рекламируемых книг. Во всех немецких примерах отмечается центральное верхнее расположение названия немецких книг, выделенное большими буквами. Если общий фон книги темный, то буквы окрашены светлыми тонами, а конкретнее – белым цветом, бледно-желтым, голубым, розовым цветами. Как показал проведенный анализ, в 65% немецких продвигающих текстов,

представляющих информацию о новых детских книгах, на общем темном фоне используются светлые тона для оформления букв в названиях книг. Как и в случае оформления названий книг темными цветами, создается цветовой контраст для привлечения внимания потребителя.

Рассмотрим расположение названия рекламируемых книг и фамилии автора на обложках русских продвигающих текстов. Анализ книг показал, что имя автора и название книги дается, как и в случае с немецкими продвигающими текстами, в верхней части общего изображения. Русские продвигающие тексты, где названия рекламируемых книг даются в верхней части обложки, составляют 90% от всего исследованного материала. Расположение названия книг в центре обложки зафиксировано лишь в 10% случаев.

При анализе изображений персонажей на обложках рекламируемых книг было установлено, что персонажами обложек русских рекламируемых книг, в отличие от немецких обложек, могут быть как люди, животные, предметы окружающей действительности, так и фантастические существа.

Таким образом, сопоставительный анализ невербальных средств оформления обложек рекламируемых книг для детей и юношества в Германии и России показал как наличие общих черт, связанных с целью привлечения внимания пользователей, так и различия, обусловленные национальной спецификой менталитета пользователя рекламных текстов.

Литература

1. Аникаева А.А. Графические невербальные средства передачи информации в модульной рекламе газет Тверской области: дисс. канд. филол. наук. – Тверь, 2011.
2. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. – Москва: ФЛИНТА, 2019.
3. Мунир М.А. Языковые средства создания образа в российской интернет-рекламе (на материале сайтов ресторанов): дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2021.
4. Сланикова, Т. В. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. – Москва: Языки Народов Мира, 2021.
5. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста: монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012.
6. Ягодкина М.В. Семантика цвета в языке рекламы// Царскосельские чтения, 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-tsveta-v-yazyke-reklamy>

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

С.С. Калинин

Морфологические и синтаксические характеристики баскских пиджинов: сопоставительный анализ

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу основных особенностей морфологии и синтаксиса двух баскских пиджинов – баскско-скандинавского и баскско-алгонкинского, которые были распространены в качестве торговых языков баскских китобоев в Северной Атлантике вплоть до XVIII в.

Ключевые слова: контактный идиом, языковые контакты, пиджин, баскский язык, баскские пиджины, морфологическая типология, синтаксическая типология.

Abstract: The paper is devoted to the comparative analysis of the main features of the morphology and syntax of two Basque pidgins – Basque-Scandinavian and Basque-Algonquian, which were common as trade languages of Basque whalers in the North Atlantic up to the XVIII century.

Key words: contact idiom, language contacts, pidgin, Basque language, Basque pidgins, morphologic typology, syntactic typology.

В литературе по креолистике в качестве языков-лексификаторов, на базе которых возникали пиджины и креолы, обычно приводятся различные романские и германские европейские языки (Дьячков 1987, с. 10), а именно английский, французский, испанский, португальский, нидерландский. Между тем, как справедливо указывает В. И. Беликов в своей работе о русских пиджинах (Беликов 1997), известны факты возникновения и существования во всех частях света пиджинов, развившихся на базе языков, отличных от западноевропейских. По словам того же автора такие пиджины представляют собой особенный интерес (Беликов 1997), поскольку они являются результатом контакта достаточно различных в типологическом отношении языков. Это отличает их от контактных идиомов, возникших на основе в сущности однотипных аналитических языков Западной Европы (Беликов 1997). Одним из примеров такого рода контактных идиомов являются пиджины, возникшие на основе баскского языка, который значительно отличается по своим характеристикам от индоевропейских языков. Такие идиомы интересны и тем, что наглядно показывают, как меняется структурная и контентсивная типология баскского языка в процессе его контактов с другими языками.

Известны два исторически засвидетельствованных баскских пиджина: это баскско-скандинавский и баскско-алгонкинский пиджины. Первый известен также под некоторыми иными названиями, в частности, баскско-исландский пиджин (Hualde 1991), баскский морской пиджин (Bakker

1987, pp. 1-2). Образование и развитие данных пиджинов тесно связано с развитием баскского китобойного промысла и сопутствующей торговли (Bakker, 1987, p. 4), в том числе, с аборигенными народами Нового Света в Северной Атлантики.

В вокабуляре баскско-скандинавского пиджина, несмотря на используемое название «баскско-исландский пиджин», практически не обнаруживается следов северогерманского влияния: словарный состав данного идиома практически наполовину представлен лексическими единицами, восходящими к баскскому языку, а также через баскский – к испанскому и французскому, оставшаяся половина восходит к различным романским и западногерманским языкам (Hualde 1991, p. 428).

Аналогичное утверждение справедливо и для баскско-алгонкинского пиджина (Bakker, 1989, pp. 121-122, 135-139), в котором приблизительно половина засвидетельствованных лексических единиц восходит к баскскому, а оставшаяся – к романским языкам (французскому и испанскому) и аборигенным алгонкинским языкам восточного побережья Северно Америки.

Перейдем к рассмотрению морфологических особенностей сравниваемых пиджинов. С типологической точки зрения баскские пиджины демонстрируют характерный для редуцированных пиджинов языковой строй. Это утверждение релевантно как для баскско-скандинавского, так и для баскско-алгонкинского пиджина.

Сами особенности морфологии баскских пиджинов, по всей видимости, обусловлены особенностями как их возникновения, так и их бытования, а также выполняемыми ими коммуникативными функциями в качестве торговых языков, что требовало выработки прагматически удобного средства языковой коммуникации. Об особенностях формирования морфологии баскских пиджинов еще будет сказано в заключении.

Прежде всего, одной из таких особенностей баскских пиджинов является отсутствие синтетического словоизменения, причем, это касается как именной, так и глагольной морфологии. В частности, как в баскско-алгонкинском, так и в баскско-скандинавском пиджинах отсутствует синтетическое выражение глагольных категорий времени, аспекта, наклонения и модальности. Соответствующие значения передаются в одних случаях лексически, а также при помощи прагматики: они являются выводимыми из контекста высказывания.

В подтверждение данного высказывания приведем два примера из баскско-скандинавского пиджина. В первом высказывании глагол, который выделен подчеркиванием, стоит в форме императива, а во второй – в форме индикатива (здесь и в нижеследующих примерах используются следующие глоссы: SUB – показатель субъекта, OBJ – объектный показатель, 1SG – местоименная форма 1 лица единственного числа, 2SG – местоименная форма второго лица единственного числа):

Таблица 1. Императивные формы в баскско-скандинавском пиджине (пример из (Deen 1991, p. 384)).

<i>presenta</i>	<i>for</i>	<i>mi</i>
дать	OBJ	1SG

'дай мне'

Таблица 2. Индикативные формы в баскско-скандинавском пиджине (пример из (Deen 1991, p. 386)).

<i>for</i>	<i>mi</i>	<i>prese nta</i>	<i>for</i>	<i>yu</i>	<i>biskus a</i>	<i>eta</i>	<i>sagar duma</i>
SUB	1SG	дать	OBJ	2SG	пирог	и	сидр

'я дам тебе пирога и сидра'

Как можно видеть из приведенных примеров, на поверхностном уровне глагол *presenta* 'давать', 'дать' не получает никаких словоизменительных формантов либо вспомогательных глаголов и частиц, выражающих категории времени и наклонения. Данные категории в случае баскско-скандинавского пиджина передаются в основном при помощи порядка слов, а также при помощи элиминации либо вставки местоименного субъекта или именной группы, передающей субъект.

В связи с вышеприведенной особенностью обращает на себя внимание еще одна примечательная характеристика баскских пиджинов, а именно, отсутствие изменяемой глагольной связки в субстантивных предложениях. Субъектно-предикатные отношения между двумя именными группами выражаются при помощи простого соположения именных либо местоименных групп, которые выражают предикат и субъект. Здесь можно привести следующие примеры подобного рода высказываний (первое из них относится к баскско-скандинавскому пиджину, а второе – к баскско-алгонкинскому):

Таблица 3. Субстантивное предложение с отсутствием глагольной связки в баскско-скандинавском пиджине (пример из (Deen 1991, p. 386))

<i>for</i>	<i>yu</i>	<i>mala</i>	<i>gissuna</i>
SUB	2SG	плохой	человек

'ты – плохой человек'

Таблица 4. Вопросительное предложение с отсутствием глагольной связки в баскско-алгонкинском пиджине (пример из (Bakker 1989, p. 139))

<i>ania,</i>	<i>kir</i>	<i>capitana?</i>
брат	2SG	капитан

'брат, ты – капитан?'

Из приведенных примеров можно видеть, что отсутствие изменяемой глагольной связки представлено в пиджинах как в повествовательных, так и в вопросительных предложениях. Следует упомянуть о том, что отсутствие эксплицитно выраженной категории времени не является исключительной характеристикой только лишь баскских пиджинов: подобное явление засвидетельствовано и во многих других редуцированных пиджинах. В частности, отсутствие синтетических средств выражения глагольных грамматических категорий, в частности, категории времени, описано для редуцированной формы русско-китайского пиджина (Перехвальская 2014, с. 94-95), а также для руссенорска. В последнем грамматически явно выражается только лишь категория переходности/непереходности глагола (Беликов 1994, с. 289).

Из синтаксических особенностей анализируемых идиомов, во-первых, следует отметить, что как местоименный субъект, так и местоименный объект (как прямой, так и косвенный) в баскско-скандинавском пиджине маркируются при помощи предлога *for* (Bakker 1987, p. 14). Этимологически он может восходить в различным источникам в германских языках, однако, наиболее вероятным его источником в баскско-скандинавском пиджине представляется английский предлог *for* (Bakker 1987, p. 2). Помимо прочего, данный предлог маркирует местоименные аргументы, выступающие также и в других семантических ролях (Bakker 1987, p. 14).

В баскско-скандинавском пиджине во всех остальных случаях (например, когда в качестве субъекта и объекта выступают именные группы) предложное маркирование аргументов отсутствует. В качестве средства передачи синтаксических отношений используется порядок слов. В баскско-алгонкинском пиджине специальные показатели для субъекта и объекта, а также для других типов актантов отсутствуют: вместо этого в качестве средства выражения синтаксических отношений используется порядок слов.

Базовым порядком слов в каждом из рассматриваемых пиджинов является порядок SVO (Bakker 1987, p. 8), что можно наблюдать в приведенных выше примерах. В отдельных случаях в баскско-алгонкинском пиджине засвидетельствован порядок слов OVS, как, например, в следующем предложении: *Endia chawe normandia* 'французы о многом знают' (Bakker 1989, p. 139). Здесь субъект высказывания – *normandia* – занимает последнюю синтаксическую позицию, а объектная форма *endia* 'большой' занимает первую позицию. Представляется, что подобный порядок слов может свидетельствовать об эмпазе на слове *endia* с целью его подчеркивания как рематического или как значимого для говорящего компонента высказывания. В вопросительных предложениях представлена и инверсия (Bakker, 1987, p. 8): ср. с примером из баскско-

скандинавского пиджина *Ser travala for yu?* 'Что ты делаешь?' (Deen 1991, p. 386), где можно видеть порядок VS.

Паратаксис и гипотаксис не представлен ни в одном из рассматриваемых пиджинов. В них отсутствуют также и соответствующие синтаксические средства связи. Отношения подчинения между частями высказывания выражаются при помощи соположения отдельных клауз, а также при помощи лексических средств. Здесь можно привести следующий пример из баскско-скандинавского пиджина: *Christ Maria presenta for mi balia, for mi presenta for yu bustana* 'Если Иисус Христос и Мария дадут мне кита, то я дам тебе (его) хвост' (Deen 1991, p. 386). В данном предложении причинная связь между отдельными клаузами выражается с помощью простого их соположения. Многие синтаксические отношения в баскских пиджинах передавались, видимо, за счет прагматических средств коммуникации, а также невербальных средств.

Таким образом, с типологической точки зрения оба баскских пиджина оказываются весьма близки. Эта близость проявляется, в частности, в разделяемых ими общих чертах морфологии и синтаксиса. По всей видимости, их наличие объясняется схожестью в условиях формирования и функционирования данных пиджинов.

С другой стороны, рассматривая формирование и дальнейшее развитие баскских пиджинов в рамках глоттогенетической концепции Д. Бикертон (см. (Bickerton 2007, p. 515)), можно говорить о том, что они демонстрируют, каким бы мог быть наиболее ранний этап развития человеческого языка в целом. Это объясняется тем, что баскские пиджины являются редуцированными пиджинами, представляя наиболее ранний первоначальный этап развития контактного идиома. Данный этап в рамках вышеупомянутой концепции сближается с начальными этапами эволюции человеческого языка.

Литература

1. Bakker P. A Basque nautical pidgin: a missing link in the history of *fu* // Journal of Pidgin and Creole Languages –1987. – V. 2:1. – P. 1-30.
2. Bakker P. The Language of the Coast Tribes is Half Basque: A Basque-American Indian Pidgin in Use between Europeans and Native Americans in North America, ca. 1540-ca. 1640 // Anthropological Linguistics. –1989. –Vol. 31. – No. 3/4. – P. 117-147.
3. Bickerton D. Language evolution: a brief guide for linguists // Lingua. – 2007. – V.117. – No. 3. – P. 510-526.
4. Deen N.G.H. Glossaria duo Vasco-Islandica // Anuario Del Seminario De Filologia Vasca Julio De Urquijo. –1991. – V. XXV - 2. – P. 321-426.
5. Hualde J.I. Icelandic Basque pidgin // Anuario Del Seminario De Filologia Vasca Julio De Urquijo. –1991. – V. XXV - 2. – P. 427-437.
6. Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. – М.: МГУ, 1997. – С. 90-108. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/belikov4.htm> (дата обращения 31.12.2022)
7. Беликов В.И. Русско-норвежский пиджин // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. – Выпуск I: Северный регион. Языки народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. – М.: АЗЪ, 1994. – С. 287-294.

8. Дьячков М.В. Креольские языки. – М.: Наука, 1987.

9. Перехвальская Е.В. Исследования по русским пиджинам.– М.- Берлин: Директ-Медиа, 2014.

П.Б. Кузьменко

Сопоставление субъектной и объектной сочетаемости глаголов *investigate* и *explore*

Аннотация: В статье рассматривается субъектная и объектная сочетаемость глагольных лексем *investigate* и *explore*. Выявляются основные средства выражения субъектов и объектов, употребляемых с этими глаголами, а также устанавливается их связь с типом дискурса, в котором они функционируют.

Ключевые слова: сочетаемость, субъект, объект, английский язык.

Abstract: In this paper the author studies the subject and object combinability of verbal lexemes *investigate* and *explore*. The main representations of subjects and objects used with these verbs are identified, and their connections with the type of discourse in which they function are found.

Key words: combinability, subject, object, English.

Настоящая статья посвящена сравнению субъектной и объектной сочетаемости двух английских глаголов *investigate* и *explore*. Анализ контекстов, полученных в Британском национальном корпусе английского языка, показывают, что названные лексемы весьма часто встречаются как в научных текстах, называя наиболее общие исследовательские действия, так и в текстах, принадлежащих другим типам дискурса. По данным толковых словарей, эти глаголы часто толкуются взаимно (друг через друга), что свидетельствует о синонимических отношениях между этими лексемами. По наблюдениям, представленным в работах (Апресян 1995; Виллюман 1980), в пользу синонимичности различных лексем говорят не только признаки, содержащиеся в семантике слова, но и особенности дистрибуции и сочетаемости. Последние признаки, в свою очередь, позволяют установить, насколько близкими и взаимозаменяемыми являются лексемы, которые могут быть охарактеризованы как синонимы.

Частотное использование этих глаголов в речи позволяет предположить существование некоторых различий, связанных с субъектами действий, обозначаемых этими глаголами, а также с объектами, на которые эти действия направлены. Материалом исследования выступают контексты с глаголами *explore* и *investigate*, полученные из Британского национального корпуса методом сплошной выборки. Рассмотрим, какие типы субъектов и объектов могут оказываться в окружении этих лексем.

Обратимся к глаголу *investigate*. В качестве субъекта, выполняющего действие, называемое этим глаголом, выступают следующие группы языковых средств.

1) В случае если глагол *investigate* реализует значение «анализировать, осуществлять исследовательскую деятельность», субъектами при этом глаголе могут выступать существительные, называющие учебные и научные произведения (статьи, курсы и т.д.): *study, course, research, thesis, work*:

His thesis investigates the application of physical computing and imaging technology to support engineering decisions in architectural project.

The present study investigates a new hypothesis, based on a three dimensional computer heart/torso model and biophysical arguments.

Позицию субъекта может занимать имя собственное (фамилия исследователя):

Volkov investigates the making of violence-prone groups in sports clubs.

2) Глагол *investigate* может иметь значение «вести поисковую деятельность». Субъекты в таких ситуациях выражаются лексемами, обозначающими специальные организации (*FBI, Embassy, Agency*), департаменты (*Ministry, Department*), суды, а также особые группы лиц, уполномоченные проводить такие действия. Для обозначения последних весьма востребован класс собирательных существительных *authorities, committee, police, bomb squad*. Приведем примеры:

The FBI investigated everyone who had anything to do with the SAAR investigation.

Harding says the guard has been detained while authorities investigate the incident.

Возможны также существительные во множественном числе, называющие представителей экспертного сообщества (*experts, officials*):

Experts investigate the murder of the English language by Malaysian radio deejays.

Our safety officials are investigating, and will continue to investigate until we determine why this happened.

3) Субъект может быть выражен существительным, называющим устные или письменные источники информации (например, *report, news, episodes*) или их авторов (*journalist*):

Episode investigates the proclivities of people with cameras.

No journalist investigates the claims.

4) Субъектом могут выступать имена собственные (названия стран), упоминаемые в таких контекстах как активные участники действия (в результате метонимизации вместо человека в позиции субъекта оказывается место действия – страна).

Spain typically investigates and prosecutes torture under the United Nations Convention Against Torture.

Рассмотрим объектную сочетаемость этого глагола.

Глагол *investigate* принимает объекты, которые могут быть выражены разнообразными языковыми средствами.

1) Позицию объекта могут занимать существительные с событийной семантикой, называющие, как правило, какие-либо негативные события, требующие их расследования. Они могут быть названы в общем (*case, crime*) или более конкретно: преступления (*homicide, explosion, killings, death*) и социальные потрясения (*riots, scandal, leak, damage*).

*The police **are investigating the case**.*

*The police **are investigating** a double **homicide** after the two babies were taken off life support at Starship Hospital, Auckland.*

*Detective Ken McKay **is investigating the riots**, said he was confident of making many more arrests over coming days.*

*Police **are investigating damage** to a memorial to the 28 victims of the Myall Creek massacre.*

2) Объект может быть выражен одушевленным существительным, называющим человека, либо существительным, обозначающим явления действительности, входящие в его микромир (чь-либо роль в чем-либо, болезнь и т.д.). В таких контекстах существительные также являются предметом детального рассмотрения или анализа:

*The TSA **is investigating 89 children** who either complained themselves that their name is on the list, or had complaints filed on their behalf («одему» относятся к «людям»).*

*While the indictment has been sealed, the grand jury **was investigating Gonzales's role** in an \$11 million contract amendment with Norcal Systems.*

*State health officials **are also investigating Johnson's illness**.*

3) Объектом при глаголе *investigate* выступают абстрактные существительные, именующие результат мыслительной деятельности человека (зафиксированный письменно или устно) и получившиеся в результате номинализации (*allegations, assertions, complaint*):

*The Los Angeles County Sheriff's Department **is investigating allegations** that Gibson was involved.*

*The peculiarity of Ethics is not that it **investigates assertions** about human conduct, but that it **investigates assertions** about the property of things which is denoted by the term good.*

4) Существительные, называющие самые разные феномены окружающего мира, выступающие предметом научного исследования. Диапазон таких существительных весьма широк. Авторы могут указывать на совершенно любые явления, заслуживающие их внимания (количество предметов исследования, как и существительных, их выражающих, бесконечно). Часто в этой позиции находятся абстрактные существительные, обозначающие причину, следствие, вероятность и другие особенности анализируемых процессов (*cause, motive, possibility, process*):

*... **is still investigating cause** of the spill.*

*The study **investigates** the **process** of socialization to professional engineering identity.*

*The objective of the article was to **investigate** the **motives** the painter.*

*Researchers **are investigating** the **possibility** that the immune system may not be able to cope with.*

Описанные способы выражения субъекта и объекта при глаголе *investigate* позволяют предположить, что различия в типах субъектов и объектов обусловлены разными типами дискурса, в которых используется то или иное предложение. Так, субъект и объект, называющие исследователя и предмет его исследования, встречаются в предложениях научных текстов. Субъект и объект, описывающие поисково-розыскную деятельность, направленную на выяснение обстоятельств преступлений и других отрицательных событий, используются в предложениях, фигурирующих в юридическом и/или публицистическом типе дискурса.

Рассмотрим субъектную и объектную сочетаемость глагола *to explore*.

Существительные, которые обозначают субъекты при глаголе *explore*, можно разделить на две группы.

1) Существительные, называющие самые разные источники информации: *novel, book, conference, film, movie* и т.д.:

*The **book explores** what it is to love a country in a time of political tumult.*

*Raw and poignant, often humorous, **the film explores** the driving forces behind the Southern experience.*

Представляется, что в данных примерах глагол реализует значение «иметь дело, быть посвященным чему-л., какому-то вопросу или проблеме». Часто такие контексты встречаются в публицистических текстах (например, рецензиях).

2) Существительные, именующие источник научной информации (*article, course, essay*) или его автора:

*This **essay explores** problems and benefits of paying developers in volunteer free and open source projects.*

В качестве объектов при данном глаголе (так же, как и при глаголе *investigate*) обнаруживаются т.н. научные переменные, являющиеся предметом изучения.

*This paper **explores access barriers** to effective malaria treatment among the poorest population in four malaria endemic districts in Kenya.*

*He **explores the issue** of who can speak for the disabled.*

*The article **explores different approaches** and disagreements...*

Позицию объекта может занимать лексема с локативной семантикой (топоним). В этом случае глагол *explore* реализует значение «путешествовать».

*He is survived by his wife Terri, who **was exploring** Cradle Mountain in Tasmania.*

Следует отметить случаи, когда в правостороннем окружении обоих глаголов отсутствует объект, т.к. он очевиден и может быть легко восстановлен из предыдущего контекста:

*We set the memorial in a position where the main pedestrian route runs through the memorial so that visitors will walk amongst the sculptures, encouraging people to stop and **explore**.*

*The United States Capitol Police are continuing to **investigate**.*

Оба глагола в качестве объекта могут иметь сентенциальное распространение, при котором позицию дополнения занимает придаточная часть. Изъяснительное придаточное может быть присоединено с помощью союзов *as, if, whether, what, how*:

*Study explores **how a fly avoids a swatter**.*

*The researchers investigated **whether the severity of depression at the start of study affects antidepressant effectiveness**.*

Особенности субъектной и объектной сочетаемости сравниваемых глаголов представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

Субъектная сочетаемость		
Средства выражения субъекта	<i>investigate</i>	<i>explore</i>
Учебные, научные произведения	+	+
Организации, группы лиц	+	-
Источник научной информации	+	+

Таблица 2.

Объектная сочетаемость		
Средства выражения объекта	<i>investigate</i>	<i>explore</i>
Существительные с событийной семантикой	+	-
Одушевленные существительные	+	-
Результат мыслительной деятельности	+	(редко)
Предмет научного исследования	+	+
Топоним	-	+

Результаты сопоставительного анализа показывают, что у глаголов *investigate* и *explore* совпадают два способа выражения субъекта и один способ выражения объекта (подчёркнуты в таблицах 1 и 2), что подтверждает их синонимичность. У обоих глаголов в объектной сочетаемости отмечен такой способ выражения объекта, как «Результат

мыслительной деятельности», однако у глагола *explore* это средство наблюдается достаточно редко. Остальные способы выражения субъекта и объекта для каждого из глаголов являются уникальными. Так, отмечается одно несоответствие способов выражения субъекта анализируемых лексем (у глагола *explore* отсутствует такое средство выражения субъекта, как «Организация, группы лиц»), а также трех способов выражения объекта (у глагола *explore* отсутствуют такие средства выражения объекта, как существительные с событийной семантикой и одушевленные существительные, а у глагола *investigate* – топонимы).

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. – Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Вилюман В.Г. Английская синонимика: введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов: учебное пособие для студ. пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1980.

Е.Н. Митрофанова

Функции нисходяще-восходящего ядерного тона в английском и русском языках

Аннотация: В статье сопоставляются частотность и функциональные возможности нисходяще-восходящего ядерного тона в английском и русском языках. Выявляется более широкий диапазон функций и семантических оттенков тона в английской речи. На основе слухового анализа сравниваются образцы чтения на двух языках с точки зрения их насыщенности нисходяще-восходящими тонами.

Ключевые слова: интонация, нисходяще-восходящий тон, функции, интонационная семантика.

Abstract: The study compares the frequency and functional capacity of the falling-rising tone in English and Russian. The tone reveals a wider range of functions and semantic shades in English than in Russian. On the basis of auditory analysis two samples of reading are compared to demonstrate how many falling-rising tones are realized in them.

Key words: intonation, falling-rising tone, functions, intonation semantics.

При сопоставлении интонационных систем английского и русского языков в теоретическом или прикладном плане значительную трудность представляет рассмотрение нисходяще-восходящего ядерного тона. Отмечаются различия в частотности его употребления в двух языках, а также специфические формальные и семантические признаки (Мурзинова 2014; Янко 2008). Целью данной статьи является обобщение и сопоставление функциональных возможностей нисходяще-восходящего тона в английской и русской речи на основе анализа специальной литературы и проведенных слуховых наблюдений.

С точки зрения формальных контурных признаков нисходяще-восходящий тон реализуется сходным мелодическим переходом от

нисходящего движения мелодики речи к восходящему в рамках одного ядерного слога, слова или ряда смежных слов, на которые распространяется восходящий компонент. Однако в связи с более низкой базовой линией английской мелодики нисходяще-восходящий тон в английской речи достигает более низкого уровня в точке перехода, в результате чего падение и подъем голоса воспринимаются как более глубокие и крутые, чем в русской речи.

Описанию функций и семантических оттенков английского нисходяще-восходящего тона посвящено немало научных работ, которые выделяют следующие значения тона: контраст, уступка, неохотное согласие, вежливое исправление, предупреждение, извинение, осторожное предложение, категоричность, намек, удивление в общих и специальных вопросах (O'Connor & Arnold 1973). С другой стороны, подчеркивается функционирование данного тона как средства информационного структурирования высказывания на тематическом отрезке, выражающееся в том, что нисходяще-восходящий тон оформляет тематические синтаксические элементы, находящиеся в начале предложения: подлежащее, обстоятельство, вводные слова, в то время как нисходящий тон выделяет центр ремы (Brazil, Coulthard & Johns, 1980; Halliday 1967). Кроме того, отмечается сопутствующая тону функция апелляции к собеседнику, стремление говорящего обратить внимание слушателя на свои слова и вызвать у него ответную реакцию (Давыдов, Малюга 2002). При обобщении различных функций и значений в качестве семантического инварианта нисходяще-восходящего тона указывается обращение к когнитивному опыту, фоновым знаниям, необходимым для апелляции к мыслительной деятельности реципиента (Букреева 2011, с. 33).

В русском языке нисходяще-восходящий тон образует центр интонационной конструкции ИК-4, типичными условиями для реализации которой выступают эллиптические вопросы с А – А пирог? (Брызгунова 2006). В таких вопросах произнесенное слово соотносится с релевантным множеством, в приведенном примере – с другими блюдами на столе, то есть тон выражает определенный вид контраста. Другими контекстами для русского нисходяще-восходящего тона служат запрос анкетных данных в серийных вопросах (Ваше имя? Возраст? Адрес?); рассказ по порядку, инструкция со строгой последовательностью действий (Нужно взбить яйца, засыпать сахар и только потом добавить муку); ответ с вызовом (Вы идете домой? – Да?); формулы прощания в режиме ожидания ответной реплики (Пока!) (Янко 2008, с. 211-225).

Сопоставление выделенных значений нисходяще-восходящего тона в рассматриваемых языках позволяет заметить их расхождение. В русском языке превалирует контрастность в сочетании с апелляцией к собеседнику. В английском языке реализуется более широкий диапазон значений данного тона, позволяющий выделить три направления его

употребления: структурное, логическое и модальное. Первое из них предполагает активное вовлечение нисходяще-восходящего тона в оформление тематического блока и его противопоставление рематическому, что необходимо для обеспечения четкого информационного структурирования высказывания при его порождении и восприятии. Выступая в этой функции, тон не добавляет высказыванию никаких семантических оттенков. Логическая функция связана со способностью нисходяще-восходящего тона выражать логические отношения контраста, вывода, условия, уступки. В данной функции тоны взаимодействуют с синтаксическими средствами, например союзами *but, so, because, although, no matter, if, unless, as long as*. При этом тон отражает планирование сложного высказывания с субординацией его частей. Модальная функция нисходяще-восходящего тона выражается во множестве дополнительных модальных значений, которые привносятся за счет активации альтернатив ядерному слову (Braun, Biezma 2019). Их конкретизация определяется лексическим составом высказывания, синтаксическим типом предложения, ситуацией общения. Что касается апелляции к слушателю и активизации его внимания к выделяемому тоном слову, данное воздействие осуществляется параллельно со всеми функциями, так как за счет своей перцептивной яркости нисходяще-восходящий тон всегда выделяет элементы в большей степени, чем альтернативные типы тонов.

Приведенные факты свидетельствуют о большей функциональной значимости нисходяще-восходящего тона в английской речи по сравнению с русской. Для английских высказываний может быть значимым не только наличие, но и отсутствие нисходяще-восходящего тона в ожидаемой структурной позиции. Так, подлежащее, произнесенное с нисходящим тоном вместо ожидаемого нисходяще-восходящего, может отражать перформативное значение представления человека перед аудиторией (Paul \Short is our sports reporter), актуальное сообщение о событии (Paul \Short is arriving) или жалобу на физическое недомогание (My \foot hurts). Использование нисходяще-восходящего тона в указанных примерах создало бы описательные высказывания, лишённые компонента перформативности.

По нашим слуховым наблюдениям, количество нисходяще-восходящих тонов в структурной функции возрастает в английской публичной речи, где говорящий прикладывает больше усилий для обеспечения четкости своего сообщения. С другой стороны, модальные значения тонов возникают в непосредственном диалогическом взаимодействии собеседников, поэтому более характерны для диалогов.

В русской публичной речи замечена новая тенденция использовать нисходяще-восходящие тоны в структурной функции в отсутствие контраста по аналогии с английскими. Особенно заметна эта

инновационная тенденция в речи представителей СМИ, где она трактуется как отражение воздействия влиятельного английского языка на русский (Янко 2008, с. 224). В данном случае можно говорить о стилистически ограниченной реализации структурной функции нисходяще-восходящего тона, в то время как в английской речи тон превратился в стилистически нейтральное интонационное средство, реализуемое в разных коммуникативных ситуациях.

Чтобы продемонстрировать количественное и функциональное различие в употреблении нисходяще-восходящего тона в английском и русском языках мы проанализировали распределение тонов при чтении отрывка художественного текста носителем английского языка и при чтении его переводного варианта носителями русского языка. Отрывок с аудиозаписью длительностью около трех минут был заимствован из рассказа Р. Даля «Мальчик. Рассказы о детстве». Текст носил описательный характер и был прочитан носителем британского варианта английского языка. На основе слухового анализа текст был представлен в форме скрипта с интонационной разметкой, в которой первостепенное внимание уделялось нисходяще-восходящим тонам. Далее соответствующий отрывок на русском языке был заимствован из перевода рассказов, выполненным Е. Канищевой и Н. Калошиной, и прочитан пятью носителями русского языка, перед которыми была поставлена задача прочесть текст четко и выразительно. Аудиозапись пяти образцов чтения была проанализирована на предмет наличия нисходяще-восходящих тонов.

В английском тексте были реализованы 22 нисходяще-восходящих тона, используемых в разных функциях, наиболее частотной из которых выступает структурная. В русском переводе более единодушно читателями были произнесены только два нисходяще-восходящих тона, один из которых осуществлял контрастное выделение, а второй — напоминание.

It was her Vhands, however, | that disturbed us \most. – Но Vхуже всего | были ее руки и ладони (четыре из пяти читающих выделили нисходяще-восходящим тоном самую отвратительную черту продавца кондитерского магазина). В тексте оригинала присутствовали и другие контрастные темы, создающие негативный образ женщины: *her mouth..., her blouse ..., her apron, the other thing we hated her for ...* В английском варианте чтения все они получили выделение с помощью нисходяще-восходящего тона, в то время как русские читающие использовали другие тоны или обходились только ударением на этих словах. *Her Vapron | was grey and greasy. Her Vblouse | had bits of breakfast all over it. – Пел/передник у нее | был серый и засаленный. На /коф/те там и сям | крошки жареного хлеба.* (восходящий тон).

Напоминание в следующем предложении, представленное в оригинале с нисходяще-восходящим тоном, было прочитано на русском языке с тем

же тоном тремя читателями, в двух вариантах прозвучал нисходящий тон. *And do not forget please | that it was these very hands and fingers that she plunged into the sweet-jars ... И не забывайте: этими самыми руками и пальцами она лазила в банки со сладостями.*

В одном предложении английского текста реализуется логическая функция условия, которая в русском варианте не находит интонационного маркирования. *Unless you spent a whole sixpence all in one go, she wouldn't give you a bag.* - Потрать у нее целых шесть пенсов в один присест, и все равно она и не подумает сложить покупки в сумку.

Таким образом, слуховой анализ чтения отрывка подтвердил изложенные выше теоретические положения о высокой частотности и многофункциональности нисходяще-восходящего тона в английском языке, в отличие от русского языка, где нисходяще-восходящий тон присутствует как единица мелодического инвентаря, но используется относительно редко в ситуациях резкого контраста.

Приведенная в статье сравнительная информация может быть востребована в практике обучения английскому языку как иностранному. При переходе от русской речи к английской необходимо не только скорректировать фонетическую формальную реализацию нисходяще-восходящего ядерного тона, но и обратить внимание на его значительную функциональную нагрузку в коммуникации.

Литература

1. Braun B., Biezma M. Prenuclear L*+H activates alternatives for the accented word // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – P. 1-20.
2. Brazil, D., Coulthard, M., Johns, C. *Discourse Intonation and Language Teaching*. – London: Longman, 1980.
3. Halliday M.A.K. Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // *Journal of Linguistics*. – 1967. – №3. – P. 199 – 244.
4. O'Connor J.D., Arnold G.F. *Intonation of colloquial English*. – London: Longman, 1973.
5. Брызгунова Е.А. Интонация // *Энциклопедический словарь юного лингвиста*. – М.: Флинта-Наука, 2006. – С. 167-169.
6. Букреева О.М. Семантическое поле нисходяще-восходящего тона в монологических и диалогических текстах // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2011. – №28. – С. 28-33.
7. Давыдов М.В., Малюга Е.Н. Интонация коммуникативных типов предложения в английском языке. – М.: «Дело и Сервис», 2002.
8. Мурзинова И.А. Нисходяще-восходящий тон в английском быденном дискурсе (на материале кинофильма «Pride and Prejudice» (2005)) // *Перспективы науки и образования*. – 2014. – №4 (10). – С. 139-143.
9. Янко Т.Е. Интонационные стратегии в русской речи в сопоставительном аспекте. – М.: Языки славянских культур, 2008.

Грамматически нечленимые восклицательные предложения в русском и английском языках

Аннотация: В статье рассматриваются основные виды и частные подвиды грамматически нечленимых восклицательных предложений в русском и английском языках, проводится их сопоставительный анализ по структуре и частотности использования в исследуемых языках. Представлены возможные варианты совмещения видов и подвидов анализируемых единиц.

Ключевые слова: восклицательное предложение, грамматически нечленимое, междометное предложение, вокативное предложение, предложения, выраженные частицами и модальными словами, средства речевого этикета.

Abstract: The main types and subtypes of grammatically indivisible exclamatory sentences in the Russian and English languages are analyzed; their comparative analysis based on structure and frequency of usage in the languages being studied is performed. Possible options of combination of types and subtypes of the analyzed units are presented.

Key words: exclamatory sentence, grammatically indivisible, interjectional sentence, vocative sentence, sentences expressed by particles and modal words, means of speech etiquette.

Как известно, эмоции представляют собой одну из форм отражения, регулирования и познания мира человеком, поэтому они неизбежно находят обозначение в языке. Ещё Ч. Дарвин и В.М. Бехтерев указывали на единую биологическую основу эмоций человека (Русина 2003, с. 94). На основании этого можно предположить, что способы их выражения в русской и англоязычной коммуникации будут иметь много сходных черт. Поскольку эмоции в языке выражаются с помощью восклицательных предложений, то представляется интересным выявить структурные типы восклицаний, а также возможные сходства и различия в сопоставляемых языках. Материалом исследования послужили 2500 русских и 2500 английских восклицательных предложений, полученных методом выборки из художественных произведений современных русских и англоязычных писателей.

По структурным характеристикам все русские и английские восклицательные предложения делятся на грамматически членимые (69% в русском и 61% в английском) и грамматически нечленимые предложения (31% в русском и 39% в английском). Данная статья посвящена рассмотрению второго структурного типа восклицаний в русском и английском языках.

Грамматически нечленимые предложения – это синтаксические единицы, основной характеристикой которых является отсутствие главных и второстепенных членов, т.е. они состоят из одного слова или из сочетаний слов-частиц. На основании этого их называют словами-предложениями или эквивалентами предложений. По структурным

параметрам они делятся на четыре основных вида. Рассмотрим их более подробно в русском языке.

Первым типом являются междометные предложения (12%), главным и единственным структурным элементом которых является междометие: *Гриша завопил счастливым голосом: «Ура! Мы едем в Шереметьево»* (Л.Е. Улицкая «Пиковая дама»), *Ха! Без денег, без работы...* (М. Палей «Long Distance»). Эти предложения в зависимости от количества структурных элементов в их составе можно разделить на три подвиды:

1) *односоставные*, состоящие из одной структурной единицы: *«Ух!» – сказала она себе зеркальной* (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»); *Стали кричать: «Эй! Выходи!»* (В.С. Маканин «Буква А»);

2) *двусоставные*, состоящие из двух структурных единиц: *«И не говори, что она боится...» «Ах, господи!» – закричала Машиа.* (Л.Е. Улицкая «Медея»); *Пользуясь полутьмой, я протянул руку к бутылке. – «Но-но!» – тотчас подхватил Петр Иванович* (В.С. Маканин «Боржоми»);

3) *трехсоставные*: *«Черт с тобой!» – кричала Майка* (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»), *С ума сойти!* (В.С. Маканин «Буква А»).

Вторым видом грамматически нечленимых восклицательных предложений в русском языке являются *вокативные* (8%), в рамках которых можно выделить следующие частные подвиды:

а) *Обращение* – название лица или лиц, к которым непосредственно обращаются с сообщением информации (Ожегов 1999, с. 436): *Она торжественно объявила: «Олег! Ты должен пойти в милицию* (В. Токарева «Своя правда»), *Он даже приостановился от удивления: «Пап!» – И тут же засмеялся: это шли овцы...* (Л.Е. Улицкая «Медея»);

б) *Зов* – громко произнесенные слова, выражающие приказ или призыв что-то сделать (Ожегов 1999, с. 232): *Мамочку увели. Марусечка кричала: «Дядя Францик! Дядя Францик! Спасите»* (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»), *Он всхрипнул, когда раздался вопль жены: «Васек! Васи-илий!.. Где ты шляешься?!»* (В.С. Маканин «Боржоми»);

в) *Называние* – присвоение имени, клички, названия кому-нибудь; произнесение имени, названия кого-чего-нибудь (Ожегов 1999, с. 581): *«Золотко мое!» – и погладил её по голове...* (Л.Е. Улицкая «Медея») – ‘врач ласково называет пациентку’; *И вдруг все накинулись: «Иванов! Патриот! Давай пожри!»* (С. Шаргунов «Патриот») – ‘студенты называют патриотом товарища за нежелание участвовать в протесте’.

Выше рассмотренные подвиды *вокативных* предложений часто совмещаются с призывом, побуждением к началу или прекращению действия, а также выражением различных отрицательных (сожаление, негодование и др.) или положительных (восторг, восхищение и т.д.) эмоций, поэтому их можно характеризовать как эмоциональные *вокативные* предложения, к которым относятся эмоциональное обращение, эмоциональный зов и эмоциональное называние.

Рассмотрим третий вид русских грамматически нечлененых восклицательных предложений, а именно предложений, выраженных частицами и модальными словами. Количество первых составляет 5%: **Нет! Это неправда!** (Б. Акунин «Чайка»), **Пусть! Пока выбили одну букву, и ты не до конца** (В.С. Маканин «Буква А»). Количество вторых – 3%: **Не надо! Я хожу, а тебе не надо** (Б. Акунин «Чайка»), **Потом велела вернуть ключи. «Конечно!» – прочитала та** (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»).

В рамках материала исследования возможно совмещение восклицательных предложений, выраженных частицами, с предложениями, представленными модальными словами, например: **«Нет! Нет, не надо!» – просит Мария** (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»), **«А сегодня можно?» – «Нет, нельзя! Сысоев тебя убьет** (Л.Е. Улицкая «Медея»).

Четвертым видом русских грамматически нечлененых восклицательных предложений являются предложения, служащие средствами выражения речевого этикета (3%), к которым относятся:

1) *Приветствие, прощание* – восклицание, выражающее доброе отношение при встрече или расставании (Ожегов 1999, с. 588): **Он сжал ребенка и сказал: «Привет!»** (А. Барикко «1900»), **Пока! – и положила трубку** (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»);

2) *Благодарность* – слова, выражающие признательность кому-нибудь за помощь, внимание (Ожегов 1999, с. 49): **Спасибо! Большое спасибо, но я сейчас не могу...** (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»);

3) *Прощение, извинение* – форма выражения раскаяния, сожаления по поводу отрицательного поступка или неприятных слов (Ожегов 1999, с. 49): **У меня нет времени. Прости!** (А. Барикко «1900»);

4) *Поздравление, пожелание* – письменное или устное приветствие с пожеланием чего-нибудь хорошего, приятного по случаю важного или радостного события (Ожегов 1999, с. 49): **Володька похлопал меня по плечу: «Удачи на новом месте!»** (Р. Сенчин «Нубук»); **«Со свиданием!» – возгласила Ника. – За ваше здоровье!»** (Л.Е. Улицкая «Медея»).

Рассмотренные подвиды грамматически нечлененых восклицательных предложений совмещаются с выражением различных эмоций, поэтому их можно характеризовать как эмоциональные средства этикета: эмоциональное приветствие, эмоциональное прощание, эмоциональная благодарность, эмоциональное извинение, эмоциональное поздравление.

Перейдем к рассмотрению видов грамматически нечлененых восклицательных предложений в английском языке, к которым относятся:

1) междометные предложения (17%): **My goodness! You two look like you're embroiled in a lovers' quarrel; Aha!** (С. Bushnell "Trading up"). Эти предложения, также как и в русском языке, на основании количества структурных элементов в их составе делятся на три подвида:

а) односоставные: *Oh! I couldn't read Turkish* (C. Bushnell "Trading up"); *Jesus! Money. She was going to hide it* (Ch. Bukowski "South of no North");

б) двусоставные: *Steady on! You nearly knocked the cup out of my hand!* (Ch. Bukowski "Pittsburgh Phil"), *Jesus Christ!* (C. Bushnell "Trading up");

в) трехсоставные: *"God damn it!" he shouted. "This is a hell of a way to start the new year!"* (C. Bushnell "Trading up").

2) вокативные (12%), которые сопровождаются выражением различных положительных или отрицательных эмоций, поэтому все подвиды можно характеризовать как эмоциональные. К ним относятся:

а) эмоциональное обращение: *Dear Peterson!* (F. Raphael "The Glittering Prizes"); *"Mike!" she said* (C. Bushnell "Trading up");

б) эмоциональный зов: *The audience was cheering enthusiastically and shouting, "Andrew! Andrew!"* (S. Sheldon "Are You Afraid Of the Dark"); *Hank! Hank! HANK!* (Ch. Bukowski "Pittsburgh Phil") – 'Джо стучит в дверь, но Хэнк не открывает';

в) эмоциональное называние: *"Darling!" Mimi said, exhaling a sigh. You know you shouldn't smoke and eat at the same time* (C. Bushnell "Trading up").

Рассмотренные выше подвиды английских вокативных предложений часто совмещаются с призывом, побуждением к действию: *"Janey!" he said. "You come out and talk about this"* (C. Bushnell "Trading up") – 'обращение совмещается с гневом, злостью, так как жена не хочет говорить'.

3) предложения, выраженные частицами (4%): *"Did you see that?" Janey asked. – "No!" Patty said, angrily; "Do you want to know the child's sex?" "Yes!" Mimi said joyfully* (C. Bushnell "Trading up") и модальными словами (2%): *She will help! Of course!* (R. Bradbury "The Veldt").

В английском языке в рамках материала исследования возможно совмещение восклицательных предложений, выраженных частицами с предложениями, представленными модальными словами, например: *"Of course not!" Janey said* (C. Bushnell "Trading up").

4) предложения, служащие средствами речевого этикета (4%), подвиды которых также, как и в русском языке, совмещаются с выражением эмоций, поэтому являются эмоциональными:

а) эмоциональное приветствие, прощание: *Hello! I haven't seen you for ages* (C. Bushnell "Trading up"), *"Good morning!" the doctor said cheerily* (Ch. Bukowski "South of no North");

б) эмоциональная благодарность: *"Can we get a picture of the two of you?" "No! Thanks!" he said* (Ch. Bukowski "South of no North"); *"You must stay and enjoy refreshments." "Thank you!" Janey said* (C. Bushnell "Trading up");

в) эмоциональное прощание, извинение: *"Excuse me!" the photographer said. "Can we get a picture of you?"* (Ch. Bukowski "South of no North");

г) эмоциональное поздравление, пожелание: *Congratulations! You've won the race!* (R. Bradbury "The Veldt").

Как показало исследование, в коммуникации русские вокативные предложения часто совмещаются со следующими грамматически нечленимыми типами восклицаний:

1) междометными: *Фу, мама!; Черт возьми тебя, дочь!* (Г.Н. Щербакова «Восхождение на холм»); *Ну, бабы!* (Л.Е. Улицкая «Медея»);

2) предложениями, служащими для выражения речевого этикета: *Спасибо, мамочка! Ты столько для нас делаешь...* (Л.Е. Улицкая «Медея»);

3) предложениями, выраженными частицами (*Она поставила точку: «Нет, Андрей! Нет!»*) (Л.Е. Улицкая «Орловы-Соколовы») и модальным словом (*Свекровь пыхнула гневом: «Конечно, Маши! О муже и о ребенке ты не беспокоишься!»*) (Л.Е. Улицкая «Медея»).

В английском языке также возможны эти варианты совмещения:

1) вокативное предложение + междометное предложение: *For God's sake, Janey!, Jesus, Janey!, Goddammit, Janey!* (C. Bushnell "Trading up");

2) вокативное предложение + предложение, служащее средством речевого этикета: *Hi, Sis!; Thank you, Mimi!* (C. Bushnell "Trading up");

3) вокативное предложение + предложение, выраженное частицей (*But my darling, no!*) (C. Bushnell "Trading up") или модальным словом (*Of course, Selden!, Really, Mimi!*) (C. Bushnell "Trading up").

В русском и английском языках возможны и другие варианты совмещения структурных типов грамматически нечленимых восклицательных предложений. Например:

1) междометное предложение + предложения, выраженные частицами и модальными словами: *Oh yes! Janey said, giving him a sarcastic smile; Oh really! She said airily* (C. Bushnell "Trading up"); *Она его перебила: «Ах, нет! Он приходит ко мне, как ты...* (Л.Е. Улицкая «Медея»);

2) междометное предложение + предложение, выраженное частицей или модальным словом + вокативное предложение *"Oh yes, Rasheed!" she said. "You were absolutely wonderful"* (Ch. Bukowski "South of no North"); *«Они не поедут». – «О, да, да, конечно, мамочка!»* (Л.Е. Улицкая «Зверь»);

3) междометное предложение + средства речевого этикета + вокативное предложение: *Oh please, Bill! Janey said, the note of disgust in her voice* (C. Bushnell "Trading up"); *«Мама посмотри, кто пришел». – «А, Лидочка, добрый день!»* (Л.Е. Улицкая «Цю-юрихь»).

Таким образом, в результате проведенного исследования было выделено четыре основных вида русских и английских грамматически нечленимых восклицательных предложений: междометные, вокативные, предложения, представленные частицами и модальными словами и предложения, служащие средствами речевого этикета. Среди данных видов в английском языке чаще используются междометные и вокативные предложения, в то время как в русском – предложения, выраженные частицами и модальными словами. Данный факт может быть объяснен структурными

особенностями сопоставляемых языков, а также предпочтениями говорящих в использовании того или иного типа предложения.

В рамках каждого из основных видов были выделены частные подвиды, которые являются эмоциональными, поскольку всегда сопровождаются выражением эмоций говорящего, а также были рассмотрены возможные случаи их совмещения. В обоих языках вокативные предложения чаще всего совмещаются с междометными и с предложениями, являющимися средствами речевого этикета.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений. – М. : Азбуковник, 1999.
2. Русина Е.А. Отражение эмоций средствами параязыка в русском и английском художественном тексте // Картина мира и способы её репрезентации: сб. науч. докладов. – Воронеж, 2003. – С.94-99.

Л.Г. Попова, П.А. Иванова

Фонетическая характеристика вариантов алеманнского диалекта в Австрии и Швейцарии

Аннотация: В статье осуществляется сопоставительный анализ вокалической системы вариантов алеманнского диалекта в Австрии и Швейцарии.

Ключевые слова: алеманнский диалект, Австрия, Швейцария, сопоставительный анализ, вокалическая система.

Abstract: The paper provides a comparative analysis of the vocal system of variants of the Alemannic dialect in Austria and Switzerland.

Key words: Alemannic dialect, Austria, Switzerland, comparative analysis, vocal system.

Обращение к сопоставительному исследованию фонетического строя языков в настоящее время по-прежнему занимает одно из ведущих направлений в лингвистике (Бурнакова, Боргоякова 2018). Но мало изученным остается сопоставительный анализ вариантов реализации диалекта в рамках нескольких стран. Объектом данной статьи выступает алеманнский диалект.

Алеманнский диалект, иногда называемый швейцарским, относится к верхне немецкой группе диалектов. В него входят швабский, нижнеалеманнский, среднеалеманнский, южно-алеманнский и верхнеалеманнский диалекты. Алеманнский – один из древнейших диалектов. Среди других он выделяется своей неоднородностью в этническом отношении, так как распространен сразу в нескольких крупных регионах: немецкоязычной Швейцарии, Баден-Вюртемберге и баварской Швабии (Германия), Форарльберге в Австрии, Лихтенштейне, Эльзасе во Франции и частично Пьемонте в Италии.

Алеманнский диалект, как и прочие диалекты немецкого и других европейских языков, в течение полуторавековой истории их изучения был детально исследован с фонетической точки зрения (Кахро 2006). Целью нашей статьи выступает сопоставительное исследование форальбергского варианта алеманнского диалекта в Австрии и швейцарского варианта данного диалекта (Чукшис, Копчук 2019; Языки мира 2000).

Рассмотрим вокалическую систему алеманнского диалекта в Австрии и Швейцарии.

Сходство наблюдается в том, что в австрийском варианте имеет место присутствие долгих гласных в корнях слов: Biira 'Birne'; Bootscha 'Hausschuh'; Do-opa 'Finger'; Düüfl 'Teufel'; duur 'durch'; Buuch 'Bauch'; Büüla 'Beule'; Fiirtig 'Feiertag'; Goof 'Kind'; Huufa 'Haufen'; Kriida 'Kreide'; Muus 'Maus'; Naacht 'Nacht'; Rooch 'Rauch'. Аналогичное явление наблюдается и в швейцарском варианте: наличие долгих открытых гласных звуков, например, в словах: rèèd – речь (нем. Rede); rìs – великан (нем. Riese); spìll – игра (нем. Spiel); wìin – вино (нем. Wein); tûür – сухой (нем. Dürr); pùürscht – парень (нем. Bursche); stròòss – улица (нем. Straße).

Сходство констатируется и в монофтонгизации ei > i; au > u: fii 'fein'; niida 'neiden'; triiba 'treiben'; liida 'leiden'; mi-ida 'meiden'; gruusig 'grausig'; muura 'mauern'; Suu 'Sau'; Zuu 'Zaun' в Австрии, и в отсутствии дифтонгизации узких долгих гласных звуков /i/, /ü/, /ū/ в швейцарско-немецком диалекте. Это находит подтверждение в таких словах, как līb – тело (нем. Leib); hūs – дом (нем. Haus) – hūser – дома (нем. Häuser); lūt – люди (нем. Leute).

Отдельно поговорим о различиях.

В алеманнском диалекте Форальберга Австрии имеют место следующие отличительные явления:

- наличие вокализации согласных l, r: hoin 'holen'; foign 'folgen'; Hearz 'Herz'; 'alt'; Jqa 'Jahr'; fiahti 'fertig'; gua 'gar'; wua 'wahr';
- произнесение долгого [a:] в корнях и конечном звуке глаголов: bläära 'weinen'; bli-iba 'bleiben'; füüla 'fühlen'; flüüüa 'fließen'; gi-
- ira 'knarren'; gnüüüa 'genießen'; griifa 'greifen'; hüüsla 'spielen'; koofa 'kaufen'; roota 'reiten'; nizza 'nießen';
- редукция префикса ge- у существительных и глаголов в форме причастия II: Gfria 'Gefrier, Kälte'; Ghüf 'Gehilfe'; g'habt 'gehabt'; gfoin 'gefallen'.

В швейцарском варианте алеманнского диалекта отмечаются такие специфичные явления в системе гласных, как

- узкие долгие гласные звуки произносятся как дифтонги ei, au, eu, например, Zait – время (гер. ст. Zeit); Bauch – живот (гер. ст. Bauch); Zoüg – вещь (гер. ст. Zeug). В швейцарско-немецком диалекте употребляются монофтонги, как в словах:

Ziit, Buuch, Züüg или Fүүr (гер. ст. Feuer); Uf Widerluege (гер. ст. Auf Wiedersehen);

- архаичные узкие дифтонги /ie/, /ue/, /üe/, которые можно проследить на примере таких слов, как: lieb – милый (гер. ст. lieb реализуется с узким долгим гласным звуком /i:/); ruf – репутация (гер. ст. Ruf произносится с узким долгим гласным звуком /u:/); guet – хороший (гер. ст. gut произносится с узким долгим гласным звуком /u:/); trüb – тусклый, пасмурный (гер. ст. trüb реализуется с узким долгим гласным звуком /y:/); Brüeder(e) – братья (гер. ст. Brüder реализуется с узким долгим гласным звуком /y:/);

- употребление следующих форм слов: liib, ruuf, guut, trüüb, Brüüder.

Наличие сходства объясняется тем фактом, что родство диалекта Форарльберга с алеманнским Швейцарии позволяет жителям Форарльберга беспрепятственно общаться с населением близлежащих северо-восточных районов Швейцарии. Однако существуя и развиваясь в рамках австрийской национальной государственности, алеманнский диалект Форарльберга обнаруживает свои характерные особенности, что выражается в процессах интеграции в речевую структуру всей страны.

Сходство обнаруживается и потому, что имеет место французское культурное влияние, которое распространилось на всю территорию Австрии и оставило свой след в диалекте Форарльберга. А в самой Швейцарии французский язык является государственным языком. Диалект Форарльберга можно рассматривать не только как одну из форм существования немецкого языка в Австрии, но и как важное средство социальной связи, неотъемлемую часть социальной действительности, сложившейся в данной федеральной земле.

Сделаем попытку пояснить присутствие такого большого числа различий в вокалической системе швейцарского алеманнского диалекта.

Как известно, диалекты немецкоязычной Швейцарии относятся к алеманнской группе и делятся на западные (Westschweizerdeutsch), центральные, восточные и альпийские/валлисийские.

В Швейцарии, напротив, происходит усиление позиций алеманнского диалекта: в форумах и SMS-сообщениях швейцарская молодежь пишет в основном на диалекте, на телевидении и на радио все больше передач выходит на алеманнском диалекте.

Образования нового языка не происходит только потому, что диалект в свою очередь подразделяется на поддиалекты, носители которых сложно воспринимают друг друга (алеманнский диалект кантона Валлиса отличается больше всех от других), и не существует единого алеманнского диалекта. Поэтому устным языком в немецкоязычной части Швейцарии остается алеманнский в его швейцарском варианте.

Литература

1. Бурнакова, К.Н., Боргоякова Т.Н. Ритмомелодическое оформление иноязычной речи: содержательный аспект // Казанская наука. – 2018. – № 9 – С. 64-67.
2. Кахро Н.М. Синтаксические особенности алеманнских диалектов Швейцарии: дисс. ... канд. филол.наук. – Санкт_Петербург, 2006.
3. Чукшис В.А., Копчук Л.Б. Лингвистический и социокультурный статус верхнеалеманнского диалекта Форарльберга//Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019 – Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-i-sotsiokulturnyy-status-verhnealemannskogo-dialekta-forarlberga>
5. Языки мира. – М.: Academia, 2000.

Е.А. Шамина

Языковые и культурные особенности в сопоставительных исследованиях фоносемантики

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокультурные особенности, выявляющиеся при проведении сопоставительных фоносемантических исследований разных планов: перцептивных экспериментов с носителями разных языков, сравнительного изучения оригинального и переводного литературного текста или наполненности лексикона с той или иной семантикой звукоизобразительными элементами.

Ключевые слова: фоносемантика, семантическое поле, психолингвистический эксперимент, лингвокультура, картина мира

Abstract: The paper discusses specific features of language cultures encountered in several types of phonosemantic research: perception experiments with speakers of different languages, comparative study of the original literary text and its translation, contrastive analysis of sound symbolic and sound imitative elements in lexicons with certain semantics.

Key words: phonosemantics, semantic field, psycholinguistic experiment, language culture, world mapping

Поскольку явление языковой звукоизобразительности имеет психофизиологические основания (Горелов 2005), в частности, такие как синестезия и синестемия, а также опирается на общие когнитивные принципы знаковых систем (Peirce, 1994), оно с необходимостью должно демонстрировать черты универсальности, т.е. быть сходным для всех языков и языковых культур. Данное теоретическое положение подкрепляется многочисленными сопоставительными исследованиями на материале разных, в том числе, разносистемных языков и с учетом двух основных видов фоносемантики: ониматопеи и звукового символизма (Воронин 1982). Тем не менее, именно сравнительное изучение проявления фоносемантики в разных лингвокультурах обнаруживает факты их частноязыковой специфики. Это наблюдение еще раз доказывает истинность утверждения об исключительной важности сопоставительного подхода для определения общности или национальных особенностей как в

структуре языка, так и в законах его функционирования (Стернина, Стернин 2021, с. 38).

Например, сравнительное рассмотрение результатов серии перцептивных экспериментов, в ходе которых носителям разных европейских языков предлагалось оценить звучание американских эмотивных сленгизмов – пейоративов и мелиоративов по шкале «пренебрежение – восхищение», выявило как общие, так и частные фоносемантические стратегии, применявшиеся респондентами (Шамина 2013). Вообще говоря, пейоративная семантика, по большей части, ассоциируется с губными звуками, велярными согласными и гласными заднего ряда, а также шумными щелевыми согласными, артикуляция которых может метафорически изображать гримасы неприязни, плевание, рвотные позывы и резкие выдохи для удаления, например, неприятного запаха. Статистический анализ ответов большого количества респондентов с высокой долей достоверности подтверждает значимость указанных фонетических факторов для восприятия пейоративного значения. Так, носители пяти европейских языков единодушно (и справедливо) признали пейоративами следующие американские сленгизмы: *blab* /blæb/, *bloop* /blup/, *goof* /guf/, *guff* /glʌf/, *muff* /mʌf/, *stodge* /studʒ/, в звуковой форме каждого из которых представлены губные согласные или гласные. Однако принадлежность испытуемых к той или иной лингвокультуре предопределяла их индивидуальный выбор наиболее экспрессивных звуков из указанных звукотипов, а также влияние длины слова (например, чем слово длиннее, тем приятнее оно звучит для носителей финского языка) и реализации фоносемантически релевантных звуков с рассматриваемой ассоциативной символикой в начале или в конце слова (например, для русских гораздо важнее их появление в начале слова, чем в конце). Таким образом, в рамках обсуждаемых экспериментов общее в фоносемантической перцепции определяется универсальными положениями теории языковой иконичности, а частное – особенностями дистрибуции фонем и функционирования других фонетических свойств звуковой системы конкретного языка.

Схожие закономерности наблюдаются и при сопоставительном изучении фоносемантической составляющей оригинала и переводов на русский язык широко известного в англоязычной культуре стихотворения Р. Саути «Лодорский водопад» (R. Southy. The Cataract of Lodore) (Шамина 2019). Наличие в английском языке противопоставления открытых и закрытых (выделены курсивом) слогов, а также варьирование в английской речи гласных по длительности (долгие подчеркнуты) делают длинный ряд глаголов, описывающих как медленное, так и быстрое, бурное движение воды, прекрасной звуковой метафорой той изменчивой картины природы, что рисует поэт. В русском переводе (ниже приведен отрывок из перевода Т. Лешкевич) этот эффект утрачивается (или существенно ослабевает),

несмотря на усилия переводчиков, в связи с тем, что русские ударные гласные реализуются с примерно одинаковой длительностью, а слоги тяготеют к открытости, что сказывается на определенной монотонности ритмического рисунка стихотворения, ср.:

... <i>Flying and flinging,</i>	...Ударяясь и разлетаясь,
<i>Writhing and ringing,</i>	Извиваясь, переливаясь,
<i>Eddying and whisking,</i>	Грохоча, бормоча,
<i>Spouting and frisking,</i>	Дребезжа и дрожа,
<i>Turning and twisting...</i>	Разливаясь и сокрушаясь...

Данное наблюдение приводит автора к выводу о существовании особого компонента в языковой картине мира, а именно фоносемантического.

Идея фоносемантического компонента языковой картины мира находит дальнейшее подтверждение в ходе сопоставительного анализа звукоподражательной лексики в русском, английском и итальянском языках (Shamina, Smekhova, 2016). При том, что рассматривались только лексические аналоги звукоподражательных слов в указанных языках (кросс-лингвальные синонимы), оказалось, что инстанты, т.е. обозначения импульсов, ударов (Воронин 1982, с. 45-46), составляют более половины всех ономатопов в английском языке, в то время как в русском и итальянском они представляют собой наименее частотную категорию звукоподражаний. Это значит, что одни и те же звучания внешней среды разные языки 'предпочитают' репрезентировать посредством разных фонетических последовательностей, описываемых разными звукоподражательными категориями. Такое же заключение остается сделать и на основании сравнения глагольных обозначений лая в 8 европейских языках: германских (английский, немецкий, шведский и норвежский), романских (испанский и итальянский), славянском (русский) и балтийском (литовский). Оказывается, только в германских языках среди звукообозначений вокализаций, присущих коммуникативной системе собак, встречаются инстанты (ср. англ. *whimper*, *yap*, нем. *japsen*, норв. *klynke*), в то время как в других языках используются преимущественно континуанты (ср. лит. *lėti*) и фреквентативы (ср. исп. *ladrar*), т.е. обозначения длительных тонов или шумов, а также диссонансов или вибраций, соответственно (Воронин 1982, с. 45-46). Представляется, что исключительно фонотактического объяснения наблюдаемых расхождений в фонетическом строе звукоподражаний в разных языках явно недостаточно. По всей вероятности, они в большей мере объясняются именно различиями в фоносемантическом фрагменте картины мира.

Помимо искомых и ожидаемых сведений относительно иконических закономерностей в языке, сопоставительные исследования в области фоносемантики позволяют обнаружить и лингвокультурные особенности анализируемого материала. Уже отмечалось, что только посредством сопоставления языковых данных можно установить различия в

ментальных концептах (Попова, Стернин 2007, с. 100-101). В данном случае, с целью изучения эмотивно-оценочного фонетического значения в русском и английском языках автором на основе словарей сленга были составлены словники пейоративных и мелиоративных лексем. Для более детального описания далее проводился анализ их семантических полей (Шамина 2001), которые оказываются достаточно разветвленными и во многом совпадают, но в некоторых случаях демонстрируют существенные расхождения. Так, довольно большую долю русских пейоративов (около 15% словника) составляют обозначения людей некрасивых и неопрятных, в американском же материале их значительно меньше (около 5%). Видимо, внимание к внешности более характерно для русских, чем для американцев. Различия касаются не только представленности того или иного концепта в лексиконе, но и его содержания. Американские пейоративы с общим значением 'секс' преимущественно включают обозначения лиц нетрадиционной сексуальной ориентации или причастных к проституции, в то время как в русской сниженно-разговорной речи акцент делается на осуждение аморальности вообще и супружеской неверности, в частности. В сходном исследовании на материале французского языка сленгизмы с указанной семантикой оказалось невозможным причислить к пейоративам, в силу отсутствия у них отрицательно-оценочной коннотации.

При проведении психолингвистических экспериментов, упомянутых выше, тоже необходимо учитывать лингвокультурные факторы, без чего толкование полученных данных может оказаться ложным. Так, в экспериментах с респондентами-европейцами автором никогда не наблюдались гендерные различия в восприятии иноязычной лексики, однако, когда в опросе принимали участие носители узбекского языка и культуры, эмоционально-окрашенные реакции давали только женщины, а мужчины предпочитали выбирать нейтральные градации шкалы, что может свидетельствовать об их эмоциональной сдержанности. Более того, даже женщины крайне редко признавали, что слышат слово, подходящее для выражения пренебрежения, и определяли их как мелиоративы, практически без всякой связи с их фонетическим составом. Только позже автор поняла, что столь неожиданные результаты объясняются условиями проведения эксперимента: звуковой материал был записан диктором-женщиной, процедуру опроса проводила молодая женщина – узбечка на родном для респондентов языке (это неперемное условие такого рода экспериментов), и участники, находясь в сфере родной лингвокультуры, руководствовались правилами поведения в ней и были не способны давать негативные, хотя и объективные ответы.

В заключение отметим, что фоносемантические исследования, как и исследования в других областях лингвистики, только выигрывают от

привнесения в них сопоставительных стратегий. Последние позволяют взглянуть на изучаемые явления и шире, и глубже.

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Ленинград: ЛГУ, 1982.
2. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избранные труды по психолингвистике. – Саратов: СГУ, 2005.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ «Восток-Запад», 2007.
4. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. – Воронеж: «РИТМ», 2021.
5. Шамина Е.А. Проблема поэтического иконизма в разных языках // Критика и семиотика. – Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2019. – №2. – С. 262-271.
6. Шамина Е.А. Восприятие эмоционально-оценочной лексики неродного языка: универсальные и частноязыковые факторы // Proceedings of the 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics: June 26-29, 2013, Moscow, MSU. – Moscow: ISAPL, 2013. – P. 272 -273.
7. Шамина Е.А. Семантические поля американских и русских пейоративов // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов филологического ф-та СПбГУ. Секция Общего Языкознания. – Вып. 21. – Часть 1. – СПб.: – 2001. – С. 57 – 61.
8. Peirce C. S. Peirce on Signs: Writings on Semiotic, J. Hoopes (ed.). – Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1994.
9. Shamina E.A., Smekhova M.A. English and Italian sound imitations: a comparative study // Англистика XXI века: Материалы VIII Всероссийской научно-методической конференции. – СПб.: ANCO University Education Districts, 2016. – т. 2. – С.88 – 94.

Раздел 7.

Сопоставительные исследования и перевод

Е.В. Дмитриенко, М.В. Влавацкая

Парадигматические девианты при переводе с английского языка на русский

Аннотация: В статье рассматривается понятие парадигматических девиантов – речевых ошибок, возникающих при переводе и связанных с парадигматическими отношениями слов, приводящих к лексической кальке, употреблению несуществующих в языке лексем или использованию языковой единицы, не обладающей системой значений, приписанной ей. Данный вид девиантов рассматривается на примере ложных друзей переводчика при переводе с английского языка на русский.

Ключевые слова: речевые ошибки, ложные друзья переводчика, перевод.

Abstract: This paper discusses the concept of paradigmatic deviants – speech errors that occur during translation and are associated with the paradigmatic relations of words, leading to lexical tracing, the use of lexemes that do not exist in the language, or the use of a language unit that does not have a system of meanings assigned to it. This type of deviants is

considered on the example of translator's false friends when translating from English into Russian.

Key words: speech errors, translator's false friends, translation.

При сопоставлении языков и при переводе с одного языка на другой неизбежно возникают так называемые аномалии – разного рода речевые ошибки, или «девианты» (Дебрэнн 2006, с. 12).

Проблема влияния родного языка на появление системных отклонений в изучаемом иностранном языке традиционно рассматривается в рамках межъязыковой интерференции. В то же время изучение становления вторичной языковой личности, формирования систем когнитивных тактик и новых когнитивных структур, не присущих первичному языковому сознанию индивида, невозможно без изучения отрицательного языкового материала – девиантов, возникающих в ходе изучения иностранного языка и при переводе. При этом особую трудность вызывают коллокации, или такие комбинации двух и более слов, которые имеют тенденцию к совместной встречаемости. Например, *bright idea* (блестящая идея / мысль) нельзя дословно перевести на русский язык как *светлая идея*. Данная коллокация охватывает как синтагматические, так и парадигматические отношения лексических единиц: на синтагматическом уровне здесь задействована связь между двумя составляющими коллокации, на парадигматическом – девиант вызван подменой слова, связанной с ложной ассоциацией.

Актуальность темы обусловлена необходимостью введения термина «парадигматический девиант» как особого вида речевых ошибок при переводе.

Цель исследования заключается в выявлении и определении понятия «парадигматический девиант» как обозначающего один из видов ошибок в переводе.

Для достижения цели необходимо рассмотреть понятие «девиация», «девиант» и «парадигматический девиант», а также выявить парадигматические девианты при помощи эксперимента.

Отклонение от языковой нормы в процессе перевода называется межъязыковой девиацией, характеризующейся как когнитивный процесс, которая реализуется в системе межъязычия – одной из когнитивных систем сознания, сосуществующей с первичной языковой системой, в результате игнорирования (непреднамеренного, часто интерферентного) системно-коммуникативных свойств единиц системы второго языка на всех его уровнях (Дебрэнн 2006, с. 35).

В лингвистической литературе встречается термин «девиант». Важно разграничивать термины «девиация», который означает процесс образования ошибки, и «девиант», который означает результат девиации, вербализующийся в речи билингва.

Девияция может нарушать парадигматические виды отношений между лексическими единицами. Ф. де Соссюр утверждал, что разные языковые единицы организованы и ассоциативно соотнесены друг с другом в мозгу человека. Они располагаются не хаотично, а группируются в классы на основании какого-либо общего признака. Такие классы единиц называют **парадигмами**, а отношения между ними – **парадигматическими** (Соссюр 1999). Данный вид отношений формируется из ассоциативной связи, которой связаны между собой слова (ассоциация основ и ассоциация формальных принадлежностей) (Ушаков 2005). Девиянты в данном случае связаны с использованием неправильно выбранной ассоциации слов или словоформ говорящим. Например, *rebellion* (*rebellion*) – *бунт*, здесь неверно подобран суффикс слова из-за ассоциаций с группой слов с данным суффиксом (*gradation*, *alliteration*) или *a fantast writer* (*science fiction writer*) – *писатель-фантаст*, здесь имеет место калька с русского языка из-за иностранного происхождения данного слова, а также *brilliant* (*diamond*) – *бриллиант*, где проявляется проблема ложных друзей переводчика (слово, схожее по написанию, но имеющее другое значение). Исходя из этого, считаем обоснованным называть описываемый вид девиянтов парадигматическими девиянтами, а процесс их возникновения – парадигматической девияцией.

Для русскоязычных испытуемых характерны девияции в употреблении единиц иностранного языка на всех его уровнях и во всех аспектах функционирования. Парадигматические отношения между единицами в разных языках, в отличие от отношений между единицами внутри систем родного или иностранного языков, нередко искажаются: во-первых, возникают лексико-грамматические нарушения, вызванные тем, что выбранная респондентом лексема не обладает нужной частеречной характеристикой; во-вторых, структурно-семантические, приводящие к созданию и употреблению не существующих в иностранном языке лексем, например, *incompetitive* вместо *uncompetitive* (неверно подобранная приставка); в-третьих, лексико-семантические, появляющиеся в тех случаях, когда употребленная респондентом языковая единица в английском языке не обладает системой значений, приписанной ей респондентом, например, *take a favour* вместо *do a favour* (неверно подобранная коллокация), *replica* вместо *reply* / *remark* (реплика) – в данном случае встает проблема ложных друзей переводчика, представляющая опасность и вероятность неправильного отождествления слов данной категории с неэквивалентными словами в другом языке. «Ложные друзья переводчика» вводят в заблуждение даже опытных мастеров (Акуленко 1969), так как они только по форме выражения напоминают русские слова, имея при этом совершенно другое значение. Подобные ошибки, возникающие при переводе, касаются

парадигматических отношений слов. Исходя из этого, считаем целесообразным именовать их парадигматическими девиантами.

С целью выявления парадигматических девиантов нами был разработан и проведен эксперимент с участием 50 студентов-переводчиков. Испытуемым были даны предложения на перевод с английского на русский язык, включающие слова из категории ложных друзей переводчика, т.е. межъязыковые омонимы, или слова, имеющие одинаковое звучание, но разные значения» (Будагов 1972, с. 12). Такие слова ошибочно ассоциируется со схожими словами в другом языке, нередко ведут к ложным ассоциациям и, следовательно, приводят к возникновению парадигматических девиантов (например, *sympathy* – симпатия, *fabric* – фабрика).

Для эксперимента на перевод были взяты следующие предложения, содержащие ложных друзей переводчика:

1. The U.S. Army adopted a new *ammunition*.
2. He's a *collector*, he has money and contacts.
3. He was a *compositor* for George Smeeton in 1812.
4. Mario Bernardi is Canadian *conductor* and pianist.
5. His delegation believed that they had such special *expertise*.
6. He was a *genial* and kind man.
7. You need someone to lift your *morale*.

В процессе эксперимента студенты предложили следующие переводы.

В предложении *The U.S. Army adopted a new ammunition* слову *ammunition* были даны следующие переводные варианты: *обмундирование, снаряжение, военная форма, униформа, боеприпасы и аммуниция*. Около 36% студентов выбрали вариант *аммуниция*, при этом скалькировав орфографию английского слова (в русском языке слово пишется без удвоения согласной «м»).

В предложении *He's a collector, he has money and contacts* зафиксировано всего два варианта перевода – *коллектор* и *коллекционер*, некоторые студенты вообще не смогли перевести это предложения на русский язык.

Около 40% респондентов столкнулись с трудностями при переводе предложения *He was a compositor for George Smeeton in 1812*, выбрав вариант «композитор» или используя синонимичную замену «он писал произведения».

Для перевода слова *conductor* в предложении *Mario Bernardi is Canadian conductor and pianist* почти 45% студентов выбрали вариант *дирижер*. Также были такие варианты перевода, как *проводник, кондуктор, исследователь* и *руководитель*. Восемнадцать процентов студентов не смогли перевести ни слово, ни предложение.

В предложении *His delegation believed that they had such special expertise* 43% выбрали для перевода *expertise* созвучное русское слово – «экспертиза». Если принять во внимание его значение «a high level of

knowledge or skill», то этот вариант не является эквивалентным, так как речь идёт скорее о знаниях или компетентностях. В то же время предлагались и наиболее подходящие варианты – такие, как *знания* или *компетенция*. Несколько испытуемых перестроили предложение: *они были самыми компетентными*, также были предложены варианты *неповторимый опыт* и *специальная проверка*.

При переводе предложения *He was a genial and kind man* слово **genial**: перевели, как *гениальный, искренний, щедрый и дружелюбный*. Межъязыковой омоним этого слова – «гениальный» не совсем подходит в качестве аналога, однако им воспользовалось порядка 20% студентов.

Предложение *You need someone to lift your morale* не смогли перевести 28% испытуемых. Несмотря на то, что у слова *morale* есть определенное сходство с русским словом «мораль», оно имеет совершенно другое значение: «the amount of confidence felt by a person or group of people, especially when in a dangerous or difficult situation», что следует перевести как «боевой дух» или «моральное состояние». Именно такой перевод выбрали 11% студентов. Помимо этого, были предложены синонимичные варианты: *кто поднимет твое настроение, кто поддержит тебя и ты нуждаешься в какой-то моральной поддержке*. Однако многие испытуемые предпочли перевод *мораль*, но использовали разные вариации – такие, как *кто поднимет тебе моральные устои, кто научит тебя морали* и имеющее совершенно другой смысл: *кто поставит тебя на место*.

В таблице ниже приведены парадигматические девианты, зафиксированные при переводе слов категории ложных друзей переводчика и возникшие у испытуемых при проведении нашего эксперимента:

Парадигматический девиант	Ложный друг переводчика	Процент проявления девиации
*аммуниция	ammunition	36%
*коллектор	collector	55%
*композитор	compositor	40%
*кондуктор	conductor	45%
*экспертиза	expertise	19%
*гениальный	genial	28%
*мораль	morale	11%

Как видно из таблицы, для перевода достаточно часто испытуемые использовали слова из категории ложных переводчика, что свидетельствует о наличии у них неверных ассоциаций между словом оригинала и его эквивалентом в русском языке. Этот процесс мы называем парадигматической девиацией.

При переводе с одного языка на другой у переводчика нередко возникают определенного рода ошибки, именуемые нами парадигматическими девиантами, что подтверждает проведенный нами эксперимент. В связи с этим мы приходим к выводу, что **парадигматические девианты** – это речевые ошибки, возникающие при переводе с одного языка на другой, связанные с парадигматическими (ассоциативными) отношениями между словами и провоцирующие такие девиации, как лексическая калька, употребление несуществующих в языке лексем или использование языковой единицы, не обладающей системой значений, приписанной ей респондентом.

Литература

1. Акуленко В.В. О ложных друзьях переводчика. – М., 1969.
2. Будагов Р.А. Рецензия на англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» // Мастерство перевода. – М., 1972. – С.5-15.
3. Дебрэнн М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дисс. ... доктора филологических наук. – Новосибирск, 2006.
4. Соссюр Ф.Д. Курс общей лингвистики: пер. с фр. – Екатеринбург: изд. Уральского Университета, 1999.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта, 2005.

В.Н. Картавец

Номинация воинских подразделений различного уровня в русском и английском языках

Аннотация: В статье предпринимается попытка провести последовательный сопоставительный анализ русской и английской терминосистем, отражающих иерархию воинских подразделений (формирований, соединений). Показано, что на фоне общего сходства в данных системах наблюдаются терминологические различия частного характера.

Ключевые слова: военная лексика, военный перевод, воинское подразделение, термин, терминосистема.

Abstract: The paper aims at the systemic comparative analysis of Russian and English terms reflecting the hierarchy of military units. The research shows both general similarity of the two terminological systems and particular differences between certain terms.

Key words: military vocabulary, military translation, military unit, term, terminological system.

Вследствие исторических и языковых различий в военных терминосистемах, описывающих реалии вооруженных сил разных государств, неизбежно возникают различия, которые создают определенные трудности при переводе военной терминологии с одного языка на другой. Соответственно, успешное выполнение военным переводчиком профессиональных задач требует учета подобных различий. От их учета зависит и успех разработки качественных учебно-

методических материалов для студентов и курсантов военных специальностей. Выявление таких различий осуществляется либо непосредственно в ходе практической деятельности преподавателя и переводчика, либо в ходе научно-исследовательской деятельности ученого, занимающегося сопоставительным изучением военной лексики в разных языках. Поскольку система названий, отображающая иерархию воинских подразделений, является одной из основополагающих подсистем военной терминологии, проведем сопоставительное исследование этих названий в русском и английском языках. В качестве источников языкового материала воспользуемся словарями (Англо-русский военный словарь 1968; Bowyer 2004; Леонов, Мансур 2011).

В русском языке присутствуют следующие номинации военных подразделений (единиц, соединений) сухопутных войск: *отделение, взвод, рота, батальон, полк, бригада/дивизия, корпус, армия*.

В английском языке уже на самом нижнем звене этой иерархии начинаются отличия. Самая малая боевая единица в стрелковом подразделении называется *fireteam*. В Российской армии такая единица исторически не выделяется, поэтому в русском языке нет и термина, ее обозначающего. В данной единице четыре бойца, она выделяется в пехотных подразделениях Великобритании и США, а также в американской морской пехоте. В качестве перевода нам представляется целесообразным использовать кальку – *огневая группа*.

Русскому *отделению* соответствуют понятие *section* в Великобритании (соответствующей единицей там командует капрал) и понятие *squad* в армии США (возглавляется сержантом). Слово *squad* может обозначать также *группу* или *команду* бойцов. Важно отметить, что существует и одноименный глагол со значением «сводить в группу, группировать». От данного слова произведено слово *squadron*. По данным Англо-русского военного словаря Г.А. Судзиловского, оно имеет много значений: *эскадрон, дивизион, разведывательный батальон, авиаэскадрилья, эскадра*. В английском языке есть также глагол *squadron*, означающий «сводить в эскадрилью» (Англо-русский военный словарь 1968, с. 785).

Соответствием русского слова *взвод* в английском языке является слово *platoon* (образующее сочетания, например, *armored platoon, rifle platoon* – танковый взвод, стрелковый взвод).

Английское соответствие русского слова *рота* – *company*. Последнее образует в английском языке следующие терминологические сочетания: *training company* (учебная рота), *assault company* (десантно-штурмовая рота), *chemical defense company* (рота химической защиты), *rifle company* (стрелковая рота), и другие, тоже связанные с конкретными разновидностями войск и функциями, которые выполняют данные подразделения.

Русскому заимствованному слову *батальон* соответствует английское слово *battalion*, связанное с русским общностью происхождения. Как и слово *company*, данное слово тоже образует множество терминосочетаний, связанных с функциональной спецификой того или иного батальона, его принадлежностью к тем или иным войскам: *assault battalion* (десантно-штурмовой батальон), *motorized rifle battalion* (мотострелковый батальон), *tank battalion* (танковый батальон). Важным отличием от русской терминологии является то, что данное слово входит в состав терминосочетания *artillery battalion*, переводимого как *артиллерийский дивизион*. Хотя в английском языке и есть слово *division* (его мы рассмотрим ниже), оно не используется в значении *артиллерийский дивизион*.

Интересна сочетаемость английского слова *regiment* (полк) в составе его терминологических сочетаний *regiment of artillery* и *regiment of infantry*, когда в отличие от русских соответствий, слово, обозначающее вид войск, является существительным, а не прилагательным и находится в постпозиции. Ср.: *артиллерийский полк*, *пехотный полк-депо*. При этом такая специфика не универсальна для всех аналогичных терминосочетаний со словом *regiment*. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на сочетания *armored regiment*, *artillery regiment*. Как видим на примере последнего, в английском языке для обозначения одной и той же реалии возможны альтернативные сочетания – с зависимым словом – именем существительным или прилагательным. От слова *regiment* с помощью суффикса *-al* образуется прилагательное *regimental*, которое, в свою очередь, входит в состав терминосочетаний (например, *regimental unit*).

Заимствованному отечественному военному термину *бригада* соответствует восходящий к тому же корню термин *brigade*. Существует и глагол *brigade*, означающий «сводить в бригады».

Русский (тоже заимствованный и русифицированный) военный термин *дивизия* также имеет родственное английское соответствие *division*. Не будучи эквивалентным русскому термину *дивизион* (в артиллерии), как мы отмечали выше, данное английское слово, тем не менее, во флотской терминологии может означать *дивизион малых кораблей*. От слова *division* также образуется прилагательное с помощью суффикса *-al*.

Появившееся в русском языке как заимствование слово *корпус* имеет в качестве соответствия в английском языке слово *corps*, которое пишется часто с большой буквы, обозначая конкретный род войск в составе вооруженных сил конкретного государства (например, *the US Marine Corps* – Корпус морской пехоты США), и у которого не произносятся две последние буквы – *p* и *s*.

Крупное соединение – армия – и в русском, и в английском языках номинируется многозначным словом. Однако многозначность эта различная. Так, русское слово *армия* может номинировать в своем

специальном терминологическом значении *крупное военное формирование, состоящее из нескольких дивизий*, а в своем общем значении – *вооруженные силы государства в целом*. Английское слово *army* обладает аналогичными значениями, но у него есть еще одно – *сухопутные войска*. При обозначении этого вида войск как компонента официальной государственной военной организации данный термин пишется с большой буквы. Образованное на основе данного существительного прилагательное тоже несет на себе печать вышеуказанной многозначности и означает не только *армейский* или *военный*, но и *относящийся к сухопутным войскам*, например, *army aviation* – *армейская авиация*. Интересно, что аналогичный термин в русском языке также означает авиацию, подчиняющуюся командованию Сухопутных войск. Слово *army* в значении «воинское формирование» также вступает в различные сочетания, означающие общевойсковую армию – *combined-arms army* – и специфические виды армий: *shock army* (ударная армия), *armored army* (бронетанковая армия), *air army* (воздушная армия).

С сопоставительной точки зрения интересны также русские слова *группа* и *отряд*. Словом *группа* в составе разных сочетаний могут обозначаться совершенно разные боевые единицы. Это может быть, например, группа спецназа в составе отряда спецназа (то есть группа бойцов как постоянное формирование), а может быть объединение нескольких подразделений. В первом случае англоязычными соответствиями будут слова *group* и *team*. Вспомним, например, термин *fireteam*. Приведем конкретный пример высказывания со словом *team*: *There is a CIA special ops team stationed just outside the city limits*.

У этого же слова – *группа* – в значении *объединенные силы нескольких подразделений* будут следующие соответствия в английском языке: *group*, *team*, *force*. Например: *regimental combat team* (усиленный полк), *battalion group* (дивизионная группа), *brigade task force* (бригадная тактическая группа).

Что же касается слова *отряд*, то оно имеет также два соответствия – *detachment* (основное соответствие) и *unit* (применительно к отряду британских диверсантов «Командос»). При этом основное соответствие этого слова – *detachment* – весьма многозначная единица, которая может обозначать такие понятия, как *отряд*, *расчет*, *оперативная группа*, а в составе сочетаний – *разведроту (detachment of scouts)* или *взвод саперов (sapper detachment)*.

Проведенное сопоставительное исследование русских и английских терминов, обозначающих воинские формирования, подразделения и соединения, показало, что в целом терминология является сходной и во многих случаях даже созвучной в силу общности источников заимствования. Однако на фоне этого общего сходства наблюдается много

частных различий в плане лексических значений, сочетаемости и словообразовательного потенциала некоторых терминов. В последнем случае имеются в виду два момента в англоязычной терминологии: образование прилагательных с помощью суффикса *-al*, который не используется в аналогичных терминах в русском языке, а также образование глаголов на семантической основе при сохранении морфологической структуры исходного слова-термина, что в целом характерно для английского языка.

Литература

1. Bowyer R. Campaign Dictionary of Military Terms. – 3rd ed. – Macmillan, Bloomsbury, 2004.
2. Англо-русский военный словарь / Под ред. Г.А. Судзиловского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Военное издательство, 1968.
3. Леонов А.И., Мансур Л.К. Русско-английский и англо-русский учебный словарь военной лексики. Приложение к спецкурсу «Основы военного права и военной истории России»: учебное пособие для студентов-иностранцев и курсантов Учебного военного центра при ВГУ. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011.

И.В. Седина, С.А. Рычкова

Сопоставительный анализ перевода английской литературы на русский язык в аспекте сохранения индивидуального стиля автора (на примере перевода романа Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle»)

Аннотация: Статья посвящена проблеме сохранения индивидуального стиля автора при переводе художественного текста. Рассматриваются художественные средства выразительности, а также требования к их переводу.

Ключевые слова: идиостиль, перевод, эпитет, метафора, синекдоха, сопоставительный анализ.

Abstract: The paper is devoted to the problem of preserving the author's individual style when translating a literary text. Artistic means of expression are considered, as well as requirements for their translation.

Key words: idiostyle, translation, epithet, metaphor, synecdoche, comparative analysis.

В современном переводоведении одной из основных целей перевода художественных текстов считается сохранение идиостиля. Как известно, переводчик выступает в роли связующего звена между автором и реципиентом текста, поскольку при переводе иностранной литературы перед переводчиком стоит задача представить иностранного автора читателям-соотечественникам. В процессе перевода художественной литературы происходит взаимодействие двух творческих личностей и, соответственно, двух индивидуальных стилей: автора оригинального

произведения и автора создаваемого перевода. То есть, с одной стороны, переводчик сталкивается с индивидуальным стилем переводимого автора и со своим собственным индивидуальным стилем (Иванова 2012, с. 199).

Поскольку идиостиль на стилистическом уровне состоит из художественных приемов, которые использует автор, проблема перевода стилистических средств представляет большой интерес.

И.В. Арнольд отмечает, что анализ языка художественных произведений осуществляется путем подразделения стилистических средств на изобразительные и выразительные (Арнольд 1990, с. 300). К изобразительным средствам принято относить все виды образного употребления слов и словосочетаний, которые вместе составляют группу тропов. Выразительные средства не создают образов, а повышают экспрессивность речи, усиливают эмоциональность с помощью особых синтаксических построений.

Согласно И.С. Алексеевой, можно выделить определенные требования к переводу художественных средств выразительности. Во-первых, переводчик должен стремиться к смысловому соответствию, которое включает в себя стилистическую точность, адекватность и полноту. Во-вторых, общий стиль переведенного текста и стиль оригинала не должны расходиться в восприятии. Необходимо подобрать эквиваленты терминов оригинала, найти аналоги сокращений и аббревиатур, корректно транслитерировать или транскрибировать имена собственные. В-третьих, переводчик должен воссоздать особенности иностранных культурных явлений таким образом, чтобы реципиент перевода смог адекватно их воспринять (Алексеева 2004, с. 346).

В романе «Howl's Moving Castle» Д.У. Джонс использует множество тропов и фигур речи, которые необходимо проанализировать, чтобы выявить особенности её идиостиля.

Эпитеты можно встретить при описании практически каждого ландшафта или внешности персонажей. Этот прием отлично подошел для описания внешности главной героини Софи, превращенной по велению злой ведьмы в пожилую женщину:

*«She pulled her **gray** skirt against her legs and looked down at **skinny, decrepit** ankles and feet which had made her shoes all **knobbly**... It was the face of a **gaunt** old woman, **withered** and **brownish**, surrounded by **wispy white** hair».*

Зачастую главная героиня книги озвучивала свои мысли вслух. Она представляла, что разговаривает с будущими владельцами вышиваемых шляпок. Для передачи в тексте «общения» Софи с неодушевленными предметами автор использует синекдоху – художественный троп, в основе которого лежит перенос наименования предмета с его части на целое и наоборот.

«To a wide, creamy hat with roses under the brim, she said, “**You are going to have to marry money!**” and to a caterpillar-green straw with a curly green feather she said, “**You are young as a spring leaf**».

С помощью сопоставительного анализа романа и его перевода, выполненного А.М. Бродоцкой, можно выявить стратегии передачи идиостилия.

Нередко Джонс описывает обстановку с помощью звукоподражательных слов, которые имитируют звуки внешнего мира. В русском языке не всегда удается найти аналоги для подобных слов и выражений. А. М. Бродоцкая использовала два способа перевода звукоподражательных слов. В первом случае она передала слово «clash» с помощью описательного перевода, полностью сохранив эффект, который должен быть оказан на читателя. Во втором примере ей удалось найти русский аналог слова «whuff», который передал шум бурлящей субстанции в ступке – «уфф».

There was a metallic clash! and Howl appeared again...»

«Раздался металлический дребезг, и снова появился Хоул...

«The spell gave a sort of a whuff then and exploded mildly».

Содержимое ступки произнесло «уфф» и тихонечко взорвалось.

Рассмотрим, как А. М. Бродоцкая справилась с переводом синекдохи:

«To a wide, creamy hat with roses under the brim, she said, “You are going to have to marry money!” and to a caterpillar-green straw with a curly green feather she said, “You are young as a spring leaf».

– У вас такой загадочный вид, – говорила она вуалетке с еле заметными блёстками. – Вы выйдете замуж за настоящего богача! – обещала она широкополой кремовой шляпе с пышным букетом под полями. А ядовито-салатную соломенную шляпку с кудрявым зелёным пером уверяла: – Вы свежи как майская роза!

В переводе были сохранены образы шляпок, с которыми общалась главная героиня, её общение с ними выражено с помощью оформления прямой речи в тексте. Чтобы избежать тавтологии, переводчик использовал прием конкретизации, и семантически широкое слово «hat» было переведено как «вуалетка» и «шляпка». В тексте оригинала автор использует метонимию – «to marry money», однако сохранить данный троп в переводе не получилось. Слово «money» было переведено как «настоящий богач», таким образом удалось сохранить смысл высказывания, опустив при этом метонимию. В обращении ко второй шляпке переводчик сохраняет используемое автором метафорическое сравнение, но отступает от эквивалентности на лексическом уровне и для

передачи фразы «young as a spring leaf» вновь прибегает к приему генерализации (вместо слова «весенний», использовал слово «майский», вместо слова «лист» использовал слово «роза»). Кроме того, было подобрано наиболее подходящее по узусу русского языка словосочетание «свеж, как роза», а не дословное английское выражение «молод как, лист». В итоге получился адекватный перевод фразы – «свежи как майская роза». Однако стоит заметить, что вначале переводчик добавил фразу «у вас такой загадочный вид», которой не было в тексте оригинала. В данном случае была допущена переводческая вольность, без которой художественный прием синекдоха был вполне реализуем.

Следует также изучить, как А.М. Бродоцкая перевела на русский язык метафору. Представим описание скользкой жидкости, которую создал Хоул в момент ярости. Для демона огня Кальцифера, обитающего в камине, эта зеленая липкая жидкость казалась угрозой, «длинные руки» которой тянулись к камину, чтобы затушить огонь:

<u>Long fingers of it [sticky liquid] had crept into the heart.</u>		<u>Длинные зелёные щупальца захватили даже очаг.</u>
---	--	--

Переводчику удалось сохранить метафору на русском языке, однако пришлось произвести трансформации. Например, для глагола «to creep» переводчик выбрал контекстуальный вариант перевода – «захватить», хотя в словаре даются такие значения, как «ползти» и «подкрадываться». Кроме того, переводчик заменил «пальцы» на «щупальца», создав собственную метафору и придав картине большую выразительность и образность.

Изучив несколько отрывков романа «Howl's Moving Castle» и сравнив их с переводом на русский язык, выполненным А. М. Бродоцкой, можно сделать вывод, что переводчик не только справился с выполнением адекватного, эквивалентного перевода, но и справился с одной из самых сложных задач – сохранил индивидуальный стиль автора текста оригинала, сохранив и передав на русский язык те тропы и фигуры речи, которые использовал автор.

Литература

1. Jones D. W. Howl's Moving Castle. – New York: HarperCollins Publishers, 2008.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов. – Москва: Academia, 2004.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. (Стилистика декодирования). – Москва: Просвещение, 1990.
4. Джонс Д. У. Ходячий замок [пер. с англ. А. М. Бродоцкая]. – Москва: Азбука, 2015.
5. Иванова А. И. Проблема передачи индивидуального стиля в художественном переводе: на материале русских переводов поэзии Джона Китса. – Москва: Издательство МГУ, 2012.

Содержание

Раздел 1.

Вопросы теории сопоставительных исследований

Стернина М.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительные исследования в трудах И.А. Стернина	3
Колтакова С.В., Неровная Н.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительно-параметрический метод в изучении терминов	8
Меркулова И.А. (<i>Воронеж</i>) Двухязычные словари в сопоставительных исследованиях лексики	12

Раздел 2. Сопоставительная семасиология

Артёмова О.А. (<i>Минск, республика Беларусь</i>) Средства реализации пространственного дейксиса в белорусском и английском языках: сравнительно-сопоставительный аспект	18
Бабушкин А.П. (<i>Воронеж</i>) Игра с языковыми знаками в русском и английском языках	23
Вострикова И.Ю. (<i>Воронеж</i>) Микрогруппы «Музыкально-артистическая трудовая деятельность» ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках	29
Гафарова М.Х. (<i>Воронеж</i>) Развитие коннотативных значений у субстантивных и глагольных лексем английского языка	32
Жилина И.А., Шилихина К.М. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ семантики лексем «КРАСОТА» и «BEAUTY»	36
Неровная Н.А., Мамонтов И.В. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ наименований воинских званий в русском и английском языках	40
Павлова С.С., Подтележникова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ прецедентных теонимов <i>Афродита</i> и <i>Венеры</i>	45
Подтележникова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) <i>Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович</i> : сопоставительный анализ прецедентных имён	49
Селезнева К.О. (<i>Борисоглебск</i>) Сопоставление словарных данных в области педагогической лексики	52
Федосова В.И. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ русских и английских наименований лиц, готовящихся вступить в семейные отношения	59

Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика фразеологизации наименований <i>деревьев</i> в русском и английском языках	62
Шилихина К.М. (<i>Воронеж</i>) Корпусные данные во внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении (на примере дискурсивов «собственно» и «собственно говоря»)	66

Раздел 3.

Сопоставительные исследования национальных концептосфер и коммуникативного поведения

Попова Л.Г., Исаева Л.Ф. (<i>Москва</i>) Лексикографическая представленность периферии концепта <i>ВЕРНОСТЬ</i> посредством синонимов ядерных лексем <i>DIE TREUE И ВЕРНОСТЬ</i>	75
Камбаралиева У.Дж. (<i>Бишкек, Кыргызская Республика</i>) Контрастивный анализ доминантных черт национального характера русского и киргизского народов	79

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в психолингвистике

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Топонимы <i>VORONEZH</i> и <i>ВОРОНЕЖ</i> в языковом сознании субординативных билингвов	84
Васильева М.Ю. (<i>Казань</i>) Сопоставление лексикографических и психолингвистических значений лексемы <i>немцы</i>	91
Дьяконова Е.А. (<i>Москва</i>) Сопоставление номинаций России на основании параметра антропоморфности	96
Журацкая М.Е. (<i>Курск</i>) Сопоставительное исследование лексемы <i>ОСКОРБИТЬ</i> в словарях, языковом сознании носителей языка и юридической практике	99
Колесникова Е.И. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное описание гендерной специфики семантики слова «человек»	107
Махаев М.Р. (<i>Назрань</i>), Рудакова А.В. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное психолингвистическое описание семантики ойконима <i>ВЛАДИКАВКАЗ</i> в языковом сознании жителей Центральной России и Северного Кавказа	113
Утицких Д.В. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное исследование ассоциативных полей слов <i>глаз</i> и <i>eye</i>	120

Раздел 5. Сопоставительные исследования текста

- Ефремова Л.С., Лашкова Г.В.** (*Саратов*) Русские и английские шутки: к проблеме сопоставительного анализа 126
- Харитоновна И.С.** (*Москва*) Невербальное оформление немецких и русских продвигающих текстов (сопоставительный аспект) 131

Раздел 6. Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

- Калинин С.С.** (*Москва*) Морфологические и синтаксические характеристики баскских пиджинов: сопоставительный анализ 135
- Кузьменко П.Б.** (*Воронеж*) Сопоставление субъектной и объектной сочетаемости глаголов *investigate* и *explore* 140
- Митрофанова Е.Н.** (*Курск*) Функции нисходяще-восходящего ядерного тона в английском и русском языках 145
- Пешкова А.Б.** (*Воронеж*) Грамматически нечленимые восклицательные предложения в русском и английском языках 150
- Попова Л.Г., Иванова П.А.** (*Москва*) Фонетическая характеристика вариантов алеманнского диалекта в Австрии и Швейцарии 155
- Шамина Е.А.** (*Санкт-Петербург*) Языковые и культурные особенности в сопоставительных исследованиях фоносемантики 158

Раздел 7. Сопоставительные исследования и перевод

- Дмитриенко Е.В., Влавацкая М.В.** (*Новосибирск*) Парадигматические девианты при переводе с английского языка на русский 162
- Картавцев В.Н.** (*Воронеж*) Номинация воинских подразделений различного уровня в русском и английском языках 167
- Седина И.В., Рычкова С.А.** (*Саранск*) Сопоставительный анализ перевода английской литературы на русский язык в аспекте сохранения индивидуального стиля автора (на примере перевода романа Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle») 171

- Содержание** 175

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 01.02.2023. Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,3 Тираж 300 экз. Заказ № 050

Текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53